

Анна Владимировна ДМИТРИЕВА

ИГРАЙ В СВОЮ ИГРУ

(Рассказы Анны Дмитриевой. Записал Юрий Зерчанинов)

[Молодая гвардия, 1972]

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Я не хочу никого убеждать: играйте в теннис и только в теннис. Когда кто-то всерьёз доказывает, что нет ничего прекраснее, чем его любимый вид спорта, мне становится просто скучно. Я могу лишь рассказать все, что знаю про теннис, и как я сама играла в него.

В лондонском Куинс-клубе (Королевском теннисном клубе) есть тёмно-зелёный зал с необычными стенами — галерею сменяет навес. Тяжёлый резиновый мяч гулко отскакивает от этих стен, прежде чем опуститься, наконец, на площадку, выстланную широкими палубными досками. Игроки одеты в белые суконные брюки и вязаные свитеры, а их ракетки напоминают слегка изогнутые лопатки. Таков старый теннис, который уже давно забыт в Европе и верность которому хранят лишь два-три десятка невозмутимых и чопорных джентльменов из Куинс-клуба.

Правила старого тенниса весьма сложны. Когда однажды, играя в Куинс-клубе открытое первенство Лондона, я забрела в этот зал, мне любезно вручили лопатообразную ракетку и указали ту половину корта, откуда следует подать мяч в боковую стенку над последней галереей, но так подать, чтобы затем он ударился о навес и так далее. Я два раза ударила, но непривычно тяжёлый мяч шёл у меня

совсем не туда, куда следует. Почтенные джентльмены сочувственно улыбались, и мне казалось, что каждый из них неизъяснимо горд своим отдалением от нынешней суеты, хотя бы в части тенниса.

Знатоки изыскивали истоки тенниса ещё в Древнем Риме и даже, как я где-то читала, у египтян. Но совершенно достоверно, что игра в мяч, который перебрасывался ладонями, уже в XIII веке была известна во Франции и называлась: «Жё де пом». В 1480 году Людовик XI распорядился, чтобы мяч для этой игры, который первоначально делался из кусков материи или конского волоса, был покрыт сверху кожей и шерстью.

Надели кожаные перчатки и игроки, затем кто-то попробовал отражать мяч широкой палкой, а в XVI веке появились и первые ракетки, натянутые верёвками. В Париже строились специальные залы для этой игры, которые назывались «трипо». Английский путешественник того времени писал, что во Франции больше игроков ладонью, чем в Англии пъяниц.

Но вскоре игра перекинулась и в Англию, где и была названа «теннис». Известно, что в этой игре находили забаву и Генрих VIII, и многие из Людовиков. Имена менее сиятельных теннисистов былых времён историки не поминают.

Первый отчёт о теннисном матче поместил в начале прошлого века английский «Спортинг мэгэзин». Этот лаконичный отчёт гласил: «Кошелёк в 100 гиней разыгрывался в мае 1816 года Коксом, мастером теннисного корта Лондона, и Маркезио, сыном Маркезио, мастером теннисного корта Турина, и был выигран последним после трёх дней игры».

Да, в теннис прежде играли на деньги, а теннисные проигрыши даже взыскивались по суду. В первых русских правилах современного тенниса (1895 год), исключаящих денежные ставки, имелось, тем не менее, следующее примечание: «Осложнения встречаются главным образом при игре на интерес и тем самым выходят за пределы нашего рассмотрения».

Эта «игра на интерес» породила и пятнадцати балльную систему теннисного счёта: 15, 30, 45, 60. Сейчас судья говорит «сорок», а не «сорок пять», но ещё в конце прошлого века во Франции отсчитывали: «Сорок пять». Просто «сорок» звучит энергичнее и выкрикивается быстрее. Изменение произошло, когда теннисный счёт «обесценился» — лишился денежного обеспечения.

Исследуя историю счёта очков «на пятнадцать», Борис Алексеевич Ульянов, известный в прошлом московский теннисист и автор многих книг по теннису, приходит к такому заключению:

«Существует счётная система, называемая «шестидесятикратной», возникновение и происхождение которой относится, вероятно, к временам вавилонской культуры. В этой системе начальной мерой была не единица, а шестьдесят единиц. Система эта служила для измерения углов и счёта времени; так в последнем, например, за единицу принимается час (60 минут), а не одна минута. Меньшие величины в ней выражаются дробью по отношению к шестидесяти.

По своему характеру теннисный счёт является в основном шестидесятикратной системой, в которой обнаруживается примитивная форма деления целого на четыре части. В ней игра является единицей.

Короли и вельможи XIII — XIV столетий выигрывали и проигрывали большие суммы. Игра шла на крупную монету в 60 су, называвшуюся в обиходе «коронай». «Корона» разменивалась на четыре меньших, по пятнадцати су, которые и являлись, очевидно, стоимостью каждого из четырёх теннисных ударов».

Так вот, в первом отчёте о теннисном матче упомянут Филипп Кокс. Он ещё звался Старым Коксом и был лучшим теннисным игроком начала прошлого века. Известно, что 25 июля 1819 года, то есть спустя три года после того, как он проиграл кошелёк в 100 гиней Маркезио, сыну Маркезио, Старый Кокс блистательно доказал своё превосходство над чемпионом Франции Шарьером, и только спустя ещё десять лет Старый Кокс был разбит, и на этот раз окончательно, другим французом — Эдмоном Барром, который считался величайшим из величайших игроков старого тенниса.

И действительно, до шестидесяти лет Барр не знал достойных соперников, но и в этом почтенном возрасте он не желал расставаться со своею славой и поехал в Лондон — это было в 1862 году, — чтобы в матче из пятнадцати сетов посрамить юного англичанина Томпкинса, который похвалялся, что обыграет его, великого Барра. Их легендарное единоборство длилось пять дней. Когда Барр понял, что на этот раз ему уже не победить, он решил «умереть» на корте, лишь бы не уходить побеждённым. На пятый день при ничейном счёте матч был прерван...

Мне представляется, что старый теннис походил на рыцарские турниры. Распорядитель, он же маркёр, торжественно целовал сетку перед началом игры; в закрытых галереях, взирая на своих избранников, трепетали прекрасные дамы... Да, это была истинно мужская игра.

Но ещё в прошлом столетии нашёлся человек — майор индийской службы Вальтер Уинкфилд, — который, отталкиваясь от правил старого тенниса, предложил новую игру, доступную как мужчинам, так и женщинам любого возраста. 24 февраля 1874 года майор получил патент на эту игру, названную им «сферистикой».

Площадка для новой игры от сетки к задней линии расширялась, поле подачи, как и в старом теннисе, было обозначено только на одной её половине. Вначале предполагалось, что «сферистика» столь универсальна, что в неё можно играть и зимой — на льду. И было много попыток играть на льду, но чем лучше игрок владел коньками, тем хуже он играл — надо было не кататься, а бегать по льду на носках коньков. Да и мяч плохо отскакивал ото льда. (В начале нашего века француз Макс Дега пытался играть в теннис, стоя по пояс в воде, но теннис на воде не удался, как и на льду.)

В 1875 году «сферистикой» заинтересовались два ведущих крокетных клуба Лондона, правила новой игры были несколько изменены, и теперь она была названа «лаун-теннис». Дословный перевод: «теннис на лужайке», или «травяной теннис». Этим подчёркивалось, что в лаун-теннис играют на траве под открытым небом. В старый теннис, как известно, играли в залах на деревянном полу. Со временем в лаун-теннис стали играть и на земляных, асфальтовых, бетонных площадках, а затем и на крытых кортах с земляным, деревянным или пластиковым покрытием. Мы не говорим уже «лаун-теннис», а просто «теннис». Но играем по тем самым правилам лаун-тенниса, которые были выработаны почти сто лет назад, после первых уимблдонских турниров сложились окончательно и с тех пор, практически, не меняются.

Первый турнир, с которого исчисляется история современного тенниса, состоялся в июне 1877 года на новых площадках Всеанглийского крокет-клуба в Уимблдоне. В том же году клуб стал именоваться не только крокетным, но и лаун-теннисным. Были построены раздевалки и душ, в которых игроки в крокет не нуждались — после игры им было достаточно вымыть руки. С появлением теннисистов потеряло всякий смысл и клубное правило, которое призывало джентльменов не играть без пиджаков в присутствии дам. А в 1882 году мистер Генри Джонс, руководивший составлением лаун-теннисных правил и оставшийся в памяти потомков как великий оригинал, неизменно ходивший в белом шлеме и с белым зонтиком на зелёной подкладке, потребовал даже, чтобы в Уимблдоне играли только в теннис, а крокет был бы вообще удалён.

Первый Уимблдонский турнир собрал двадцать двух игроков и двести зрителей. Второй и третий призы достались спортсменам, прежде игравшим в старый теннис, но первый приз, стоимостью в 12 гиней, а также серебряный кубок, стоимостью в 25 гиней, учреждённый журналом «Филд», выиграл Спенсер Гор, пришедший в лаун-теннис из рекетса. Корт для этой игры не требовал зала с галереями и навесами, а лишь специально размеченной стенки, в которую, чередуясь, игроки посылали мяч.

Что отличало первого чемпиона Уимблдона? Хотя, как и все тогдашние игроки, он подавал снизу, но уже подкручивал мяч. Сетка, правда, была натянута высоко. Но успех Спенсера Гора определила не крученая подача, а прежде всего игра с лёта. В ту пору игра шла с задней

линии неторопливыми ударами справа — за один розыгрыш мяча «искусные» игроки делали до полусотни ударов! — а длиннорукий Гор вдруг стал выходить к сетке и, целиком перекрывая её, убивать все мячи.

Противники Гора били что есть силы, посылали и прямые драйвы и косые, но Гор перехватывал любой мяч, и вскоре раздались голоса, что игру с лёта следует запретить. Но нашёлся игрок, который на следующий год в челленджраунде (до 1922 года чемпион Уимблдона лишь защищал своё звание, встречаясь в защитном круге — челленджраунде — с победителем финала) легко — в трёх сетках! — справился с Гором, обводя его у сетки свечами.

Этим игроком был Р. Фрэнк Хэдоу. Случившееся настолько смутило его, что Хэдоу решил не испытывать впредь судьбу, а заодно и своё некрепкое здоровье, и вновь уехал на Цейлон, где он выращивал чай, отказавшись на следующий год защищать своё чемпионское звание. Хэдоу опять появится в Уимблдоне лишь спустя почти пятьдесят лет, чтобы возглавить парад ветеранов на юбилейном турнире 1926 года.

Но и в отсутствие Хэдоу теперь уже все кидали эти коварные свечи, и игра опять едва не зашла в тупик. Наконец, изобрели смэш, и два-три ближайших года теннисисты учились убивать свечи.

Смэшем в совершенстве владели братья-близнецы Уильям и Эрнст Реншоу, которые в восьмидесятые годы царили в Уимблдоне: семь раз побеждал Уильям (своеобразный рекорд турнира, непревзойдённый и по сей день!) и один раз Эрнст. С братьев Реншоу начинается и настоящая парная игра. Если прежде один игрок стоял непременно сзади, а другой — на линии подачи, то оба Реншоу выходят уже вперёд.

Братья Реншоу знали лишь одного соперника — Герберта Лоуфорда, которому всё же удалось в 1887 году выиграть Уимблдон. Лоуфорд играл традиционно, на задней линии, но мощно, совершенно отказавшись от простой перекидки. Он утверждал, что мяч, убитый противником с лета, — расплата за твой слабый удар.

Во времена братьев Реншоу теннис стал самой популярной игрой в Англии. Но затем интерес к теннису, казалось, совсем исчез. Был даже год, когда за день до открытия Уимблдона на турнир был продан лишь один билет.

Но в середине девяностых годов теннис вновь обретает всеобщее признание, и тому виной воспитанники Кембриджа — блистательные братья Дохерти, которые в общей сложности побеждали в Уимблдоне девять раз. «Большой До» любил играть, держа ракетку двумя руками, и это от него пошёл «пушечный удар». А «Маленький До» по мнению такого авторитета, как Анри Коше, является самым элегантным игроком за всю историю тенниса.

В паре братья Дохерти выиграли Уимблдон восемь раз! Теннисный судья доктор Пирс писал: «Дохерти прекрасно разработали свою совместную игру во всех деталях, и прямо жутко становится, глядя, как точно они переходят с места на место».

В 1907 году «Маленький До» отказался от челленджраунда, и победитель финала австралиец Норман Брукс был объявлен новым чемпионом (Брукс вторично выиграет Уимблдон в 1914 году). К концу своей спортивной карьеры Норман Брукс будет удостоен звания «сэра», как в наши дни футболист Метьюз или отважный мореплаватель Чичестер.

Сэр Норман был левша. Играл он почти треугольной и слабо натянутой ракеткой. Но, как никто до него, Брукс умел предугадывать мяч, обладая совершенным чувством мяча (сейчас уже трудно представить, что человек, не обладающий этим качеством, может стать настоящим теннисистом). И до Брукса ходили к сетке, завершая розыгрыш подготовленного мяча против «выбитого» с площадки противника. А Брукс, имея отличную подачу и полагаясь на своё чувство мяча, сразу шёл к сетке, где и разыгрывал мяч и завершал розыгрыш. Брукс предлагал совершенно иной темп игры.

В 1913 году в Уимблдоне появился чемпион США калифорниец Морис Мак-Луглин и предложил игру ещё более быструю, чем Норман Брукс. Мак-Луглина сочли феноменом. Современники говорили, что скорость, с которой Мак-Луглин передвигается по площадке, недоступна обычному человеку. Мак-Луглин превратил подачу, которая прежде считалась лишь вводом мяча в игру, в выигрышный удар. Однако Уимблдон калифорниец не выиграл — уступил в решающей встрече знаменитому новозеландцу Тони Уилдингу. У Мак-Луглина были и подача, и скорость, но удара слева не было, и мяч, посланный ему под левую руку, он обегал, чтобы ударить его справа!

На следующий год на чемпионате США Мак-Луглин встретился с Ричардом Уильямсом, которого уже не пугала его подача. Уильямс, двукратный чемпион США, добился высшего признания в Уимблдоне лишь как парный игрок. Он был нестабилен, легко терял форму, но место в истории тенниса себе обеспечил. Принимая подачу Мак-Луглина, Уильямс, этот человек с «железной кистью», становился не в нескольких метрах от задней линии, как было принято до него, а почти на самой линии и брал мяч сразу же после отскока в высшей его точке. Такая манера приёма мяча — не только после подачи — позволяла Уильямсу опасно атаковать уже с задней линии.

Так в единоборстве Уильямса и Мак-Луглина закладывались основы современной игры: с одной стороны, остроатакующая подача с выходом вперёд и стремление выиграть очко сразу с подачи, а с другой стороны, столь же атакующий приём подачи по восходящему мячу.

Ожидалось, что трёхкратный чемпион Уимблдона Тони Уилдинг, игравший с каждым годом всё более совершенно, станет первым универсальным теннисистом, равно владеющим любой манерой игры, но Уилдинг погиб на фронте в годы первой мировой войны, и таковым игроком, уже после войны, стал Уильям Тильден.

Я ещё расскажу о Тильдене. Пока же, оценивая игру чемпионов старого Уимблдона, я пыталась проследить, как на этом турнире, который до 1924 года официально именовался первенством мира на травяных кортах (по существу, он и остался первенством мира, именуясь официально открытым первенством Англии), складывалась игра в теннис в её сегодняшнем понимании.

В последнее воскресенье перед открытием Уимблдона его участники приглашаются на традиционный дневной приём в Хёрлингем. И в парке этого большого спортивного клуба, который имеет и корты, и поле для гольфа, и бассейн, даётся парад теннисных мод сезона.

В Хёрлингеме соперничают два признанных законодателя современной теннисной моды: трёхкратный чемпион Уимблдона Фред Перри, форму которого отличает строгость фасона, и Тедди Тинлинг, стремящийся привнести на корт все изыски моды.

Фред Перри дружен с советскими теннисистами, и я ещё расскажу, как он приезжал в Москву. Его теннисную форму описывать не буду — фирменный зелёный веночек Перри уже более десяти лет красуется на майках, костюмах и куртках наших игроков.

Пытаясь превзойти Фреда Перри, Тедди Тинлинг не скупится на броскую рекламу: «Только Тедди Тинлинг даст вам свободу действия и свежий фасон в одежде», «Выигрышный стиль при помощи Тедди Тинлинга», «Эти Тедди Тинлинга платья — выигрыш в любом случае».

Тедди Тинлинга легко узнать «по одежке»: огромные башмаки, узкие брюки, рубашка с тугим пристежным воротничком. Энергично прогуливаясь по аллеям Хёрлингема, Тинлинг постоянно раскланивается и каждому говорит любезность. Самые экстравагантные платья он создаёт для итальянки Леа Периколи. То её платье отделано мехом, то обшито страусовым пером. Периколи, кстати, первой вышла на корт в мини-юбке и кружевных панталончиках.

А мужчинам и Тинлинг и Перри предлагают новые свитеры.

Француженки на этом параде мод появляются в собственном одеянии — француженки «одеваются» у Рене Лакоста — в прошлом тоже великого чемпиона.

Меньше всего считаются с модой американки. Четырёхкратная чемпионка Уимблдона Моффит-Кинг предпочитала перриевскую юбку старого фасона. А Ричи, другая известная американка, как и мужчины, играет в шортах.

Хёрлингем — это не только парад мод, но и карнавал. Помню, какой успех имела однажды американка Дарлин Хард, которая появилась в длинном, до полу, теннисном платье начала века. Хард не забыла надеть и нижнюю юбку, и, кажется, даже корсет и в таком наряде, раздобыв и старинную, почти треугольную ракетку, вышла на корт и, ко всеобщему веселью, изобразила, как дама прежде играла в теннис.

Хотя ещё майор Уинкфилд, составляя правила «сферистики», предназначал новую игру как для мужчин, так и для женщин, но сразу же возникли сомнения: а поймёт ли женщина сложный счёт игры? А как же она будет бегать — неприлично же даме выйти на корт в платье без шлейфа? Может быть, следует кидать мячи как можно ближе к даме? А может, вообще женщина слишком деликатна для этой игры: лаун-теннисным мячом можно угодить и в глаз?

Первый теннисный турнир, в котором успешно состязались и женщины — как в одиночном разряде, так и в миксте, — состоялся в 1879 году в Дублине. Шлейф затруднял, конечно, игру, но первые теннисистки нашли такой выход: устремляясь к мячу, они поддерживали шлейф рукой.

А в 1884 году по инициативе мистера Генри Джонса — того самого Генри Джонса, который непременно ходил в белом шлеме и с белым зонтиком на зелёной подкладке, — дамам предложили разыграть свой турнир и в Уимблдоне. Генри Джонс также рекомендовал, чтобы после каждого сета теннисисткам позволялось пять минут отдохнуть, но эту рекомендацию организаторы турнира категорически отвергли. Первой чемпионкой Уимблдона стала Мод Уотсон.

В 1887 году Уимблдон выигрывает пятнадцатилетняя Лотти (Шарлотта) Дод. И по сей день Лотти остаётся самым юным чемпионом Уимблдона.

Лотти Дод, которая выигрывала турнир пять раз, по праву считается первой великой чемпионкой Уимблдона. Она умела играть с лёта, бить смэш и окончательно доказала, что теннис в такой же мере женская, как и мужская игра.

Полагают, что если бы Лотти Дод захотела, она бы выиграла Уимблдон не пять, а пятнадцать, а может, и двадцать пять раз, но непостоянная Лотти предпочла теннису гольф. И в этой игре, а затем и в стрельбе из лука Лотти не знала равных себе в Англии.

Хотя Лотти Дод, кажется, уже рассталась со шлейфом, но ещё в начале нашего века женщины играли в теннис в том почти бальном наряде, который так удачно воссоздала в Хёрлингеме Дарлин Хард.

И только после первой мировой войны эта мода будет ниспровергнута Сюзанной Ленглен, как, впрочем, ею будет ниспровергнута и вся былая женская игра. Но о Сюзанне будет отдельный рассказ.

А мужская теннисная мода? Она тоже имеет свою историю. Первые джентльмены, которые явились с теннисными ракетками во Всеанглийский крокет-клуб, решительно пренебрегли принятым в клубе правилом и, оставшись без пиджаков в присутствии дам, вышли на корт в полосатых вязаных фуфайках и в бриджах с чулками. Своим головным убором первые теннисисты избрали шапочку, которую англичане называли «пирог со свинойной».

Братья Дохерти ввели новую моду: длинные белые фланелевые брюки и белую оксфордскую рубашку с длинными рукавами, которые они закатывали.

В тридцатые годы любимец английских зрителей Банни Остин (который играл удивительно элегантно, хотя и недостаточно мощно, но мог вдруг победить любого чемпиона) однажды появился в Уимблдоне в шортах, что было поначалу расценено как очередная выходка эксцентричного Банни. Но вот и американцы играют в шортах, а американки выходят без чулок — лишь в носках...

Сегодняшний Уимблдон достаточно терпим. Ни мини-юбка Леа Периколи, ни длинные, до плеч, волосы датчанина Торбена Ульриха осуждений не вызвали. Но и сегодня случаются курьёзы. В шестьдесят втором году знаменитая бразильянка Мария Буэно вышла на

центральный корт в платье с ярко-оранжевой люминесцирующей подкладкой. Королева была шокирована яркостью этой подкладки и покинула свою ложу. И цветные подкладки были впредь запрещены. Английская королева по-прежнему всевластна в Уимблдоне, и тут уж ничего не поделаешь.

Просторные комнаты, камин, старые английские кресла, и в одном из этих кресел полулежит старый, сухой человек и старым теннисным языком говорит мне:

— Тот драйв вы ошиблись. Жаль...

Он давно уже болен и нигде не бывает, даже в Уимблдоне, но турнир транслируется по телевидению, и он смотрит эти передачи — видел на днях и мою игру. Он видел и Бакшееву, Лейуса, Метревели. Он всех нас давно уже знает и вот, наконец, просил передать, что он, граф Сумароков-Эльстон, был бы рад встретиться с советскими теннисистами, и ждёт нас к себе в гости.

И вот передо мною тот Сумароков, с которого начался русский теннис и который бил всех иностранных игроков, приехавших в Петербург.

Утомлять вопросами Сумарокова не решаюсь — мне кажется, говорить ему трудно. Однако взгляд у него живой, и он внимательно слушает Белиц-Геймана, который рассказывает, как в нашей стране сейчас играют в теннис.

И в журнале «Лаун-теннис», и в «Ежегоднике Всероссийского союза лаун-теннисных клубов», которые в десятые годы издавались в России, почти на каждой странице встречаешь имя Сумарокова, его фотографии: вот он играет на загородных кортах в Лахте со своим основным соперником Аленицыным, вот стоит в ряду уважаемых игроков Санкт-Петербургского кружка спортсменов — самый юный среди этих усатых господ; вот он снят у входа в клубный павильон как пятикратный чемпион России, но мне почему-то кажется, что свои теннисные успехи он оценивает несколько критически и не стремится выглядеть на снимке эдаким великим чемпионом, а держится независимо, как студент, — а он и был студентом Петербургского университета и начинал спортивный сезон даже в год Олимпийских игр 1912 года, лишь завершив летнюю сессию. Он принадлежал к знатному, но обедневшему роду.

Читая эти старые теннисные журналы, переносишься в обособленный мир, который объединял узкий круг спортсменов — так, на английский манер, произносилось, а иногда и писалось это слово в России. В Лахтинском лаун-теннисном клубе, в 1904 году, например, состояли: 1 почётный член, 38 действительных членов, 21 член-посетитель (несовершеннолетние) и 38 дам. И в Англии, и во Франции в ту пору играли в теннис уже и зимой — в закрытых залах. Но российские теннисисты зимой играли обычно в хоккей (Сумароков играл только в теннис и, говоря сегодняшним языком, не уделял никакого внимания общефизической подготовке). Правда, в 1911 году петербургские теннисисты арендовали на зиму «Спортинг-палас» на Каменноостровском проспекте и даже провели там несколько состязаний, но в декабре владелец «паласа» резко повысил наёмную плату, и от аренды пришлось отказаться. Теннисные издания постоянно сетуют, что кортов в России мало и что вообще теннис менее популярен, чем, скажем, скачки, борьба или «ставшая в последние годы столь модной авиатика».

Жизнь теннисных клубов не замыкалась лишь в рамках игры. Приведу отчёт об открытии лаун-теннисного сезона 1912 года в Гунгербургском (Гунгербург — нынешняя Усть-Нарва) клубе:

«В субботу, 28 июля, в первый день состязаний, в зале кургауза Гунгербургским клубом были устроены бал и кабаре. После оживлённых танцев в зал были внесены столики и начался дивертисмент, в котором выступили члены клуба и его друзья. Была разыграна целая пантомима в трёх действиях «Злодей Гризам, укротитель львов, или Таинственное похищение дочери миллиардера». Боксировали самые настоящие Джеффрис и Джонсон, много и очень хорошо танцевали, был прочитан печальный «Романс теннисиста», выступали шансонетка, гимнасты и др.».

Обложками «Лаун-тенниса» уже владеет реклама.

«Что пить спортсмену? Исключительно кислородную воду «Оксиген». «Играйте ракетками «Дохерти», которыми выиграны чемпионаты мира в течение двенадцати лет подряд, и мячами «Шлезингер»; «Ракета «Уилдинг». Три выдающиеся победы. Чемпионаты мира (на траве, на земле и на дереве) 1913 года все были выиграны ракетой «Уилдинг»; «По отзывам наших лучших игроков — гр. М. Сумарокова-Эльстона и А. Аленицына — ракета первого в России производства бр. М. и М. Цыганковых не уступает фабрикантам наиболее известных заграничных фирм».

Я интересовалась историей этой первой русской ракетки — она называлась «Максим». Известный знаток и коллекционер ракеток Александр Алексеевич Тарутин, который по сей день убеждает меня, что если я стану играть одной из созданных им ракеток, то обязательно всех обыграю, вручил мне недавно интересную рукопись: воспоминания племянника братьев Цыганковых Ивана Трофимовича Щепкина. Приведу отрывок из этих воспоминаний (сохраняя своеобразный стиль автора), в котором рассказывается, как Сумароков удостоил ракетку «Максим» своего автографа:

«...Надо сказать, что в то время появился молодой игрок граф Сумароков-Эльстон Михаил. Этот Миша начал играть в детстве правой рукой, но она стала у него сохнуть, то есть утоньшаться. Петербургские врачи не смогли ему помочь, то есть вылечить. Тогда его отправили за границу, во Францию, где он в течение двух лет лечился.

В теннис он начал играть левой рукой, и очень успешно. Вылечить правую руку и там ему не смогли. Она не болела, но с его ростом она не развивалась. Мячи же он мог вполне подбрасывать, то есть она у него действовала, но была малосильной.

Ракетками Сумароков играл «Дохерти», «Шлезингер» и «Дрива». На зиму я из Петербурга уехал обратно в Москву. Сумарокову я предлагал наши ракетки, но он после непродолжительной игры отказывался от них. Узнав, что же ему нужно, я пообещал привезти ещё.

Когда в 1911 году я снова привёз ему специально 10 штук ракеток «Максим» и предложил ему выбрать, что ему понравится, он выбрал только 2 штуки и играл ими несколько дней, потом, указав недостатки, снова вернул их мне. Я задался целью заставить всё же играть русской ракеткой Михаила и срочно сообщил в Москву об обстоятельствах дела. Я указал о недостатках и просил Максима Матвеевича срочно выслать ещё ракетки, специально изготовленные Сумарокову.

Получив снова 5 штук, я принёс их на корт и предложил Михаилу. Он выбрал 2 штуки и начал ими играть. Эти ракетки ему понравились, и он уже не расставался с ними.

Сообщив об этом в Москву, я снова указал устранить недостатки, уже на мой взгляд.

Получил ещё для Сумарокова 3 штуки ракетки и вручил ему; он остался доволен и взял себе все 3 штуки (ещё бы, бесплатно). Тогда я спросил Михаила Николаевича, можно ли на ракетках «Максим» ставить автограф, то есть его фамилию. Он дал согласие, и я попросил его для этого сделать роспись, что он и сделал.

И так появились на свет лучшие русские ракетки «Максим»-Сумароков. Автограф я переслал в Москву, и там изготовили штамп «М. Сумароков» и делали золотое тиснение на ракетках «Максим» высшего сорта.

А когда чемпион России Михаил Сумароков стал играть русскими ракетками, тогда ими заиграла вся Россия, а главное, Петербург и Москва».

Как видите, и здесь — Сумароков. А что если попробовать рассказать об этом великом русском игроке, обратившись к теннисным отчётам тех лет? Эти отчёты, мне кажется, дадут наилучшее представление и об уровне игрового мышления, и о нравах начальной поры лаун-тенниса, чему, в конечном счёте, посвящена вся эта глава.

1909 год. «Ежегодник Всероссийского союза лаун-теннисных клубов» («В. С. Л. Т. К.»):

«Первым открытым состязанием было традиционное весеннее состязание в С.-Петербургском кружке спортсменов. На этом состязании выдвинулся незнакомый у нас до сего времени игрок, молодой граф М. Н. Сумароков-Эльстон; ему удалось победить в одиночном разряде первоклассного игрока Аленицына, который возьмёт в 1909 году чемпионат г. С.-Петербурга...»

1910 год. «Ежегодник В. С. Л. Т. К.». Из отчёта о финальном матче за звание чемпиона России между Сумароковым и Аленицыным:

«Оба игрока были в удивительной форме и показали класс игры, доселе в России не виданный. Выиграл лучший из двух — гр. Сумароков-Эльстон...»

1912 год. «Ежегодник В. С. Л. Т. К.». Из отчёта о выступлении русских теннисистов на Олимпийских играх в Стокгольме:

«Начать с того, что нам до странности не повезло при жеребьёвке. В мужском одиночном разряде Россия записала двух своих представителей, всех записей было 62; неумолимая судьба захотела, чтобы в первом же круге оба русских играли друг против друга. Однако, несмотря на предсказание судьбы, этого не захотел наш Олимпийский комитет и совершенно правильно решил, что нет смысла нашему чемпиону Сумарокову с места открывать свою игру против слабейшего противника. Таким образом, Аленицыну в одиночном разряде выступать совершенно не пришлось. Всем известны результаты игры Сумарокова. Во 2-м круге он легко, при общем удивлении присутствовавших, победил непобедимого в Швеции Сеттерваля при результате 6:3, 6:3, 11:13, 6:2, которого Уилдинг сумел побить лишь после пяти тяжёлых сетов. В 3-м круге наш чемпион встретился с Крейцером, лучшим после Фрейцгейма игроком Германии, только перед тем при розыгрыше чемпионатов мира в Париже взявшего 2-й приз в одиночном разряде и 1-й в паре с Фрейцгеймом. Трудно, я бы сказал, безумно было ожидать, чтобы 18-летний Сумароков, сравнительно хрупкого сложения, никогда не играющий более 3 — 4 месяцев в году, в этом же сезоне всего за 2 недели перед тем взявший ракету в руки, не игравший никогда против игрока лучшего себя, мог победить испытанного в боях атлета, тренированного благодаря непрекращающейся практике до пределов возможного. Однако, подкупленные поразительным стилем нашего чемпиона, которым он побил накануне шведа, сторонники Сумарокова ждали от него почти невозможного. Началась борьба. Первый сет выиграл без особой борьбы Крейцер (6:2). Во втором противники схватились уже серьёзно. Сумароков играл блестяще, как никогда, его изумительные драйвы, великолепно плавящиеся, гоняли противника по всему корту. Однако приходится признаться, что противник попался изумительный. Ограничиваясь исключительно защитой, Крейцер подбирал все, вызывая своей энергией изумление зрителей, не думая нападать, он ожидал ошибок своего противника. Сумароков не мог не ослабеть, изумительные драйвы его неминуемо должны были потерять несколько в меткости, длина их должна была сократиться. Расчёт менее классного, но значительно более подготовленного и опытного Крейцера, к сожалению, был безупречен. Выиграв 2-й сет в сильной борьбе 12:10, ведя третий сет 4:1 и 40:15, Сумароков, раздосадованный порвавшейся не вовремя ракеткой и, несомненно, несколько ослабевший, перестал нападать. После этого он не выиграл уже ни одного гейма, отдав конец матча почти без борьбы...»

Но, по мнению большинства зрителей, без различия национальностей, и, по отзывам в печати, класс и поразительный блеск игры Сумарокова превосходили всё виденное в Стокгольме и ставят его на одно из первых мест среди игроков всего мира. Русский спорт должен, безусловно, гордиться, что у него имеется такой представитель...»

1912 год. «Ежегодник В. С. Л. Т. К.». Из отчёта о VI Всероссийском состязании, в котором участвовали и сильнейшие иностранные игроки: Первым из первых оказался наш русский чемпион гр. Сумароков-Эльстон, потерпевший в этом состязании только одно поражение (в финале мужских пар) и получивший звание чемпиона России 1912 года во всех доступных ему разрядах. Молодой граф после Олимпиады был в великолепной форме и оказался лучшим среди иностранных чемпионов Кидсона и гр. Сальма».

1913 год. «Ежегодник В. С. Л. Т. К.». Из отчёта о славной победе Сумарокова над чемпионом Уимблдона в парном разряде англичанином Диксоном:

«В финале одиночного разряда на первенство России встретились, таким образом, наш молодой чемпион гр. Сумароков-Эльстон и закалённый в боях английский чемпион Диксон. Никогда ещё на наших состязаниях не чувствовалось среди зрителей такого подъёма, такого нервного напряжения, как в тот момент, когда эти игроки вышли скрестить оружие на центральном корте Крестовского лаун-теннисного клуба. Этот исторический матч, окончившийся блестящей победой нашего чемпиона, продолжался почти 3 часа (2 часа 54 минуты). На этот раз исключительный талант одержал верх над феноменальной выдержкой и опытом Диксона.

В самом начале состязания Диксон пытался путём коротких ударов с воздуха привлечь противника к сетке и не давать ему нападать драйвами; но здесь коса нашла на камень: брать крученный драйв Сумарокова с лёта Диксону не удавалось, и ему приходилось отступать на заднюю линию; таким образом, Сумароков взял первый сет со счётом 6:3. Во втором сете Диксон переменял свою тактику: он не пытался играть с хавкорта, и, превосходно пассивуя и искусно удлиняя и укорачивая мячи, он взял второй сет со счётом 6:3. В третьем и последнем сетах впечатление от игры было такое, что Сумароков нашёл ключ к игре Диксона. Держа его всё время на задней линии, Сумароков все мячи посылает Диксону под левую руку, пользуясь тем, что Диксон слева отвечает преимущественно по диагонали. Таким образом, диагональный ответ попадал Сумарокову, который, как известно, левша, под его самый верный удар... Освоившись с пассивировкой и укорачиванием мячей Диксона, Сумароков взял всю инициативу в свои руки, в нужный момент стал подходить к сетке и там блестяще кончал мячи.

Выиграв третий сет 6:4, он повёл игру в четвёртом сете, и скоро счёт был 4:3 и 40:30 в его пользу. В этот момент судья ошибся, приняв аут Диксона за правильный мяч, хотя судья на линии и крикнул: «Аут!» Это, по-видимому, расстраивает Сумарокова, он делает на подаче двойные ошибки, и Диксон берет гейм за геймом и выигрывает сет со счётом 6:4. Начинается пятый, решительный сет. Успокоившийся Сумароков вкладывает в игру все свои силы и блестяще выигрывает сет со счётом 6:0, несмотря на отличное сопротивление Диксона...

Победа графа М. Н. Сумарокова-Эльстона над Диксоном является исключительным торжеством русского лаун-тенниса, благодаря которому 1913 год останется надолго для нас памятным».

1914 год. Журнал «Лаун-теннис» № 10 (39). Из отчёта об открытом первенстве России:

«Итак, в финале оказались Клайншрот (немецкий игрок, который в тот год в парном разряде Уимблдона достиг челленджраунда. — А. Д.) и гр. Сумароков-Эльстон...

Дело в том, что с утра шёл дождь, и площадка сделалась, естественно, очень мягкой, и мячи не могли прыгать так высоко, как накануне. Для Клайншрота, у которого мячи вообще прыгают низко и привыкшего именно к таким прыжкам, это обстоятельство было на руку. Для Сумарокова как раз наоборот. Вся его сила в его драйве, от которого мяч поднимается от земли на значительную высоту. К этому драйву иностранцы не привыкли и освоиться с ним им чрезвычайно трудно. На мокрой площадке, понятно, это не так действенно. Страхи оказались напрасны. Сумароков играл блестяще и, главное, совершенно свободно и легко. Бедный Клайншрот был уничтожен, он был разгромлен почти без очков...

Этой победой Сумароков остаётся на 5-й год чемпионом России. Он может праздновать первый свой юбилей — и это в 21 год. Честь и слава нашему чемпиону!

Будем надеяться, что обстоятельства позволят Сумарокову съездить зимой на Ривьеру и доказать, что он непобедим не только на русских площадках».

Сумароков приехал на Ривьеру, но после революции — уже эмигрантом. Он жил одно время в Ницце и в 1922 — 1924 годах выигрывал первенства юга Франции. В каком-то из этих турниров он победил знаменитого «мушкетёра» Анри Коше.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Первый корт, который я помню, — заросший травой, неухоженный корт в подмосковном доме отдыха «Пестово». Мой отец, Владимир Владимирович Дмитриев, был главным художником МХАТа, а в послевоенные годы мхатовцы проводили лето в Пестове.

Помню, как в предвечерний час величественно шествовал на корт Станицын, чтобы продолжить свой многолетний спор с Комиссаровым за право называться второй ракеткой МХАТа. Сильнейшим игроком МХАТа — а также и страны! — в ту пору был уже Николай Озеров, но Михаил Михайлович Яншин, Евгений Васильевич Калужский, Михаил Николаевич Кедров, Виктор Яковлевич Станицын, Александр Михайлович Комиссаров и другие мхатовские ветераны и здесь хранили традицию — высшим теннисным авторитетом для них по-прежнему оставался мой двоюродный дед Всеволод Алексеевич Вербицкий. А кто вслед за ним? Станицын или Комиссаров? Они вели этот спор не один десяток лет.

Рассказывают, что на турниры с участием Вербицкого в своё время ходил весь МХАТ, а его теннисные победы праздновались, как премьеры. Но ни на сцене, ни на теннисном корте увидеть дядю Севу мне не пришлось. В то пестовское лето пятьдесят первого года, когда он показал мне, как держать теннисную ракетку, он был уже тяжело болен.

Моя бабушка помнит, как летом тринадцатого года они жили на даче в Усть-Нарве и как на открытии лаун-теннисного сезона оркестр исполнял марш из «Конька-горбунка», под звуки которого и был начат розыгрыш первой пульки, — туг Всеволод Вербицкий и бросил вызов самому Сумарокову...

И Всеволод Вербицкий, и Евгений Кудрявцев — наш великий чемпион двадцатых-тридцатых годов — принадлежат ещё к старшему лаун-теннисному поколению. После революции они оба были в числе тех, кто возрождал интерес к теннису.

Известно, что в начале двадцатых годов теннис не был у нас в особом почёте, теннисистов часто называли «белобрючниками». Журнал «Физкультура и спорт» так защищал теннис: «Пора перестать заниматься ребяческими разговорами о «белобрючниках». Рабочий, вышедший на корт в белых ли брюках, или в трусиках, от этого никогда не потеряет своего классового сознания...»

В 1928 году окончательно реабилитированный теннис включается в программу Всесоюзной спартакиады. В финале теннисного турнира спартакиады и состоялась историческая игра Вербицкого с Кудрявцевым.

Надо учесть, что Вербицкий уделял игре в теннис лишь свободное от театра время, но тем не менее вошёл в историю советского тенниса как игрок, обладавший совершенным чувством мяча и корта и первым в нашей стране начавший играть по восходящему мячу.

Несколько лет назад наш старейший теннисист Александр Викторович Правдин опубликовал в журнале «Теннис» увлекательные воспоминания, в которых, характеризуя Вербицкого, он пишет, что «его игра была отмечена печатью теннисного гения и была интересна даже в дни самых больших его неудач».

А ту игру Вербицкого с Кудрявцевым на спартакиаде 1928 года Правдин описывает так:

«Кудрявцев играл ровно и мощно и выиграл первых два сета. Вербицкий же действовал на корте как бы нехотя. И вдруг неожиданно всё переменялось. Вербицкого как будто подменили. Не было мяча, за который он бы не боролся до последней возможности, его пассивность, игра у сетки и мячи с задней линии стали неотразимы. Он выходил к сетке и заканчивал розыгрыш мяча «мёртвыми» ударами с лёта. Вербицкий использовал все средства современного большого тенниса — могучую подачу, игру с лёта, дроп-шоты, свечи. Никто из нас не помнил ничего подобного. Сет был выигран Вербицким с предельной лёгкостью — 6:0. Кудрявцев казался совершенно ошеломлённым.

Однако пошёл дождь, и матч ненадолго был прерван. Когда он возобновился, «блистательного Вербицкого» на корте уже не существовало. Он опять стал инертен, интерес к победе пропал. Последний сет Вербицкий отдал Кудрявцеву без всякого сопротивления».

В последующие годы Вербицкий постепенно отходит от тенниса, а Кудрявцев продолжает отстаивать своё чемпионское звание уже в борьбе с новым поколением советских теннисистов. В 1932 году, потерпев поражение от юного Эдуарда Негребецкого (теннисная судьба Негребецкого удивительна: наивысших успехов он добьётся уже после войны, почти в сорокалетнем возрасте!), Кудрявцев вскоре возвращает себе звание чемпиона страны. Кудрявцев играл очень естественно, им руководила на корте безошибочная интуиция. Восхищают и его бойцовские качества, его воля к победе. Кудрявцев первым из теннисистов удостоен звания «Заслуженный мастер спорта СССР».

Приведу рассказ самого Кудрявцева об одной из удивительных его побед:

«Это было в 1934 году, когда я был экс-чемпионом после проигрыша предыдущего первенства Негребецкому. Я встретился с москвичом Заржецким (Константин Заржецкий — один из наших ведущих игроков тех лет, автор известного теннисного учебника. — А. Д.). Первую партию мы начали очень осторожно, изучая друг друга. Я начал играть вполсилы, не проявляя желаний нападать. Но нервы были напряжены до крайности. Трудная, скрытая психологическая игра. Первая партия далась мне с трудом. Я взял её со счётом 6:3. Во второй партии мой противник из осторожного игрока превратился в напористого, ожесточённого конкурента. С первых же ударов он взял инициативу в свои руки и, непрерывно нападавая, озадачивал меня своей стремительностью. Я пробовал перейти в контрнаступление, но сломить его атаки не мог и проиграл вторую партию со счётом 6:2. В третьей партии противник возобновил бешеную атаку. Как я ни старался переходить в контрнападение, он по-прежнему брал один мяч за другим. Счёт игры был уже 5:0 в его пользу. Счёт мячей 40:15. «Один-единственный промах, один неверный удар — и всё кончено, — подумал я. — Неужели я снова проиграю первенство?» А проигрывать так не хотелось! Тогда я решил изменить свою тактику и покинул неудачное место у сетки. С задней линии я начал отсылать мячи противнику длинными пассивными ударами и стал играть осторожно, заняв оборонительную позицию и заставляя противника также отойти от сетки. В спокойном темпе, который я навязал своему горячему противнику, я начал играть почти без ошибок, отбирая у него нужные очки. 5:2... 5:3... Партия стала выравниваться. Я играл всё уверенней. Хотелось перейти в нападение, но верный законам теннисной игры — не менять тактики, пока выигрываешь, я остался на своей прежней позиции у задней линии. 5:4... 5:5... Я вернул себе уверенность в победе, укладывая мячи у самой задней линии. Противник перешёл опять к сетке и выиграл одиннадцатую игру, но, по-прежнему играя длинными ударами, я сравнял счёт. Завязалась упорная борьба за партию, доставшуюся мне со счётом 13:11. Следующую партию снова выиграл мой противник со счётом 6:4. Когда счёт партий сравнялся, я перешёл в решительное наступление, играя точно и смело. Теперь уже я стал его теснить и выиграл пятую партию со счётом 6:3. Я вышел в финал и завоевал первенство страны».

И хотя в 1935 году Кудрявцев всё же уступает — и на этот раз окончательно — звание чемпиона страны Борису Новикову, который тоже займёт видное место в истории нашего тенниса как семикратный чемпион страны, но в тот же год, в Париже, Кудрявцеву удаётся сыграть со знаменитым теннисным «мушкетёром» Жаном Боротра (в довоенные годы наши теннисисты, фактически, не выступали на международной арене), и после этой игры Боротра скажет Кудрявцеву:

— Если бы вам немножко опыта международных встреч, вы были бы в числе европейской элиты.

А ведь Кудрявцеву было тогда уже тридцать семь лет!

Так вот, едва Вербицкий показал мне в Пестове, как держать теннисную ракетку, я уже с ней не расставалась. Я очень хотела, чтобы дядя Сева увидел, как здорово я научилась играть, но ему было трудно дойти до корта. И, наконец, однажды утром дядя Сева сказал мне: «Сегодня приду посмотреть тебя», — но этому не суждено было свершиться: в то же утро дядя Сева внезапно умер...

Ещё два лета — и в Пестове, и в Москве на Петровке — я лупила изо всех сил по мячу — так лупила, что расплетались косы. Мхатовцы неизменно величали меня будущей чемпионкой. А может, и действительно кто-то верил, что я унаследовала теннисный талант Вербицкого. Во всяком случае, когда обсуждалось, отдать ли меня в балет, Калужский сказал совершенно серьёзно: «Но она же не сможет тогда играть в теннис». Я хотела в балет, но и хотела играть в теннис — была уверена, что у меня очень сильный удар. В пинг-понг я уже всех побеждала в Пестове; и однажды, чтобы сразиться со мной — так мне сказали! — в Пестово приехал мхатовский чемпион Николай Шавыкин, но я и его обыграла, ко всеобщему восторгу.

И наконец, решено: есть семейная традиция, и почему бы мне не продолжить ее?..

Моя теннисная судьба окончательно определилась за обеденным столом у ближайшего папиного друга — театрального художника Бориса Робертовича Эрдмана. После неожиданной смерти папы Борис Робертович держался со мной как заботливый старший друг, не отпугивая ни жалостью, ни излишним сочувствием.

В присутствии Бориса Робертовича я совсем не испытывала той неловкости, которую до сих пор испытываю, находясь в центре внимания. Это всегда мешало мне и на корте. Я должна была ощущать, что нахожусь в прекрасной форме, что могу все, что хочу, — и тогда внутри вставал какой-то порядок, и, выходя на корт, я знала, что сегодня по праву пребываю в центре внимания. А в ином случае я не столько играла, сколько болезненно следила за реакцией зрителей на каждый свой удар и тем более — на каждый проигранный мяч.

Борис Робертович пригласил на обед свою старую знакомую Нину Сергеевну Теплякову — знаменитую теннисную чемпионку двадцатых-тридцатых годов. Теплякова была для меня как Любовь Орлова. Рассказывали, что она тоже снималась в «Цирке» и даже танцевала в Мюзик-холле. Я ужасно волновалась, ожидая вопросов Тепляковой, но Борис Робертович наполнял неустанно старинные бокалы, на которых были изображены чёртики, взрослые громко смеялись, а громче всех Теплякова, и мне казалось, что обо мне уже никто и не помнит. Но вдруг Теплякова сунула мне вилку:

— Возьми. Сейчас мы проверим, как ты будешь играть.

Вся малиновая, я старалась размахивать вилкой, как ракеткой, а Теплякова уже объясняла маме, какой мне надо купить чемоданчик, чтобы ходить к ней в секцию.

И одиннадцатого января пятьдесят третьего года, исполненная великой гордости, я стояла у стенки на зимних кортах стадиона «Динамо». Первое время, как и всем новичкам, мне предстояло играть лишь у стенки.

Начальные теннисные уроки мне дала Нина Николаевна Лео, которая долгие годы входила в десятку страны и вела на «Динамо» группу младших девочек. её отличало умение создать на кортах почти домашнюю обстановку — мы выпускали газету, устраивали вечера. Мне это было особенно важно. Спортивная среда казалась мне первое время чужой, почти враждебной.

Не только дома, но и в школе я жила совсем в иной атмосфере. Я училась в 635-й школе на улице Москвина, преподавательницы которой выглядели бы совершенно естественно, окажись они, как есть, в чеховском спектакле на мхатовской сцене. Им не пришлось бы даже менять наряд...

Педагогический персонал подбирала под стать себе наш удивительный директор Анна Константиновна Щуровская — старейшая московская учительница, награждённая орденом Ленина. Помню, как Анна Константиновна была растерянна в первый год совместного

обучения, но потом она собрала всех девочек — от семиклассниц до десятиклассниц — и долго и взволнованно говорила нам, как следует держаться с мальчиками на уроках и после уроков, чтобы не уронить своего девичьего достоинства...

Теперь представляете, как воспринимали мои манеры и мою наивность мои новые теннисные друзья?

В самом начале моего первого спортивного лета мама купила мне новые теннисные тапочки. В воскресенье, торопливо позавтракав, я уложила свои новые тапочки в чемоданчик и выбежала из дому. Я сказала, что еду на тренировку, на самом же деле хотела просто погулять по стадиону, чтобы все увидели, какие теперь у меня тапочки. Но я их надела уже в подъезде, и шла в них по улице, и в троллейбусе ехала...

А на наших кортах в то воскресенье разыгрывалось командное первенство Москвы, и в одной из динамовских команд не хватало младшей девочки. Все бегали по стадиону и искали для зачёта хоть какую-нибудь девочку. Борис Ильич Новиков, старший тренер «Динамо», увидел, как я прогуливаюсь, и подозвал меня:

— Сейчас пойдёшь играть. Правила знаешь?

Ничего не соображая и лишь пытаюсь не путать правила, я проиграла, конечно, под ноль, но мои белые тапочки успели запылиться и чуть потемнели, и я любовалась их боевым видом. Спустя год я участвовала в этих соревнованиях уже как чемпионка «Динамо» и легко победила всех девочек из других клубов. Нина Сергеевна, которая теперь уже сама занималась со мной, сказала, что я буду играть и в личном турнире. В финале за звание чемпионки Москвы среди младших девочек я играла, помню, с такой девочкой, про которую говорили, что она живёт около стадиона и тренируется чуть ли не с двух лет. В большой борьбе — у меня расплелись косы — я победила её в трёх сетах. Мы играли в саду ЦДСА; и когда Нина Сергеевна привела меня на аллею пить газированную воду, она всем говорила:

— Пропустите её, пропустите, это чемпионка.

И вот уже обещаю маме не выходить на ходу поезда в тамбур — хотя мне всего лишь тринадцать, я еду в Таллин на первенство ЦС «Динамо», чтобы играть с девушками пятнадцати-шестнадцати лет. За команду я сыграла успешно, после чего была включена в восьмёрку сильнейших, и мы разыграли личный турнир. В полуфинале я встретилась с чемпионкой страны среди девушек этого возраста Ирой Рязановой (ныне Ермоловой) из Тбилиси.

Я встречусь с Ирой ещё десятки раз, мы будем дружить, будем и ссориться, а объединяясь в пару, трижды выиграем чемпионат Союза. Но даже в те годы, когда я у нас в стране никому не проигрывала, я всё же дрожала, выходя против Иры, хотя, признайся тогда я в этом, мне мало бы кто поверил! Но так было.

А всё началось с того, что, будучи старше меня на три года и играя уже резко, уверенно, уже набив свой коронный удар справа, умея бить и крученые мячи, Ира в тот год жестоко со мной расправилась в Таллине. Я вышла, не собираясь ей уступать, мы поиграли немного, и, увидев, что я всё равно её не боюсь, Ира решила бить прямо в меня, а это больно, когда в тебя попадают сильным мячом.

Я проиграла, но сказала болевшей за меня Светлане Блюмкиновой:

— Она злая, но вот увидишь, через два года я её обыграю.

— Попробуй, — улыбнулась Светлана.

Блюмкиновой (ныне Асписовой), как и Рязановой, было шестнадцать, и она выглядела, по моим представлениям, совсем взрослой, чему я ужасно завидовала. Она тоже тренировалась у Нины Сергеевны и одно время считалась самой способной её ученицей. Светлана относилась ко мне слегка покровительственно и на сборах иногда приглашала в свою компанию. Сравняться когда-нибудь с нею было моей тогдашней мечтой.

Моя детская слава началась в январе пятьдесят шестого года, когда меня допустили к участию в зимнем первенстве Москвы среди взрослых. Ныне принято включать совсем юных, но способных игроков во взрослые турниры и тем самым форсировать их развитие. Уже в шестидесятые годы наш теннис значительно помолодеет, а в ту пору ещё играли довоенные чемпионки Налимова и Коровина, хотя им было по пятьдесят.

Было за сорок и четырёхкратной чемпионке Союза Елизавете Михайловне Чувыриной, с которой я встретила в первом же круге.

Чувырина по-настоящему заиграла только после тридцати трёх лет, уже став матерью. Такое в теннисе случается раз в сто лет. Хотя по сегодняшним критериям у Елизаветы Михайловны не было ни подачи, ни игры с лёта, ни удара слева, но она была настоящей спортсменкой: не отдавала без борьбы ни одного мяча. В сорок лет, уже, будучи чемпионкой Союза, она поняла, что играет несовременно, решила перестроить свою технику и научилась играть по восходящему мячу, что позволило ей ещё несколько лет опережать на корте многих более молодых соперниц.

Елизавета Михайловна появлялась на теннисе всегда со своей Мариной. Красиво оденет её, приведёт на корт и, начиная тренировку или игру, скажет:

— Ты, Мариночка, погуляй.

И маленькая Марина жила своей жизнью на теннисе. Теплякова иногда спрашивала Чувырину:

— Лиза, а где же Марина?

— Да не пропадёт, — отвечала обычно Чувырина, хотя бывали случаи, когда судья прерывал игру, и чемпионка бежала к своей Марине, которая дралась в это время маминой ракеткой. Когда у Марины обнаружился слух, Елизавета Михайловна купила ей скрипку, и Марина стала появляться на кортах всегда со скрипкой.

Галя Зубко, которая тоже тренировалась у Нины Сергеевны и с которой я дружила, однажды сказала мне, что ей приснился интересный сон.

— Мне приснилось, — таинственно говорила Галя, — что ты уже чемпионка страны, всех побеждаешь. Никто не может тебя обыграть, но вдруг вырастает Марина и... обыгрывает тебя...

Нет, Марине Чувыриной, которая действительно станет известной теннисисткой, не удастся меня обыграть. Но вслед за Мариной вырастет Оля Морозова...

Я ещё расскажу про Олю. А с Елизаветой Михайловной я играла тогда легко и свободно. Бежала к сетке, хотя не умела бить с лёта. Мною владела идея — сыграть «один мяч»!

А в углу зала, зябко кутаясь в шубу, сидела новая чемпионка страны — Ляля Преображенская. Я стремилась тогда во всем походить на Лялю: быть столь же женственной на корте, да и не только на корте. Я вырезала её инициалы на своей школьной парте и мечтала однажды встретить её в метро, и чтоб мы были вдвоём, а кругом незнакомые люди. Она иногда подходила ко мне в зале, но как я могла при всех открыть свои чувства? Ляля же, очевидно, и не догадывалась, как я её боготворю.

Кажется, мне удалось красиво сыграть этот «один мяч». И Ляля видела это. И Нина Сергеевна видела. А дядя Коля Морозов, который у нас на «Динамо» ещё с тридцатых годов «тянул» ракетки всем чемпионам, пытался меня утешить:

— Ты не расстраивайся, что проиграла. Ты потом будешь хорошим игроком.

Да я разве расстраивалась? Я, напротив, подпрыгнула, когда закончилась встреча, словно она в мою пользу закончилась.

А в феврале, когда в Москве открылся турнир с участием теннисистов Венгрии и Норвегии (с тех пор зимний международный турнир проводится в Москве ежегодно), мне доверили подавать мячи. Я считала себя самой главной — от меня зависело, чтобы «убитый» мяч ни секунды не задерживался на площадке.

На этом турнире я впервые поняла, что такое настоящий теннис. Норвежцы меня поразили красивыми белыми свитерами, зато венгры... Победитель турнира Йожеф Ашбот владел мячом как хотел, хотя его лучшие годы были уже позади. Ашбот впервые выиграл чемпионат Венгрии в тридцать восьмом году, а его высший успех — победа на чемпионате Франции в 1947 году. На следующий год он достиг полуфинала в Уимблдоне. Ашботу удавалось побеждать таких великих игроков, как американец Бадж и француз Петра.

Бесспорно, наш Озеров тоже великолепно чувствовал мяч, корт. Однако у Озерова была лишь «пушка» справа, а левый удар был слаб, как и вторая подача. Уступил Ашботу и чемпион страны Андреев.

У Сергея Сергеевича Андреева не менее удивительная теннисная биография, чем у Чувыриной. В двадцать четыре года, вернувшись с войны, он начал с третьего спортивного разряда и стал чемпионом страны, да притом шестикратным! Озеров вроде бы был талантливее и играл эффектнее, но побеждал всё чаще Андреев. Он был стабилен, всегда в прекрасной форме. Ещё в двадцать пять лет решил, что теннис — главное дело его жизни. Когда надо, Андреев шёл и к сетке, но предпочитал играть на задней линии. Мощного удара у него не было, но зато он прекрасно владел обводкой: мог «по ниточке» обвести слева.

Да, Ашбот меня поразили, но болела я за Андреева, который не хотел смириться, что соперник играет более разнообразно и современно, и уступил венгру только в пяти сетах.

Не представляла я прежде, что можно играть так безошибочно, как венгерка Жужи Кёрмеци. Как и Ашбот, хотя Кёрмеци моложе его на семь лет, она добилась первых успехов ещё в тридцатые годы. Но её лучшим годом станет пятьдесят восьмой, когда тридцатичетырёхлетняя Кёрмеци выиграла чемпионат Франции и будет классифицирована третьей ракеткой мира.

Естественно, Жужи легко победила всех наших тогдашних чемпионки. Я ей подавала мячи и очень хотела поговорить с ней, но не решилась. Спустя два года, в Уимблдоне, Жужи сама ко мне подойдёт и очень тактично предложит своё покровительство: впервые играя в Уимблдоне и почти не владея ещё английским, я терялась — в какой кабине мне следует раздеваться и как попросить полотенце.

Московский международный турнир дал мне огромный заряд: месяца два тренировалась, пытаюсь подражать даже не Кёрмеци, а Ашботу. Меня включили в команду Москвы для участия в Спартакиаде народов СССР, которая открылась летом пятьдесят шестого года на новом стадионе в Лужниках.

У теннисистов в каждой команде играли две девушки в возрасте до восемнадцати лет. Меня взяли второй, а первой — Светлану Блюмкинову.

Финал с Украиной Москва играла очко в очко. Так получалось, что от результата моей встречи во многом зависел исход матча. Наш капитан Андреев стоял за щитом и подсказывал мне каждый мяч. С большим трудом, с четырёх матчболов, но я победила в этой игре. Играть, конечно, я тогда ещё не умела, но была в хорошей форме. В личном турнире Спартакиады, играя во второй группе за тридцать третье место, я никому не отдала ни сета. В «Московском комсомольце» появился мой снимок, но больше всего я гордилась тем, что победила в финале Светлану Блюмкинову.

Я жила на Спартакиаде в одной комнате с Лялей, она держалась со мной как с равной, и я так хотела, чтобы Ляля выиграла Спартакиаду, что до слез расстроилась, когда она проиграла в финале Лере Кузьменко.

Прошёл год. В последний миг меня включают в соревнования десяти сильнейших женщин, которые предшествовали теннисному турниру, намеченному в дни Московского фестиваля молодёжи и студентов. Ликуя, лечу в Тбилиси, где уже все собрались. Оставив вещи в

аэропорту, разыскиваю по всему городу теннисисток, и, когда, наконец, нахожу их, мне говорят: «Тебе через час играть с Тамм». Моя ракетка в аэропорту, но выручает Ляля — даёт свой «Максплей». Я сразу же рву струну, потом вторую, третью, но продолжаю играть, хотя мяч уже застревает в этом «Максплее». Тогда Андреев даёт мне свою (весом в 16 унций!) ракетку, и я всё же выигрываю один сет у Тамм, которая в том сезоне уверенно входила в «десятку».

А спустя день в долгой борьбе я проигрываю Ляле. Играли мы в полдень, жара была ужасающая, и Ляля так устала, что после игры сказала мне вместо «спасибо» — «здравствуй».

А в первом же круге фестивального турнира мне пришлось встретиться с Ирой Рязановой. В своё время в Таллине, когда Ира так жестоко со мною расправилась, я поклялась, что пройдёт два года — и я обыграю её. И хотя мне удалось это сделать только в Москве на фестивальном турнире, то есть спустя не два, а три года, но я всё равно была счастлива.

На этом турнире я впервые встретилась с теннисисткой мирового класса — чемпионкой Чехословакии Верой Пужеёвой (ныне Суковой). Я восхищалась Верой, играя с нею. Мне казалось, она умеет все. Я была уже довольна, что проиграла ей не под ноль. Вера сказала мне:

— Девочка, ты будешь хорошо играть.

Пройдёт несколько лет, и мы будем встречаться в Уимблдоне как самые близкие подруги. Будем вместе тренироваться. Помню, как Вера активно настраивала меня на игру с великой Буэно:

— Ты выиграешь, говорю тебе, выиграешь!

Я тоже всегда болела за Веру. В шестьдесят втором году она вышла в финал Уимблдона, где ей предстояла встреча с девятнадцатилетней американкой Карен Сасман.

Утром в день финала я не видела Веру, прямо пришла на Центральный корт и не могла понять, что происходит: Вера, почти не двигаясь, отдавала гейм за геймом. Я бросилась к её тренеру Сибе.

— Ой, Аннушка, плохо дело, — сказал он.

Утром в отеле, спускаясь с лестницы, Вера упала и подвернула ногу. Но отказываться от финала в Уимблдоне не принято. Игрок должен выйти на корт, если может хотя бы стоять на ногах. Вера к тому же думала, что у неё лишь сильный вывих, а не перелом щиколотки, как потом выяснилось.

Вечером на балу Вера отчаянно веселилась: даже пошла танцевать.

Мы вместе летели из Англии в Прагу, где я собиралась играть открытое первенство Чехословакии. Веру встречали торжественно. Она сказала, что в этот день не пойдёт к врачу, и вечером мы с ней отправились на чемпионат мира по гимнастике, который тогда проходил в Праге. Помню, какую овацию устроил зал, когда диктор объявил, что среди зрителей финалистка Уимблдона Вера Сукова!

В чемпионате Чехословакии Вера, естественно, не участвовала, но каждый день приезжала — её нога была в гипсе — болеть за меня. А я выиграла не только одиночный финал, но и пару, и микст и стала в тот год абсолютной чемпионкой Чехословакии.

На следующий год мы встретились с Верой в открытом первенстве Лондона, и мне удалось её обыграть, но Вера была уже совсем не в той форме, что год назад, — ту форму она уже не вернёт никогда...

А на фестивальном турнире Вера всех обыграла, кроме Жужи Кёрмеци, которая вопреки возрасту уверенно шла к своему высшему теннисному успеху — победе на следующий год в чемпионате Франции.

Кроме Кёрмеци и Пужеёвой, на фестивальный турнир приехали такие известные в мировом теннисе игроки, как австралиец Хоу, индеец Кумар, чех Яворски, но никто из них не снискал такой популярности у москвичей, как маленький рыжий австриец Альфред Хубер. Дело

даже не в том, что он всех победил на турнире. Никто у нас ещё не видел такого тенниса, который продемонстрировал пятикратный чемпион Австрии.

Он убивал свечу, стоя спиной к сетке, слева играл двумя руками, далёкий мяч брал непременно в падении, а мог сделать и сальто... Хубер был известен в Европе как хоккейный вратарь, а в серьёзных теннисных кругах, которые он шокировал своими чрезмерными цирковыми выходками, его называли не иначе, как «принц клоунов». Хубер был ярким игроком (за год до фестиваля он выиграл, например, чемпионат Англии на закрытых кортах), но готов был рискнуть победой ради того, чтобы повеселить зрителей. То он вдруг начинал отдиравать клеевую краску, которой был нарисован корт, то вдруг «терял» одну туфлю, продолжая играть как ни в чем не бывало. А однажды, пытаясь достать мяч, он убежал далеко за пределы корта, споткнулся... и упал на колени к какой-то солидной даме, сидевшей в первом ряду...

Позднее, познакомившись ближе с нравами международного тенниса, я не раз увижу заурядных клоунов, которые будут играть нарочито эффектно и непременно, доставая трудный мяч, будут оказываться на коленях у дамы из первого ряда, а проигранный мяч будут совать в рот и свирепо жевать его... Все эти «штучки» мне будут претить, но Хубером, как и все, я тогда в Москве восхищалась. Он был талантлив даже в своих выходках.

Свою теннисную биографию Хубер завершит довольно своеобразно, но совершенно в своём стиле. Отправившись на турнир в Монте-Карло, он мгновенно проиграет в рулетку все деньги, которыми снабдит его Австрийская федерация тенниса, и будет пожизненно дисквалифицирован.

В дни фестиваля в Москву приехал трёхкратный чемпион Уимблдона англичанин Фред Перри. В Лондоне, в Музее восковых фигур мадам Тюссо я видела Фреда Перри в компании великих королей, артистов, политических деятелей и преступников всех времён. Редко кому случается попасть при жизни в Музей мадам Тюссо.

Фред Перри родился в 1909 году, за месяц до того, как англичанин Артур Гор выиграл Уимблдон. Пройдёт двадцать пять лет, прежде чем английский игрок вновь победит в Уимблдоне, и этим игроком станет Фред Перри.

Отец Фреда, член парламента от лейбористской партии, готовил его к деловой карьере, но, уступив просьбе сына, освободил его на год от всех дел, чтобы он смог научиться играть в теннис.

До этого он успешно играл в пинг-понг. К двадцати годам стал одним из сильнейших игроков мира. А затем действительно необычайно быстро добился признания и в теннисе. Особенно хорошо он научился играть у сетки.

Знаменитый американец Дональд Бадж писал:

«Перри обладает лучшей игрой у сетки, которую я когда-либо видел. Но силен он не только своим уверенным смешем и ударом слева, а, главным образом, своей исключительной быстротой. Перри выходит к сетке после точных подготовительных ударов с задней линии и при этом редко упускает случай выиграть очко. Другое неприятное для соперника свойство игры Перри заключается в том, что благодаря своей скорости он всё время торопит соперника. Он никогда не даёт ему возможности подготовиться или передохнуть между очками. Нужно иметь огромную выдержку, чтобы после трёх-четырёх партий, сопровождающихся такой «гонкой», сохранить равновесие в игре. Соперника Перри больше всего раздражает при этом его отличное состояние в течение всего матча и избыток неиссякаемой энергии».

Лишь в плохую погоду Перри играл нервно — боялся грозы.

В 1935 году Перри снялся в фильме о теннисе, за что его едва не исключили из рядов любителей. Но на следующий год, в третий раз выиграв Уимблдон, он сам уезжает в Америку, чтобы начать карьеру профессионального игрока. Последнюю победу в профессиональном

турнире он одержал в 1948 году. Любопытно, что теннисный обозреватель «Дейли телеграф» Джон Олифф в своей книге «Уимблдонский роман» отмечает, что Фред Перри, по его мнению, больший американец, чем любой американец, которого он видел.

После войны Перри организовал фирму по производству теннисной одежды. И ныне, как я уже говорила, все теннисисты играют либо в форме Перри, который в ведущих теннисных странах открыл свои филиалы, либо в форме двух его основных конкурентов: англичанина Тинлинга и француза Лакоста. Однако Перри не только «одевает» своих игроков, но, имея значительное влияние в Международной теннисной федерации, организует им приглашения на различные турниры.

Фред Перри прилетел в Москву вскоре после того, как мы вступили в Международную теннисную федерацию. Он сразу поверил в наш теннис.

Сухощавый, элегантный, Фред Перри величественно шествовал по Лужникам в лучах своей неувядаемой славы, когда меня подвели к нему и представили как подающую большие надежды...

Перри галантно склонился, взял меня под руку и повёл на ближайший асфальтовый корт, где щедро дал мне урок высокого тенниса. А затем подарил мне эффектную заколку для волос. Я как раз мечтала расстаться с косами и перейти на модный «лошадиный хвост»: мне надоело выглядеть маленькой девочкой.

В пятьдесят седьмом году я впервые была включена в десятку сильнейших теннисисток Союза. И в мужской десятке в том году появились два новых имени: Андрей Потанин и Тоомас Лейус. Все мы удачно сыграли на чемпионате Союза, который в начале осени был проведён в Тбилиси.

Понимая, что в Тбилиси я ещё не смогу стать чемпионкой Союза, я тем не менее очень хотела у всех выиграть. На этом азарте пробилась в четвертьфинал, где в отчаянной борьбе — у меня были сетболы в обоих сетах! — проиграла двадцатисемилетней Маргарите Емельяновой, которая в тот год стала наконец чемпионкой.

А мой ровесник Андрей Потанин — я чуть позже о нем расскажу — уступил лишь в четвертьфинале Андрееву. Пока же представлю юного Лейуса, который, как и я, в Тбилиси получил звание мастера спорта, и — более того — занял третье место.

Зимой пятьдесят пятого года, когда в Москве проводились детские международные соревнования, я ехала в метро и, уже выходя на «Динамо», вдруг услышала страшный визг. Какой-то мальчишка бегал вверх-вниз по эскалатору и визжал от восторга. Потом я увидела его и на корте, но совершенно преображённым. Аккуратно, чтобы не задеть люстры, он кидал свечи, после игры аккуратно расчёсывал свой пробор. Это и был Тоомас Лейус. Меня смешил его пробор, но Тоомас держался молчаливо и невозмутимо — говорить по-русски он тогда почти не умел.

А летом в Таллине, когда я стояла на корте со шлангом, Тоомас ко мне подбежал, выхватил шланг и облил с ног до головы. Но на корте он по-прежнему кидал аккуратные свечки и по-прежнему оставался страшным «качалой».

Я однажды спросила его:

— Почему ты так любишь свечки?

И оказалось, что он много играл во дворе, кидал мячи через забор, который заменял сетку.

Лейус долго играл излишне мягко и осторожно и никак не мог сравняться с «восходящей звездой» тех лет Потаниным, но на зимнем первенстве страны пятьдесят девятого года его игра внезапно преобразилась, и, постоянно атакуя, он смог победить самого Андреева, был послан в Англию и первым из советских теннисистов выиграл юношеский Уимблдон.

Но на самом деле у Тоомаса всё было рассчитано: и медленное восхождение, и неожиданный рывок. Он говорил мне позднее:

— Я знал ещё в пятьдесят пятом, что выиграю в пятьдесят девятом юношеский Уимблдон.

Как я теперь понимаю, наше теннисное руководство после чемпионата страны в Тбилиси решило заняться мной всерьёз. Главный теоретик советского тенниса государственный тренер Семён Павлович Белиц-Гейман — в послевоенные годы он был одним из ведущих наших игроков и славился «мёртвыми» смешами — взялся готовить меня по своей новой системе, предполагавшей активную физподготовку. Я поднимала послушно штангу, крутила бесконечные сальто, но иногда, отчаянно устав, швыряла свой персональный план под трибуну.

Да, конечно — и, как я теперь понимаю, не без оснований, — я считалась трудновоспитуемым ребёнком, и однажды Теплякова, Белиц-Гейман и Негребецкий пожаловали к нам домой. В тот день почему-то не было света, и их вели по коридору со свечами. «Высокий совет» обсуждал всё ту же проблему — как сделать из меня совместными усилиями чемпионку. Меня смущала эта откровенная деловитость, хотелось верить, что взрослые люди играют в какую-то особую игру, потому зажжены и свечи...

Но нет, мне говорили, что любить играть в теннис — этого мало, надо больше работать. Всё это было правильно, но, поняв моё состояние, мой отчим Кирилл Молчанов решительно за меня вступился:

— Когда я сажусь за рояль и у меня ничего не выходит, я хлопаю крышкой и ухожу.

Белиц-Гейман побывал в моей школе, договорился, что мне дадут свободный график, а я обещала, что буду учиться без троек.

Но у меня не сложились отношения с учителем физики. Я уже рассказывала, какие удивительные учительницы были подобраны в нашей школе, но, очевидно, для контраста директор взяла в школу двух мужчин. Один из них преподавал географию. Он был бородат и столь застенчив, что, входя в класс, терялся, и мы видели, как ему страшно. Зато второй учитель, физик, Николай Семенович, слыл грозою школы, хотя держался изысканно вежливо! Говорили, что он готовил себя в учёные, но что-то не вышло, и потому своим сегодняшним положением он ущемлён.

Мне казалось, что физик не знает, хотя об этом знала вся школа, что я играю в теннис и что у меня — свободное посещение. Я никогда не злоупотребляла своим свободным посещением, но каждый мой пропуск его урока физик обставлял так, словно я намеренно прогуляла. Я иногда думала, что он просто не знает о моем теннисе, и всё хотела сказать ему, почему я порой пропускаю школу, но не решалась. Я уже раздражала его, когда ходила в школу с подбитым глазом, — а мне в глаз мячом попали.

Физик любил насладиться своей властью, медленно проглядывая журнал и ещё медленнее, почти нараспев, произнося:

— К доске пойдёт Ирочка...

Все Ирочки трепетали, и, когда этот трепет переходил в лёгкую дрожь, физик снисходительно улыбался:

— Нет, я ошибся, Анечка...

Теперь трепетали все Анечки, и я не меньше других, но позволить, чтобы он снисходительно улыбнулся... И я сама дурашливо улыбалась и даже мой подбитый глаз источал улыбку.

— Дмитриева! — резко говорил физик, и я уже знала, что он мне поставит не выше тройки.

Прошлым летом мы вдруг встретились в пригородной электричке, и оба сошли в Переделкине. Николай Семенович постарел, держался суетливо, рассказывал мне о своих квартирных неурядицах. А я вспоминала, как не спала три ночи перед экзаменом по физике на аттестат зрелости — меня припугнули, что если получу хоть одну тройку, то в Англию не поеду.

Я вспоминала, как на этом последнем экзамене он мне впервые поставил пятёрку, и я торжествующе улыбнулась, как вдруг постаревший физик спросил меня:

— Почему нет в газетах вашего имени? Я так привык читать о ваших успехах, а теперь ищу — и ни строчки. Неужели вы не играете больше?

Я окончательно растерялась и долго смотрела на него удивлённо.

Моя самая большая тогдашняя мечта — залезть на пьедестал почёта. Стоит однажды постоять, представлялось мне, на этом победном пьедестале, как жизнь твоя сразу преобразится. На зимнем первенстве страны пятьдесят восьмого года я решила: любой ценой пробьюсь на пьедестал! Но я не играла ещё со многими теннисистками, которых считала сильными, и это сковывало меня. Одной из них была Вера Филиппова, с которой я встретилась в четвертьфинале.

Справа Вера крутила со всей силы, и слева у неё была своя «коронка» — такой запиленный удар. Во время игры она обычно жестоко себя ругала: «Вера, ну что ж ты делаешь?..» «Вера, дура!..»

Ее отчитывали на федерации: зачем себя так ругаешь? Вера отшучивалась:

— Но ведь если и ходят меня смотреть, то именно поэтому. Разве не интересно послушать, как я буду себя ругать?

Теннис для Веры был постоянным праздником. Надо было видеть, как торжественно шла она на турнир, как тщательно гладила маленьким утюжком, который возила с собой по всем соревнованиям, свой теннисный костюм. Она так и не смогла привыкнуть к теннисной юбке — предпочитала по-прежнему шорты. Я с трудом верила, что Вера старше меня более чем на двадцать лет. На редкость общительная и непосредственная, она словно была вне возраста. В турнирный гостиничный быт она всегда привносила домашний уют: вечерами на всех готовила ужины, покупала вкусное варенье. В теннисе для Веры Филипповой была вся жизнь. В шестидесятые годы она продолжала сохранять своё место в десятке страны, и иногда у меня возникало ощущение, что она вообще не состарится и что без Веры Филипповой просто не может быть никакого тенниса.

И вдруг Вера заболела, и, как оказалось, неизлечимо. Но она об этом не знала и, выйдя на время из больницы, продолжала тренироваться.

В Алма-Ате на чемпионате страны 1967 года главный судья вдруг объявил по радио, что просит всех прервать игру и почтить минутой молчания память Веры Филипповой. Вновь целиком войти в прерванную этой минутой молчания игру было очень трудно...

Сейчас в Москве ежегодно проводится мемориал Веры Филипповой.

А в той игре с Верой у меня был взлёт. Я быстро взяла первый сет, но, осмыслив случившееся, растерялась и столь же быстро отдала второй сет. Чувырина утешала меня, но, как всегда, довольно своеобразно:

— Что ж ты, миленькая, второй сет-то упустила, теперь-то уж проиграешь...

Но я обыграла Веру. Она жаловалась:

— Ну что ты со мной так здорово играла? Лучше, чем с другими...

И в дальнейшем, болея за меня, всегда говорила:

— Вспомни, как со мной играла тогда!

В день закрытия турнира, когда я должна была подниматься на третью ступеньку пьедестала почёта, я лежала дома с температурой 38°

— заболела ангиной. Кирилл, мой отчим, дежурил на стадионе, чтобы в последний момент позвонить:

— Приезжай...

Меня знобило, когда я переодевалась в спортивную форму, чтобы встать, наконец, на этот пьедестал почёта.

Жаркий май пятьдесят восьмого года. Зубрю физику, чтобы поехать с Андреем Потаниным на юношеский Уимблдон. Впервые в истории советского тенниса мы с Андреем будем играть в Уимблдоне.

Андрей Потанин, как я уже говорила, был моим ровесником. Я познакомилась с ним в четырнадцать лет на сборах в Таллине, где он готовился к взрослому первенству Союза.

Но в ту пору, встречая меня, Андрей никогда не здоровался. Меня коробила его грубость, и вообще я относилась к нему критически. Впервые он несколько удивил меня, легко поступив на физический факультет Ленинградского университета.

Позже-то я поняла, что его грубые манеры и странные выходки были лишь защитной маской, которую нацепил на себя легкоранимый Андрей, слишком рано оказавшись в компании взрослых. Позже мы стали друзьями, но в четырнадцать, отталкиваясь друг от друга, разрешали в одиночку одни и те же проблемы. Признаться, мне было проще. Я страдала, конечно, что старшие девочки не берут меня в свою компанию, но на всех сборах и соревнованиях меня всегда бережно опекала какая-нибудь взрослая теннисистка.

У Андрея (нет, не привыкла его звать Андреем — я до сих пор для него Дмитриева, а он для меня — Пот), так вот у Пота всё складывалось иначе.

В то время в теннисном кругу — точнее, в среде тех взрослых игроков, с которыми тренировался Пот, — были в ходу всякого рода «подначки», причём иногда очень злые. И самолюбивый Пот, которому не прощались его мальчишеские слабости: неумеренный аппетит и небрежность в одежде — его белая форма была вечно чем-то измазана, решил любым путём «повзрослеть». Он обрёл эдакую расслабленную походку, научился лихо играть в карты, мог при случае вернуть крепкое словечко. А своим аппетитом, как и небрежностью в одежде, теперь бравировал. Сама видела, как однажды за полчаса до игры Пот съел огромный арбуз!

Его спортивные успехи быстро росли. В четырнадцать — чемпион Союза среди юношей, в семнадцать — вторая ракетка страны. Но когда в шестьдесят втором Пот наконец, возглавил десятку сильнейших, его уже не столько хвалили, сколько ругали, ибо он упорно цеплялся за манеру игры, которая, по мнению федерации, не соответствовала общей тенденции развития советского тенниса.

Как он играл? Часто во время игры можно следить за счётом по реакции зрителей. Так вот, когда Потанин играл, допустим, с Лихачевым, публика радостно аплодировала Лихачеву за его эффектные удары с лёта и можно было подумать, что Лихачев вот-вот разнесёт своего противника. Но минут через сорок матч заканчивался победой Потанина со счётом что-нибудь вроде 6:3, 6:2.

В детстве основным ударом Пота был удар справа, очень сильный, которым уже тогда он варьировал в подкрутке. Впоследствии он «набил» почти равноценный удар и слева. Но ни пушечной подачи, ни эффектной игры с лёта Пот никогда не имел. «Пойду к сетке — может, испугается», — говорил Пот, будучи уверен, что не с лёта выигрываются мячи, а просто обводящий теряется. Он играл в основном на задней линии, но, как никто, комбинационно и всегда сам вёл игру, даже если вынужден был защищаться.

Пота так настойчиво убеждали, что он играет «проигрышным стилем», что, в конечном счёте, он стал терять уверенность в своей игре.

Но кто сказал, что современный стиль определяется только мощной подачей и выходом к сетке? Да, такая трактовка была одно время полезна нашему теннису, ибо многие игроки предпочитали пассивно играть на задней линии. А современный стиль — это активный теннис. Играть активно, в свою очередь, можно не только у сетки, но и на задней линии. Такие игроки, как итальянцы Пьетранжели и Мерло, шведы Давидсон и Лундквист, добились мирового признания, активно играя на задней линии. На более быстрых травяных кортах они чувствовали себя, конечно, не столь уверенно, как на «земле». Но на Западе игроки разделяются на «земляных» и «травяных». Типичные «земляные» теннисистки австралийка Тернер и француженка Дюрр.

Причём Дюрр держит ракетку крайне странно и «неправильно» бьёт что справа, что слева. Однако её тренер и не думает её переучивать, а, напротив, научился играть столь же «неправильно», чтобы усовершенствовать очень индивидуальный стиль своей талантливой ученицы, уже несколько лет входящей в десятку мира.

Сошлюсь и на Динни Пэйлса, тренера знаменитого австралийца Тони Роча. Так вот, Пэйлс утверждает: «В теннисе особенно важна естественность. Никогда не навязывайте своему ученику техники, которая, на ваш взгляд, сейчас наиболее рациональна. Временами

меняется и техника. Ваш же подопечный станет выдающимся мастером в том случае, если возьмёт на вооружение только то, что подходит именно ему. Я, например, ничего не навязывал Тони, а лишь шлифовал этот алмаз до его природного блеска».

А вот Потанина перечивали, как и сегодня у нас переучивают некоторых одарённых игроков, которым просто несвойственно с подачи бежать к сетке. И сейчас у нас возникает новая проблема: научиться длинно и остро играть с задней линии.

Пота всё чаще ругали за стиль игры, но, пытаясь играть несвойственным себе стилем, он проигрывал и тогда возвращался на заднюю линию. Но это своеволие ему не прощали. Однажды Пот прибежал ко мне в совершенном отчаянии:

— Зачем мне обещали поездку в Южную Америку?! — кричал он. — Плевал я на эту поездку. Чего я там не видел? Но я ждал, готовился, а теперь едет другой. Почему не сказали сразу?

Он легко предавался отчаянию и тогда прикрывался наглостью. И вообще, взрослея, он сохранил привычную браваду, отчасти это стало уже его сущностью.

Помню такую сцену. В четвертьфинале своего единственного победного чемпионата страны Пот напряжённо под дождём играл с совсем юным Аликом Метревели. В перерыве они сидели в комнате отдыха, чинили ракетки. Пот выглядел живописно: на лбу слиплись мокрые волосы, его белая форма была, как всегда, захватана. Вяло, в своём стиле, он ковырял свою старую ракету, протаскивая через обод струны, весьма похожие на старую верёвку. Алик же небрежно швырял своим приятелям, чинившим его «данлопы», новые импортные струны. И, понимая, что Алик в своём пижонстве уже знающего себе цену мастера лишь привлекателен, Пот совсем по-мальчишески, хотя он был старше Алика, продолжал вытирать о трусы руки...

Но почему я пишу об Андрее в прошедшем времени? Он занимается своей физикой, защитил кандидатскую диссертацию и ходит на корт, продолжая тренироваться, но в большом теннисе старается не появляться — лишь иногда выступает, причём всегда успешно, в командных соревнованиях за Ленинград.

Да, как великий теннисист Андрей Потанин не состоялся, зато начинал блистательно. А как он любил игру! Про Андрея нельзя было сказать, что он «работает» на тренировке — он не мог тренироваться без счета. Он мне давал фору 0:40 и часами с невероятным азартом готов был играть со мною. При такой форе я могла противостоять даже Алику Метревели, но Пот не отдавал мне ни гейма. Мне подобные тренировки приносили огромную пользу, а Пот давал лишь выход своему азарту. Ему было разумнее вместо игры со мной хладнокровно отрабатывать подачу, допустим. Но он всегда вёл себя «неразумно», не желая смириться с тем, что большой спорт сегодня требует полной самоотдачи и, если хотите, жертвенности. А Пот, влюбившись в мою подругу, уже не думал о тренировках и на попутных машинах — на другой транспорт у него денег не было — ездил из Ленинграда в Москву на свидания.

Я дружу по-прежнему с Андреем Потаниным, но есть и другая причина, побуждающая меня не таить своих пристрастий. В конечном счёте, и я не смогла заставить себя пожертвовать всем ради тенниса.

Эта проблема предстала пред нами во всей своей сложности, когда мы повзрослели, но в те дни конца мая пятьдесят восьмого года мы с Потом думали только о предстоящей поездке в Англию. Нам специально делали ракетки на фабрике: десять мне и десять Поту. Нам изготовили по три пары каких-то особо удобных теннисных туфель. Мы мерили белые свитеры, затем — синие, а мне даже сшили платье для традиционного Уимблдонского бала.

Перед отъездом нас поселили в лужниковской гостинице, но тут пошли зловключения. Выходя из номера, я ступила в ведро с водой, которое оставила уборщица, дёрнулась от испуга и... растянула шею. В тот же день, перелезая через забор — иначе он не мог! — Пот сел на гвоздь и распорол ногу. И это ещё не все. Я ведь левша — так вот, придя пообедать в кафе «Спорт», я ухитрилась коснуться ладонью левой руки раскалённой плиты...

Однако каким-то образом всё обошлось, и утром четвёртого июня я стою рядом с Семёном Павловичем Белиц-Гейманом, руководителем нашей делегации, и переводчицей Алей Ивушкиной в зале ожидания Внуковского аэропорта.

У меня в кармане лежат «родительские заповеди»: «Будь со всеми всегда приветлива, чаще улыбайся, особенно на корте и с корреспондентами (и в особенности, когда будешь сходить по трапу самолёта); постарайся связаться с отелем, где живут мхатовцы, и вызови Раевского или Яншина. Они тебя ждут...» И так далее, да ещё приписка: «Принимать без скепсиса и фырчания». И я решаю, естественно, что уж по трапу самолёта сойду непременно с невозмутимым лицом.

Объявляют посадку на Лондон. Но где же Пот? Наконец находим его в кафе — Пот азартно поглощает бутерброды с икрой.

Едва усаживаемся в самолёт, Семён Павлович, как всегда, начинает проверять наши познания в географии:

— А где находится остров Святой Елены?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Сходим по трапу самолёта, а внизу беснуются фоторепортёры. Лондонские фоторепортёры ринулись на нас столь неожиданно, что я растерялась, пытаюсь осмыслить, как надо вести себя соответственно ситуации: первые посланцы советского тенниса прибыли в Уимблдон! — а они уже сделали своё дело и убежали.

Но, едва миновав таможенного чиновника, вновь попадаем в окружение журналистов. И тут я вижу, что к нам спешит Фред Перри. Его ослепительно белая рубашка повязана традиционным уимблдонским галстуком: тёмно-зелёным с поперечными фиолетовыми полосками. В Англии каждый теннисный клуб имеет не только свой флаг, но и галстук. У радушного спутника Перри был иной галстук: красно-бордовый с поперечными жёлтыми полосками. Это галстук Бекнемского клуба, президентом которого был мистер Маккалам.

По многолетней традиции участники Уимблдона сначала пробуют силы в открытых первенствах графства Кент и Лондона. Первый турнир проводится в небольшом городе Бекнеме. Я думала, мы ещё едем предместьями Лондона, но мы уже были в Бекнеме, и мистер Маккалам, указывая на деревенского стиля клубные строения, торжественно сообщил, что здесь играют в теннис с 1866 года. И с тех пор, прилетая в Лондон, я уже знала, что в зале аэропорта непременно увижу мистера Маккалама в его неизменном типично английском костюме: немного клеточки, немного ёлочки, — и он непременно вручит мне букетик роз и будет заботливо опекать в дни Бекнемского турнира.

Мы поселились в Бекнеме в пансионате Кирпатрика, где почтенно и тихо доживают свой век одинокие леди и джентльмены. Помню, как смущали меня в первые дни эти чопорные старики и старушки, которые в торжественном безмолвии восседали вечером у камина, а днём медленно сходились к обеденному столу и, как мне казалось, критически оценивали мои познания в этикете.

А одна престарелая леди постоянно скидывала трясущимися руками какую-то допотопную фотокамеру, стремясь поймать меня в объектив. Она поехала вслед за нами в Уимблдон, продолжая и там, к величайшей радости Пота, за мною охотиться. Так было и в последующие годы, пока я играла в Англии. Правда, её руки тряслись всё сильнее и даже её фотокамера казалась мне с каждым годом всё допотопнее, но она являлась передо мной самым неожиданным образом, восклицала радостно: «Эн!» — и я покорно фотографировалась.

Я долго не засыпала в ту первую ночь в пансионате Кирпатрика, а заснула, как провалилась; и, когда среди ночи стали стучать в мой номер, вызывая меня к телефону, я испугалась и, ничего спросонья не понимая: где я и почему говорят не по-русски? — спустилась по винтовой лестнице в тёмный холл, взяла телефонную трубку и вдруг услышала мамин голос:

— Ну как долетела?

Но тут я увидела, что рядом со мною сидит большая собака, совсем испугалась и тихо сказала маме:

— Тут собака сидит.

— Какая ещё собака?! — воскликнула мама.

— Большая собака, — ещё тише сказала я.

— Я еле узнала, где ты находишься, и вот наконец дозвонилась, а ты — про собаку...

Но утром, едва ступив на слегка пружинящую траву Бекнемского клуба, я сразу забыла свои ночные страхи. Этот момент: первая русская нога ступает на английскую траву! — караулили десятки фотокорреспондентов. Я не сразу поняла, зачем они снимают мои ноги, зато Семён Павлович быстро оценил обстановку. После короткой пробежки он сделал стойку и, как я ни сопротивлялась, заставил и меня встать на руки! И мы пошли на руках по корту, а Пот сделал кувырок через сетку.

Давая интервью, Семён Павлович восклицал:

— Чему вы удивляетесь, господа? Мы всегда делаем такую разминку.

Первое ощущение, которое испытываешь на траве, — тебе всё время надо бежать. На земле можно к мячу «подъехать», а тут споткнёшься. Теннисисты ступают по траве, как цапли.

Вернувшись, домой, я одно время пыталась выглядеть такой цаплей и на наших земляных кортах, чтобы каждый видел, что я теперь травяной игрок, и ужасно привыкла к этой странной траве, столь мелкой и тонкой, словно корт устлан нейлоновым ковриком...

И в самом деле, игра на траве пошла у меня сразу. Мяч здесь отскакивает очень низко, но быстро. Самые быстрые в мире корты — в Уимблдоне (в Бекнеме мяч отскакивает столь же низко, но менее быстро). Фирма «Шлезингер» делает даже специальные мячи для Уимблдона — тоже самые быстрые.

На земле ты можешь практически взять любой мяч — земля притупляет отскок. А трава отскок убыстряет и даёт ему продолжение. И бежать здесь труднее, чем на земле. Все твои недоделки, которые на земле «пройдут», трава обнажит. Как я злилась, как ненавидела медленный земляной корт, переходя на него с травы!

Помимо традиционных английских турниров, на травяных кортах проводятся чемпионаты США и Австралии, на земляных — Франции, Италии и других европейских стран. Но из четырёх турниров «Большого шлема», как видите, только один (чемпионат Франции) проводится на земле. И не случайно уже многие годы в Уимблдоне, как и на чемпионатах Австралии и США, побеждают обычно игроки, выросшие на травяных кортах.

Между прочим, я знаю о двух попытках сделать в Москве травяные корты. Старейший любитель тенниса Александр Алексеевич Добрынин рассказал мне недавно, что в начале века в Химках, на даче у директора-распорядителя магазина «Мюр и Мерилиз» (нынешний ЦУМ) Казалета он видел травяной корт и овец, которые специально держались, чтобы подъедать траву на корте.

А лет десять тому назад была засеяна английскими семенами одна площадка в теннисном городке в Лужниках. Семена дали буйные всходы; и пока размышляли, чем и как стричь корт, он зарос густой и сочной травой, в которой пестрели лютики и одуванчики, — я любила лежать на этой траве, готовиться к экзаменам. Сейчас площадка залита асфальтом.

Чтоб вы могли представить, что это такое — английский травяной корт, приведу некоторые правила создания травяного корта, которые я вычитала в старой английской книге, посвящённой лаун-теннису и изданной ещё в конце прошлого века.

Для каждого грунта отбираются свои травы. Установленная смесь гребенника, овсяницы или других «теннисных трав» высевается непременно в безветренный день, а птиц специально отпугивают. Уже сам посев — как ритуальное действие!

Трава всходит, и теперь чуть ли не каждый день её подстригают специальными машинками. Сорняки тщательно выпалываются, а жёсткие — такие, как подорожник, чертополох, одуванчик, — вырезаются ножом на дюйм ниже поверхности, чтобы по возможности удалить корень. А на остаток корня полагается капнуть купоросом. Далее следует определить количество червей в грунте. Если, например, выясняется, что червей слишком много и они излишне разрыхляют почву, площадку поливают безопасной для травы известковой водой, вызывая червей на поверхность! И так далее.

Сделать настоящий земляной корт — лучшие корты в нашей стране, по моему мнению, в Ленинграде — это тоже особое искусство. И вообще я не стремлюсь доказать, что на траве теннис привлекательнее, чем на земле. Разве можно, к примеру, плести на траве такие тончайшие кружева, какие плетёт на земле знаменитый испанец Сантана? Я лишь хочу сказать, что теннис на траве и теннис на земле — это два разных тенниса. И если после первых же тренировок в Бекнеме я себя чувствовала на траве довольно естественно — будь моя воля, я бы только на траве и играла, — то Пот, напротив, оставался и на траве типичным «земляным» игроком.

В Бекнеме я оказалась в кругу великих теннисистов, рядом с ними тренировалась. И класс их игры, и непривычные их манеры — всё меня поражало. Среди этих «звёзд» была и моя ровесница англичанка Кристина Трумен.

Она держалась как взрослая, и губы подкрашивала. А быть может, её взрослили необычный — 192 сантиметра! — рост и мощное сложение. Но она так держалась по праву — год назад, когда Кристине лишь было шестнадцать, она вышла в полуфинал Уимблдона, где уступила будущей чемпионке — ещё более атлетичной и, естественно, более опытной — негритянке Алтее Гибсон.

Теперь Кристина взяла реванш у Гибсон. Пока мы тренировались в Бекнеме, на кортах Уимблдона разыгрывался кубок Уайтмена. Этот кубок, учреждённый в 1923 году, вручается победительнице традиционного матча женских команд Англии и США. Кристина Трумен, выиграв и обе одиночные встречи, и парную (с Ширли Блумер), обеспечила победу Англии — победу, которой англичанки не знали с 1930 года.

Английская команда появлялась в Бекнеме к ланчу. Кристина Трумен шла к террасе клубного павильона, где подавался ланч, в окружении корреспондентов и почитателей таланта. Даже юбка Кристины — широкая юбка тех лет на кринолине — была впечатляюще модной. Я видела по телевидению, как она победила Алтею Гибсон, победить которую, мне казалось, вообще невозможно.

Вся Англия верила, что Кристина вновь обыграет Гибсон в Уимблдонском турнире. Но Кристина, «сеянная» второй (Прим.: На каждом турнире самые сильные игроки расставляются — «сеются» — в сетке так, чтобы они не встретились между собой до четвертьфинала. Сначала, под первыми двумя номерами, «сеются» предполагаемые финалисты и т. д.), не дошла до финала — в четвёртом круге она неожиданно проиграла маленькой американке Мими Арнольд.

На следующий год Гибсон уйдёт, но появится бразильянка Мария Буэно — совсем иного типа игрок, чем Гибсон и Трумен. И до сих пор, по-моему, никто не играет так вдохновенно и артистично, как играла Буэно. Кристине, однако, удастся выиграть чемпионаты Франции, Италии, она совершит эффектное турне по Австралии, а в шестьдесят первом году в отсутствие Буэно ей представится верная возможность, наконец, выиграть Уимблдон. Она победит новую австралийскую «звезду» Маргарет Смит, выйдет в финал, но здесь уступит своей соотечественнице — двадцатидевятилетней Анжеле Мортимер.

Кристина могла завязать захватывающую игру с Гибсон, Буэно, Смит, которые на её рискованные выходы к сетке отвечали не менее рискованной и неожиданной контригрой, и в этой открытой схватке ярчайших игровых темпераментов рождался подлинный теннис.

Но Анжела Мортимер — идеальный пример крепкого среднего игрока — знала, что может на что-то надеяться, лишь упростив игру. И она безошибочно рассчитала, как навязать такую игру мощной, но всё же несколько медлительной Кристине. Она укорачивала Кристине мяч под правую руку, та не могла сыграть сильно такой мяч, но шла, тем не менее, к сетке, где была её основная игра, и тут Мортимер

обводила её свечкой через левую руку. Так было, конечно, не всегда: Кристине то удавался её коронный удар справа, то она доставала очередную свечку Мортимер, но игру вела не она — вот в чем дело!

В решающем сете каждый успех Кристины вызывал ликование на трибунах; казалось, англичане болеют лишь за Кристину, но эго не смущало Мортимер, и она столь же чётко продолжала свою обманную игру.

Новая чемпионка Уимблдона Анжела Мортимер признается журналистам, что она плохо слышит, и на этот раз, как и всегда, трибуны были для неё безмолвны...

А мама Трумен воскликнет в слезах:

— Нет, я не в силах видеть своего ребёнка, так страдающего! Кристина должна бросить теннис.

В каждой стране есть два-три игрока, родители которых живут целиком теннисной жизнью, деятельно участвуют во всех турнирных делах. Такие теннисные родители часто приносят какой-то домашний уют в нервную обстановку турнира, к ним привыкаешь, их присутствие успокаивает — свои родительские заботы они расточают щедро, пристрастно болеют и за друзей дочери или сына.

Кто у нас не знает родителей Володи Короткова? В теннисном дворце ЦСКА на Ленинградском проспекте у Коротковых есть даже постоянные места на трибуне. А Женю Изопайтис повсеместно сопровождает тётя. Она появляется на турнирах и в Ташкенте, и в Северодонецке, ведает Жениной сумкой (по себе знаю, как лень, придя с тренировки, разбирать сумку) и даже наставляет её теперь перед игрой.

А семья Кодешей в Чехословакии? Вырастив Яна чемпионом, а Власту (она теперь носит фамилию мужа — Вовичкова) — чемпионкой страны, папа Кодеш и мама Кодешева не считают возможным лишь состоять при теннисе, как другие родители, а непосредственно работают в своей теннисной федерации. И уж весь теннисный мир знает маму сильнейшей француженки Франсуазы Дюрр. Мадам Дюрр, которая прежде была и сама неплохим игроком, ныне всеведущая и всевластная распорядительница чемпионатов Франции.

Но я хочу досказать про маму Трумен. Когда подрастёт младшая сестра Кристины — Нейл (помните, Нейл Трумен довольно удачно играла на Московском международном турнире зимой семидесятого года, и ей был даже вручён «Приз вдохновения?»), мама Трумен будет трогательно болеть уже за обеих дочек.

Я ей сказала однажды, что вот моя мама, дескать совсем на вас непохожа и ведёт себя на турнирах по-другому: нервно курит, держится в отдалении. «И все-таки, глядя на вас, я вспоминаю свою маму». С тех пор мама Трумен стала ходить на все мои игры и приносить мне булочки, как Кристине и Нейл...

В шестьдесят четвёртом году, когда я играла в Куинс-клубе открытое первенство Лондона, мама Трумен сказала, что она будет очень огорчена, если я не смогу провести в их семье вечер.

Помню, как долго мы ехали — через весь Лондон. Машину вела Кристина, я сидела рядом с ней, а Нейл — сзади. Не претендуя на особые лавры в теннисе, Нейл изучала в Оксфорде географию, держалась легко и непринуждённо, и нам всегда было о чем поболтать. А с Кристиной до того вечера я только здоровалась. Она уже не была прежней «звездой». Она «сломалась», проиграв Мортимер Уимблдон. А возможно, были тому и другие причины, на которые эта спортивная неудача лишь наложились. Кристина вроде пыталась вернуть былую славу, и многие англичане по-прежнему в неё верили, но меня озадачивала какая-то внутренняя неподвижность, которая теперь отмечала её, и даже в её игровом упорстве, казалось, появилось что-то механическое. Но, тем не менее, она для меня оставалась той самой Кристиной Трумен, и я по-прежнему ощущала дистанцию, когда-то нас разделявшую.

Кристина молча вела машину, а Нейл и не пыталась вовлечь сестру в разговор, словно это было естественно, что мы разговариваем, а Кристина молчит. Наконец Кристина сказала мне, что любит слушать битлов. Поговорили немного о битлах. Затем Кристина сказала, что любит смотреть телевизор...

Она включила телевизор и в тот вечер сразу же после обеда — а обед был типично английский: грейпфрут, овощной суп, большой кусок жареного мяса, который папа Трумен порезал тонкими листиками, и мучные сладости на десерт. В разговор о политике, который папа-консерватор и брат-лейборист (типичный молодой англичанин: поджарый, в твидовом пиджаке) повели за столом, Кристина не вступала, как и в разговор о спорте, который продолжался уже у камина.

Это был вечер в типично английской семье, имеющей собственный домик в зелёном пригороде Лондона. Папа после работы занимается своим садиком, мама ведёт хозяйство. Сын Хэмфри уже служит, дочь Нейл учится в университете — они спортивные, играют в теннис. Одним словом, хорошая, живая семья, но есть ещё ребёнок...

Таким странным, отчуждённым ребёнком была в этой семье Кристина. Я так и не сблизилась с нею в тот вечер. Немного посмотрев телевизор, она сказала, что ей бы хотелось прилечь, и ушла наверх.

Мама Трумен объяснила мне, что Кристина встаёт очень рано и обязательно работает со штангой. Я видела и её штангу, и неполный корт в садике, где была установлена теннисная пушка мячей на пятьдесят, так что Кристина не нуждалась в партнёре, чтобы отрабатывать удары у сетки или на задней линии.

Но ранняя слава Кристины так и останется её высшей славой. В шестьдесят пятом году она ещё будет играть в полуфинале Уимблдона и победит на чемпионате Южной Африки, в шестьдесят восьмом, как и десять лет назад, будет представлять Англию в кубке Уайтмена. Англичанки вновь победят, но на этот раз за счёт блистательной игры Вирджинии Уэйд (я ещё расскажу о Вирджинии), а Кристина отдаст обе одиночные встречи и добудет одно — правда, решающее! — очко лишь в паре с сестрою Нейл.

Она по-прежнему в теннисе, хотя уже вышла замуж и родила ребёнка.

Совершенно иная теннисная судьба у Эн Хейдон — другой знаменитой англичанки, которую я тоже впервые увидела в Бекнеме. Эн, как и Кристина, играла тогда кубок Уайтмена (она победила, кстати, Мими Арнольд — ту маленькую американку, которой Кристина проиграла вскоре в Уимблдоне) и вместе с Кристиной приезжала в Бекнем к ланчу. Но когда они шли рядом, Хейдон как-то не было видно. Я лишь запомнила её тогдашнюю причёску: «лошадиный хвост» и прямая чёткая чёлка. И, как игрок, старательная, чёткая Хейдон, которая каждый раз так выкладывалась, что казалось, у неё нет никакого запаса, терялась на фоне непринуждённой и даже чуть небрежной в движениях Кристины.

Но постепенно выяснилось, что у Хейдон зато огромный запас уверенности в себе, а её нервы — как стальные канаты. Она на три года старше Кристины, но выдвинулась одновременно с нею, в пятьдесят седьмом году, когда достигла полуфинала в чемпионате Франции. К тому времени она, кстати, была уже известным игроком в настольный теннис (второй в мире по классификации 1957 года), но рассталась с настольным теннисом, чтобы стать чемпионкой Уимблдона.

Она шла к этой цели медленно, продолжая играть столь же прямолинейно, без особой фантазии; будучи левшой она могла бы больше играть на вращениях, больше закручивать, запиливать, но так варьировать свою игру она не стремилась. Чтобы вы могли представить её характер, приведу ещё пример. Играя микст, всегда стремишься хоть раз красиво обмануть мужчину — это рискованно, можно потерять очко, наконец, тебя будет ругать партнёр, но это просто необходимо для самоутверждения. Эн, однако, никогда в таких случаях не рисковала. Но с каждым годом она прибавляла в стабильности, регулярно достигая в Уимблдоне полуфинала, уж, в крайнем случае — четвертьфинала!

Она вышла замуж за почтенного мистера Джонса. Всегда гладко выбритый — со временем он стал брить и голову, — источающий запах дорогого одеколona, мистер Джонс теперь всегда находился рядом с Эн. Я видела однажды, как они шли по Парижу, взявшись за руки, словно восемнадцатилетние. Очевидно, для Эн мистер Джонс оказался тем единственным другом, который помог ей не усомниться, что придёт, наконец, её час и она выиграет Уимблдон!

В шестьдесят шестом году Хейдон-Джонс не знала соперниц на земляных кортах. Она выиграла чемпионаты Франции, Италии, в августе приехала в Москву и — помните? — победила на международном турнире в Лужниках и в одиночном разряде, и в паре, и в миксте. Но в Уимблдоне, как и прежде, ей удалось лишь выйти в полуфинал. На следующий год она наконец пробилась в финал, но проиграла американке Моффит-Кинг.

И вот в шестьдесят девятом году Хейдон-Джонс всё же выиграла Уимблдон. Она была «сеяна» четвертой и уже в полуфинале встретилась с австралийкой Смит-Корт, которая в тот год вновь всех побеждала и должна была, по всеобщему мнению, быть первой и в Уимблдоне. Но давления Хейдон-Джонс австралийка не выдержала. Та же участь постигла в финале и трёхкратную чемпионку Уимблдона Моффит-Кинг.

Хейдон-Джонс добилась своего лишь в тридцать лет, когда, наконец, решилась сыграть в несвойственном себе бескомпромиссно атакующем и рискованном стиле — тут-то и не выдержали её давления ни Смит-Корт, ни Моффит-Кинг.

А из мужчин тогда, в Бекнеме, меня наиболее поразил датчанин Курт Нильсен. Высокий, респектабельный, немного усатый — так, что его усы не казались лишними, хотя усы, как и борода, мне всегда кажутся лишними, — он полностью соответствовал моему наивному тогдашнему представлению о знаменитом иностранном игроке. На корте Нильсен держался бесстрастно. Когда во время его игры в Бекнеме судья однажды ошибся, Нильсен, ни слова не говоря, подошёл к судейской вышке, тихонечко ткнул судью мячиком и столь же бесстрастно возвратился на заднюю линию.

Нильсен славился своей эффектной пушечной подачей. Даже великий австралиец Кен Розуол дважды проигрывал в Уимблдоне Нильсену, так и не приспособившись к его подаче. А на кортах с деревянным покрытием, где мяч отскакивает особенно быстро, Нильсен был совершенно непобедим целых десять лет: с сорок седьмого по пятьдесят шестой. Но самым сенсационным успехом Нильсена был выход в финалы Уимблдона в 1953 и 1955 годах — дело в том, что оба раза Нильсен не был в числе «сеяных» игроков. Такое в Уимблдоне случается редко.

Вторично я увидела Курта Нильсена уже в Москве — он перешёл в профессионалы и приезжал к нам в шестьдесят первом году с «Цирком Джека Крамера» (профессиональная теннисная группа, которая в тот год провела у нас ряд показательных выступлений). На Малой арене Лужников собрались московские теннисисты, чтобы увидеть наконец этих знаменитых профессионалов. Все ждали какого-то чуда, и действительно, вышел Курт Нильсен, подкинул мячик, плоско ударил его самым центром ракетки, да так ударил, что его противник даже не шелохнулся. И такая подача удалась ему четыре раза подряд! Нильсен был наименее титулованным игроком в «Цирке Крамера», но, пожалуй, именно он наиболее поразил москвичей.

Теперь представляете, что я должна была ощущать в Бекнеме, оказавшись в таком окружении? Меня ничто уже не могло удивить. Однажды в Бекнеме вдруг появился Михаил Михайлович Яншин в окружении мхатовцев. Но если бы даже МХАТ и не гастролировал в Англии, я бы сочла совершенно естественным, что вот, как обычно, на теннис пришёл Яншин и называет меня «Авоськой». Это прозвище он мне дал ещё в Пестове, когда я связывала свои косички, чтобы они не болтались, а Яншин ловил меня за эти связанные косички и говорил, что меня можно держать за них, как авоську. Яншину очень понравилось в Бекнеме, остальные мхатовцы напоминали ему, что

пора идти по музеям, но Яншин удобно расположился на трибуне и уже никуда не спешил. Тут как раз начинался Бекнемский турнир юниоров, и в сложившейся ситуации я сочла необходимым этот турнир выиграть.

Да, конечно, я тренировалась на траве лишь несколько дней, но, приглядевшись к своим соперницам, чисто интуитивно поняла, что выиграю у них. И я уверенно выиграла турнир, победив сначала двух англичанок, затем — двух шведок.

И Пот дошёл до финала, где проиграл лишь талантливому и уже познавшему успех американцу Эрлу Бухгольцу. Но второй сет Бухголец взял с трудом, хотя Пот играл на траве, как на земле, добывая очки не у сетки, а своим коронным остропассированным ударом справа.

По завершении Бекнемского турнира мы были приглашены на загородную виллу к тётке королевы леди Кроссфилд. Этот традиционный дневной приём уже многие годы предшествовал Уимблдону. Я впервые увидела там настоящего индийского йога, который выпил носом стакан воды. После традиционной клубники со сливками все спустились, минуя огромный холл, в сад, где были корты и где состоялись показательные игры, в которых и я участвовала — миксте с восходящей немецкой «звездой» Инго Будингом. Знаменитый теннисный обозреватель называл меня, в свою очередь, «russian star». Я не знала, как вести себя — происходящее казалось мне нереальным.

Прямо с приёма нас отвезли в отель «Доминион», стоящий напротив Гайд-парка. Теперь предстояло участвовать в открытом первенстве Лондона, которое проводится на кортах Куинс-клуба — самого привилегированного в Англии теннисного клуба.

В первом же круге я встретилась с американкой Джейн Хопс. Я не знала, что она входит в десятку мира и дважды обыграла в том сезоне чемпионку Уимблдона Алтею Гибсон. Лишь поняла сразу, что американка быстрее меня, но решила, что всё равно выиграю у этой маленькой худенькой Хопс. Я проиграла в упорной борьбе — 4:6, 4:6 — и очень расстроилась, однако, все бросились меня поздравлять, повторяя, что Хопс дважды уже победила Гибсон, да и сама Хопс сказала, что я ей очень понравилась. А мне всё равно было досадно, что проиграла.

В Куинсе я часто тренировалась с американкой Салли Мур. Салли не отличалась элегантной техникой, но даже разминку она делала с полной отдачей, целеустремлённо. Салли считалась американской «надеждой», и действительно, уже на следующий год она вышла в полуфинал взрослого Уимблдона. Но в тот же год она безнадежно влюбилась в красивого английского мальчика Роджера Тейлора (полуфиналист Уимблдона 1967 года). Видя, что в него девочка влюблена, — а в него влюблялись многие девочки-теннисистки, — Тейлор вёл себя намеренно сдержанно. Салли страдала безумно: выходя на площадку, она не могла попасть по мячу. И наконец, совсем бросила теннис, лишь бы никогда не встречаться с Тейлором.

Но в то лето Салли жила только теннисом, и мы до исступления тренировались с нею в Куинсе, готовясь к своему Уимблдону. Кто знал, что именно нам предстоит разыграть финал?

И другие юниоры тренировались в Куинсе. Юниоры не тренируются в Уимблдоне — им не разрешено даже ступить на эту священную землю, пока не начнётся турнир. Но для советских игроков, которые впервые приехали в Уимблдон, Семён Павлович такое разрешение получил.

От станции метро «Саутфилд» мы долго шли по тоскливой Черч-роуд (на этой улице даже нет ни одной витрины), как вдруг открылись огромные, заросшие плющом трибуны Уимблдона. Я не видела прежде теннисных стадионов, и мне было трудно поверить, что на этих бесконечных площадках играют только в теннис и только теннис смотрят с этих трибун, высотой с многоэтажный дом.

Того стадиона, с площадок которого первые игроки в лаун-теннис постепенно вытеснили чопорных игроков в крокет, не позволявших себе снимать пиджаки в присутствии дам, уже нет. Последний турнир в старом Уимблдоне был проведён в 1921 году, а со следующего года начинается история нового Уимблдона. Его центральный и первый корты, трибуны которых рассчитаны соответственно на пятнадцать и

пять тысяч зрителей, считаются самыми быстрыми в мире травяными кортами. Здесь играет только Уимблдонский турнир, кубки Дэвиса и Уайтмена. Всё остальное время корты готовят к этим немногим играм.

Ещё два корта — третий и четвёртый — обнесены трибунами. Остальные площадки трибун не имеют, но каждая из них расположена совершенно отдельно и огорожена плотным рядом низкого кустарника, который так ровно подстрижен, что кажется, на него можно прилечь. Когда мы приехали в Уимблдон, там заканчивались последние приготовления к открытию турнира, а на площадках устанавливались фоны из темно-зелёной, хорошо натянутой парусины. Задние фоны — не выше двух с половиной метров, боковые — значительно ниже, как бортики на хоккейных полях. Никакими сетками, за которыми иногда себя чувствуешь, как в зверинце, корты Уимблдона не окружены.

Мы присутствовали и на открытии турнира. Без дождя этот день, конечно, не обошёлся. В Уимблдоне ничего не меняется — даже климат. Лишь однажды, в 1895 году, за весь турнир не выпало ни капли дождя. Зато в 1922 году дождь шёл семнадцать дней подряд! В дождь корты накрываются, но при частых дождях трава влажнеет и на такой траве не всегда сохранишь равновесие.

В тот день короткий дождь не помешал открытию Уимблдона. Вы представляете, очевидно, что на центральном корте был парад участников и прочие церемонии? Ничего похожего. Открытие состояло в том, что ровно в два часа дня при переполненных трибунах — и королевская ложа не пустовала — на центральный корт вышел прошлогодний финалист австралиец Эшли Купер (он заменил прошлогоднего чемпиона Лью Хоада, который перешёл в профессионалы) и безо всякой борьбы победил игрока, которому древний ворон вытащил соседний номер в турнирной сетке.

Турнир юниоров в Уимблдоне начинается в последний понедельник июня, спустя неделю после открытия взрослого турнира. Ближе к этому дню Пота отвезли в мужской пансионат на окраину Лондона, а меня — в женский, напротив Британского музея. Салли Мур в пансионате я не увидела: она играла и взрослый турнир, и ей было позволено жить в отеле вместе с остальными американцами. Я ни с кем не была знакома и решила подойти хотя бы к француженке: как-никак, а по-французски я всё же могла объясниться. И тут узнаю, что фамилия француженки — Галтье. Какое совпадение! На фестивальном турнире я играла с мадам Галтье из Франции и победила её. Все поздравляли меня с «первой международной победой». Я радовалась, конечно, хотя меня смущало, что эта мадам Галтье и несколько старовата, и подаёт снизу. Для настоящей победы надо было, чтобы она хотя бы подавала сверху...

И теперь, в пансионате, подойдя к француженке, я сказала:

— Вот в Москву приезжала мадам Галтье...

— Так это моя мама, — сказала она.

Я знала по-английски только теннисный счёт и не решалась даже приблизиться к строгой даме, которая нами командовала. В грустном настроении легла спать, а утром, когда пришла завтракать, за столом никого почему-то не было. Я положила себе бобы, налила чай и смотрю — бежит девушка-швейцарка. Она торопливо стала мне объяснять по-французски, что завтрак давно закончился и уже приехал автобус с мальчиками и все сели в этот автобус, чтобы ехать на турнир, но наша дама пересчитала девушек — тут меня и хватились.

Игры в Уимблдоне начинаются в два часа дня. До этого мы смотрели, как тренируются знаменитости, затем наставница снова нас пересчитывала и вела к ланчу.

Ланч для участников Уимблдона подаётся с королевской кухни. Меню, как и всё остальное здесь, традиционно. Десять лет я играла в Уимблдоне и все эти десять лет знала, что в понедельник горячее блюдо — баранья отбивная, а в среду — грибы в стаканчике, запечённые с сыром.

После игры нас везли в ближайший ресторанчик, где к концу второй недели Уимблдона устраиваются традиционные танцы с коктейлем и где веселятся выбывшие из турнира игроки. А мы в этом ресторанчике обедали.

Стоя за спинками стульев, ждали, пока дотошная дама в очередной раз пересчитает нас, потом пожелает нам хорошего аппетита, мы, в свою очередь, тоже желали ей хорошего аппетита и наконец, усаживались за стол. Сидели чинно и прямо, ожидая теперь, когда наставница соизволит опустить свою ложку в тарелку с супом.

Меня подмывало хоть как-то нарушить эту чинную благопристойность, но я внушала себе, что звание советской спортсменки обязывает меня безукоризненно следовать правилам, которые здесь приняты. А рядом сидел испанец Арилья (ныне известный игрок) и беспрестанно подмигивал, кривлялся и в довершение всего шептал мне на ухо по-французски: «Я вас люблю».

Пот веселился, наблюдая моё смущение. Он-то уже обзавёлся друзьями, дочка мадам Галтье уже отдавала ему свой суп, а Пот внушал ей, что он может съесть сколько угодно супа — такой бешеный у него аппетит.

Однажды, когда у нас было свободное время, и я опять собиралась в Британский музей (я уже дважды ходила туда и оба раза, путая указатели, попадала в библиотеку и, кроме библиотеки, так ничего не видела), Пот заявился ко мне в пансионат, но тут же был торжественно выведен, а наставница жестоко отчитала меня, что, дескать, как я посмела сюда приводить молодых людей. И вечером, накануне своей финальной игры, я сбежала из этого пансионата в отель «Доминион», где жили по-прежнему Семён Павлович и переводчица Аля.

Проговорила с Алей до полуночи — по-русски! — а затем она сняла со своей постели матрац и положила его на пол. И накануне финальной игры с Салли Мур я прекрасно выпалась на полу у Али в отеле «Доминион».

На пути к финалу у меня были лишь некоторые осложнения в игре с англичанкой Труби. Хотя в тот год Труби и считалась первой ракеткой Англии среди девушек, но ещё в Куинс-клубе, где мудрый Семён Павлович организовал нам совместную тренировку, я поняла, что должна обыграть её. Нет, она не уступала тогда мне в классе, а тактически была даже грамотнее. Но чего-то не хватало ей. Пожалуй, азарта.

Я начала встречу с Труби спокойно. Играю, как мне кажется, в свою выигрышную игру, а счёт... в пользу Труби. Правда, я всё время кого-то изображала: то Купера, то Фрезера — техника великих австралийцев поразила меня, а копируя их, я выглядела, очевидно, весьма забавно. Но я всё равно должна была обыграть Труби и обыграла ее.

И наконец, финал. Распорядитель турнира приглашает меня и Салли в комнату ожидания, которая расположена прямо под королевской ложей. Но, едва узнав, что первый корт, где нам предстояло играть, свободен, мы выбежали из комнаты ожидания и попали... на трибуну. Как же спуститься на корт? Бежим по трибуне, заполненной зрителями, перепрыгиваем через заборчик, уже сознавая, что совершаем нечто ужасное...

И действительно, любому финалу в Уимблдоне предшествует сложная и торжественная церемония выхода игроков (распорядитель выводит игроков из комнаты ожидания, в проходе их встречают судьи и мальчики, которые подают мячи, затем распорядитель желает игрокам счастья и т. д.), которую мы так скандально и, кажется, впервые за всю историю Уимблдона нарушили. Но нашу выходку оценили как проявление крайней непосредственности, и всё на этом уладилось.

В душе я проиграла Салли ещё до начала встречи. И в Бекнеме и здесь, на пути к финалу, я побеждала девочек, которые вроде были и опытнее меня и уже давно играли на траве, но, в конечном счёте, все они, как и я, были ещё не сложившимися теннисистками. А Салли, несмотря на свои восемнадцать лет, была уже зрелым игроком, уже успешно играла с самыми известными американскими

теннисистками. Я же не понимала ещё многих азбучных истин: что надо обязательно держать свою подачу, что надо, прежде всего, играть мячи нужные, а есть ещё мячи ненужные...

Она вела игру, а я бегала и бегала по корту за мячиком. Во втором сете я вдруг попала в её ритм, возникло желание поиграть, но Салли могла выбить меня с позиции даже своей второй подачей. У меня тогда вообще не было никакой второй подачи, а она так зарезала и так резко затем уводила мяч, что он опускался без звука. Я только всю игру ощущала, что очень жмут тапочки. Перри предложил мне для финальной игры тапочки на резинках, а эти тапочки надо было брать на размер больше...

А Андрей проиграл в четвертьфинале бразильцу Барнесу. Ему было труднее, чем мне. Американец Бухгольц, индеец Лал, бразилец Барнес, испанец Арилья, которые играли в тот год юношеский Уимблдон, вскоре станут известными теннисистами. Тем не менее, игра Потанина произвела достаточно убедительное впечатление, и, как и я, он был допущен на следующий год к участию во взрослом Уимблдоне.

Уимблдон завершается традиционным балом в огромном Гросвенор-хаузе, стоящем напротив Гайд-парка. В приглашении на бал, которое мне вручили, было указано и моё место за столом, и какое вино и какого года смогу я выбрать, и кто произнесёт традиционные тосты: за королеву, за чемпионов. Так всё и было. Потом американка Алтея Гибсон и австралиец Эшли Купер произнесли ответные тосты и открыли бал танцем чемпионов.

Алтея Гибсон уже второй год была первой леди Уимблдона.

Мне казалось, что Гибсон приехала в Уимблдон поиграть в своё удовольствие и, кстати, лишний раз пройти этот турнир и доказать, что она сильнейшая.

Гибсон играла в мужской манере — быстро и сильно. Меня особенно поражало, как огромная Гибсон, сделав буквально один шаг и вытянув свою необычайно длинную руку, может достать любой мяч. Потом я видела теннисисток, сложенных столь же атлетично, но лишённых настоящего понимания игры, тонкого чувства мяча. Игра же Алтеи Гибсон оставляла впечатление безукоризненности.

Меня представили знаменитой негритянке, и она вручила мне свою книгу с дарственной надписью. Уже дома, втайне надеясь достичь когда-нибудь славы Гибсон, я от строчки до строчки, поминутно заглядывая в английский словарь, перевела эту книгу, которую Гибсон решила назвать: «Я всегда хотела стать кем-то». А история Алтеи Гибсон такова.

Алтея росла в Гарлеме, и отец её был так беден, что она с трудом заканчивала школу. Но в шестнадцать лет Алтея вдруг поняла, что «имеет шанс прыгнуть через голову». Она играла на улице в педдл-теннис (детский теннис, распространённый в Америке и в Австралии, в который играют деревянной битой), когда на неё обратил внимание джазовый музыкант Бадди Уокер. Он купил ей ракетку за пять долларов и велел поиграть у стенки. Бадди сразу поверил в девочку, ввёл её в свой дом, который показался Алтее ужасно богатым, познакомил с женой, и, наконец, привёл её в гарлемский теннисный клуб «Космополитен», и поставил играть с одноруким Фредом Джонсоном — одним из лучших игроков клуба.

Алтея выглядела на корте так хорошо, что тут же была принята в этот привилегированный негритянский клуб, а Фред Джонсон стал заниматься с нею. Это произошло летом 1941 года.

Фред учил Алтею не только работе ног, но и умению выглядеть настоящей теннисной леди.

Тут Алтее опять повезло. Некая светская дама из Гарлема фактически удочерила ее: купила ей белый теннисный костюм, отучила от уличных манер.

«И я научилась уходить с корта, как леди, — пишет Гибсон. — Оставаясь на корте тигром, я вне мяча сразу становилась спокойной и вежливой. Мне хотелось напоминать матадора, элегантно одетого, безукоризненно выполняющего все правила игры».

Алтея поёт в джазе и, заработав деньги, решает жить самостоятельно. Уезжает из Нью-Йорка, поступает в колледж. В те годы она играла в теннис только в каникулы, приезжая домой. Тем не менее, в сорок девятом году Гибсон уже считается лучшим игроком негритянской теннисной ассоциации, и руководство этой ассоциации начинает кампанию за участие Гибсон в национальном чемпионате. Сейчас положение несколько изменилось, но тогда теннис считался в Штатах игрой только для белых. Негры могли играть в баскетбол, но в теннис?..

За Гибсон вступается знаменитая американская теннисистка Алиса Марбл, и в пятидесятом году Алтея впервые участвует в первенстве США. Но пройдёт ещё пять лет, прежде чем она представит свою страну на зарубежных турнирах.

В 1956 году Гибсон побеждает на чемпионате Франции и пробует свои силы в Уимблдоне. А на следующий год теннисная ассоциация США вручает Алтее Гибсон бесплатный кругосветный билет, и, перелетая из страны в страну, она выигрывает все турниры, в которых участвует. В Уимблдоне побеждает Жужи Кёрмеци, которая не отдавала ей ни одного мяча без борьбы, восходящую английскую «звезду» Кристину Трумен и, наконец, в финале встречается со своей знаменитой соотечественницей Дарлин Хард.

Уже за несколько дней до финала Алтея сочиняет спич, который должна произнести чемпионка на уимблдонском балу, и вечер перед финальной игрой проводит во французском ресторанчике, где пьёт свой любимый черри. Она скажет Дарлин Хард, победив её за пятьдесят минут:

— Ты играла очень хорошо, но мне просто повезло.

Гибсон приводит в своей книге поздравительную телеграмму от президента Эйзенхауэра: «Мы аплодировали вашему мужеству и умению, — сама же благодарит тех, кому, по её мнению, она прежде всего обязана этой победой: музыканта Бадди Уокера, своего первого тренера Фреда Джонсона и свою верную подругу Анжелу Бакстон, которая долгие годы играла с ней пару и всегда подогревала ей молоко, а в день Уимблдонского финала перед завтраком заботливо принесла ей в постель чашку чая. А также благодарит всех своих соперниц, сопротивление которых её воодушевляло.

Вечером на балу её торжественно эскортируют к столу и усаживают во главе его, между герцогом Девонширским и победителем мужского финала австралийцем Лью Хоадом, который спрашивает Алтею, какой танец она хотела бы танцевать с ним. А в разгар бала она идёт к оркестру, чтобы спеть: «Если бы я любила вас...» — свою лучшую песню, которую она пела в ночном ресторане на 143-й улице Гарлема.

Алтея заканчивает книгу словами своих родителей. Мама о её победе сказала:

— Я никогда не думала, что она это сможет. Никогда не думала, что негритянская девочка сможет стоять так высоко.

А папа сказал:

— Я знал, что она это сделает.

Алтее Гибсон было тридцать два года, когда она впервые выиграла Уимблдон, и она полагала, что на этом расстанется с теннисом, сделает карьеру профессиональной певицы и, наконец, встретит человека, которого полюбит... Алтея и здесь не изменяет та восхитительная уверенность, которая позволила за несколько дней до решающей игры с Дарлин Хард сочинить спич чемпионки.

И Гибсон действительно станет певицей и даже выпустит свою пластинку, но увлечётся гольфом, сделает игру в гольф своей профессией и будет признана здесь таким же великим игроком, как и в теннисе. И, наконец, выйдет замуж за фермера. Но прежде она ещё раз приедет в Уимблдон, чтобы вторично его выиграть.

Занятая своим финалом, я не видела, как Гибсон победила в решающей встрече Анжелу Мортимер, но все говорили, что уже во втором сете Гибсон не оставила англичанке никаких надежд.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

По возвращении из Англии я почти сразу поехала в Тбилиси — играть спартакиаду школьников. Московские девочки-теннисистки во всем подражали мне и даже обзавелись «лошадиными хвостами» на мой манер.

У меня голова кружилась от собственного величия. Я играла спартакиаду в форме с зелёным веночком Перри и к своим соперницам относилась снисходительно, хотя была явно не в форме — сказывалось недавнее напряжение.

И в командных соревнованиях я вдруг проиграла эстонке Анни Пуудист. Я играла плохо, постоянно мазала, но ждала, тем не менее, когда же эта Пуудист мне, наконец, проиграет. А она взяла да и победила меня. Серьёзным игроком Пуудист не стала и вообще она давно бросила теннис, но я запомнила её на всю жизнь. Недавно я с мужем была в Таллине, мы шли по улице и вдруг вижу — впереди идёт Пуудист. Я её сразу узнала — по фигуре, хотя не видела лет десять.

Я схватила Митю за руку и зашептала:

— Смотри, Пуудист.

Я помню всех, кому я проигрывала, но тогда, в Тбилиси, Пуудист нанесла мне, пожалуй, самое чувствительное поражение.

Личный турнир спартакиады я, конечно, выиграла, но мой финал с Реной Абжандадзе был постыден. Это был кач на измор — мы в трёх сетах мучились, пока я наконец не перекачала. Играли мы в жаркий полдень августа; и, уже выходя на корт, я решила, что сегодня игра у меня не пойдёт! Но сказать: «Не идёт игра», — может лишь теннисист, который ещё не владеет своей игрой, ещё не знает своих возможностей. А я и не была ещё настоящим игроком.

Однако той осенью, в Харькове, я уже стала чемпионкой страны в парном разряде — вместе с Елизаветой Михайловной Чувыриной.

Игроки, которые объединяются в пару, должны, как правило, дополнять друг друга, и тут возможны самые неожиданные сочетания. В своё время никто не мог победить легендарные французские пары Боше — Брюньон и Боротра — Брюньон, хотя Брюньон вошёл в историю тенниса лишь как партнёр своих великих соотечественников. Я и сама видела подобную эффектную пару: американок Хард — Арт. Чёткая Арт лишь подыгрывала блистательной Хард, но безукоризненно, а уж та солировала.

Я, например, когда уже не меня выбирали, а, напротив, мне предлагали выбрать, предпочитала играть с равной или близкой по классу партнёршей. Всего интереснее мне было играть с Галей Бакшеевой. Нас объединяло одинаковое понимание игры. Я могла предугадать направление любого её удара, что позволяло заранее занять нужную позицию. Мы обе играли в атакующий теннис, обе как с подачи, так и с приёма подачи шли вперёд, но застревали где-то на хав-корте, что выглядело, конечно, тактически неграмотно (тактика парной игры требует, чтобы один из партнёров, стоя у сетки, завершал розыгрыш мяча), но мы обе чувствовали себя там увереннее всего и даже получали удовольствие, стремясь превзойти друг друга в тонком розыгрыше мяча.

Как теннисистки мы ценили друг друга, хотя наши взаимоотношения складывались довольно сложно. В шестьдесят шестом году мы выиграли чемпионат Союза, за весь турнир не сказав друг другу ни слова! А если уж Галя хотела меня поддержать, то говорила что-нибудь вроде этого:

— Слушай, мать, что ты дрожишь? Кто перед тобой стоит-то?..

У нас были победы, которые я буду долго помнить. Шестьдесят второй год. Галя вторично выигрывает юношеский Уимблдон. Она держится по-королевски, заранее исполненная уверенности, что всех победит. На зарядку выходит в балетных пуантах. Белиц-Гейман свирепел:

— Это что, твои ночные туфли?

— А мне так нравится, — лениво отвечала Галя. — Я дома всегда так хожу.

Турнир юниоров она играла несобранно, распущенные волосы мешали ей видеть мяч — и совсем было разочаровала знатоков, которые год назад прочили ей великое будущее. Год назад, когда Гале ещё не исполнилось шестнадцати, она потрясла всех, даже не самой победой в турнире юниоров Уимблдона, а тем, как она играла в финале с уже известной американкой Чобот. Американка сразу повела, и даже не верилось, что Бакшеева, которая выглядела совсем ещё девочкой, сможет что-то сделать. И вдруг Галя заиграла просто гениально. Она так тонко чувствовала, куда и как надо послать мяч, и всё получалось у неё столь красиво и непроизвольно, что это было как откровение. В тот год я хотела играть вместе с Галей на чемпионате Союза в Киеве и была уверена, что мы всех победим, но руководство усомнилось: не слишком ли рано пятнадцатилетней Бакшеевой, для которой и так уже не существует авторитетов, становиться чемпионкой Союза?..

Но в паре Галя играла в тот год в Англии собранно, с блеском. У нас ещё не было соперничества, а была та взаимная поддержка, при которой можно позволить себе и волнение и слабости. В Бекнеме мы вышли в финал, а в Куинс-клубе обыграли сильнейшую австралийскую пару Лихейн — Тернер!

В шестьдесят седьмом году Галя была уже первой ракеткой Союза, а я, возвратившись в теннис после рождения дочери, надеялась вернуть себе звание чемпионки. Фактически мы играли на равных и лидировали в играх попеременно — то я, то она. Особенно дружно мы играли тем летом в Англии.

В Бекнеме, легко выиграв у Кристины и Нейл Трумен, мы встретились в полуфинале с Эн Хейдон-Джонс и Вирджинией Уэйд. В пятнадцать лет Вирджиния была надеждой английского тенниса, но она поступила на математический факультет Оксфорда и на турнирах, в которых успевала участвовать, всегда сидела с тетрадкой и решала задачки. Однажды сказала мне: «Зачем я играю в этот теннис? Пропускаю занятия...» Но в шестьдесят шестом году, окончив Оксфорд, Вирджиния всерьёз заиграла, и теперь уже говорила: «Зачем было учиться задачки решать, если теперь только в теннис играю?..» А играет она эмоционально, ярко. В шестьдесят восьмом году победила на чемпионате США. Той же зимой Уэйд приезжала в Москву, и — помните? — как уверенно она выиграла традиционный Московский турнир. Мы играли в Бекнеме с Джонс и Уэйд темпераментно — делали всё что надо. Мы долго вели в счёте, но выиграть решающие мячи нам никак не удавалось.

В четвертьфинале Уимблдона мы вновь встретились с Джонс и Уэйд и играли примерно так же, как в Бекнеме, даже с большим желанием победить. Но это как раз нас и сковывало. В какой-то момент можно было сыграть тоньше, но мы боялись особенно рисковать, и в полуфинал вышли наши соперницы.

Так или иначе, но мы с Бакшеевой не выиграли того, что могли выиграть. Мы все ждали своей самой лучшей игры, жили её предчувствием, но эта игра так и не состоялась.

А в парном полуфинале Уимблдона я, тем не менее, побывала — с австралийкой Джуди Тегарт, ныне Делтон.

На теннисных турнирах часто образуются интернациональные пары. То не приедет чей-то партнёр или партнёрша, а у кого-нибудь просто нет равного класса партнёра в своей стране — причины самые разные. Игрок обычно сам подыскивает себе партнёра, сам договаривается, но летом шестьдесят третьего года, когда с некоторым опозданием — Бекнемский турнир уже закончился — я прилетела в Англию, Андреев, который руководил в тот год нашей делегацией, сказал, что уже подобрал мне пару. На самом деле Андреев лишь дал согласие, чтобы я играла с Джуди Тегарт, а предложение исходило от престарелого менеджера австралийки, который, наблюдая за мной не один год, решил, что мы с Джуди хорошо дополним друг друга.

Мне интересно было сыграть с Тегарт — одной из восходящих теннисисток Австралии. Сильная и натренированная, она играла в атлетический теннис. Тонкости, присущей Бакшеевой, ей не хватало. Зато у Тегарт, как мне казалось, не было и тех внутренних границ,

которые никак не позволяли мне и Гале играть уверенно со всякими знаменитостями. И действительно, даже не успев сыграть как следует, мы с Джуди легко дошли до финала открытого первенства Лондона, а там в двух сетах победили пару, которую возглавляла недавняя чемпионка Уимблдона Анжела Мортимер.

И в Уимблдоне нам хватало двух сетов, чтобы выйти в следующий круг, — так было, пока мы не встретились с почти двухметровой англичанкой Ритой Бентли и её маленькой партнёршей из Австралии Джил Блакман. Хорошая, нескладная Рита Бентли ещё не раз доведёт меня до отчаянья своей совершенной неутомимостью — недаром она носила титул чемпионки мира по травяному хоккею, играя за сборную Англии. А в этой встрече к тому же я поначалу никак не могла обвести её. Бентли хватала все мои мячи и укорачивала их, приземляя у самой сетки. И во втором сете, а первый мы проиграли, я совсем завяла. Тут Джуди повела себя очень по-товарищески: не упрекала меня, а, напротив, — я проигрываю очередной мяч, а она: «Take it easy». («Не принимай близко к сердцу»), — и я ожила. Второй сет нам достался в борьбе, а третий — уже легко.

Наконец мы вышли в полуфинал, где предстояло играть с Марией Буэно и Дарлин Хард. Трёхкратная чемпионка Уимблдона бразильская теннисистка Мария Буэно — мой идеал женщины-игрока. Будет глава, где я подробно о ней расскажу. Но и американка Дарлин Хард — которая, помните, представляла в Херлингеме старый теннис, — тоже была знаменита. Она выигрывала чемпионаты США, Франции, Италии, дважды была финалистом Уимблдона.

Хард мечтала о белом домике, о семейном уюте. И, едва у неё появился жених, ушла в профессионалы и купила себе этот белый домик. Я ходила в Англии на все игры и даже тренировки Дарлин Хард. Небольшого роста, резкая, она играла красиво — с форсом. её лихость была на грани пижонства, но это и смущало соперниц — казалось, что Хард играет с огромным запасом. Роскошно она играла, в своё удовольствие. Она тоже меня заметила, интересовалась всегда моими делами. Но, разговаривая с нею, я терялась — Хард говорила по-английски так быстро и с таким американским произношением, что я почти ничего не понимала.

В шестидесятом году я встретилась с Дарлин Хард в 1/16 Уимблдона. Я играла как никогда в жизни. Мной владела несусветная радость: наконец-то играю в порядочную игру, а не где-то в первом круге, как год назад — в завале! Я делала всё как надо — подавала, била, бежала... Выиграла первый сет 6:3 и повела во втором — 2:0.

Но пошёл дождь, игру отложили. Хард взяла ракетки и быстро ушла, расстроенная. А мне журналисты уйти не давали. Назревала сенсация — девятнадцатилетняя русская обыгрывает знаменитую Хард! Как всегда в таких случаях, все за меня болели. Это был мой день — мне было хорошо.

Я почти не спала после такого сильного возбуждения — ведь играла скорее на подъёме, чем на классе. Утром — усталость, разбитость, мышцы вялые. Выхожу на площадку, а под ногами — как будто густой расплавленный асфальт. А Хард вышла злая, собранная. И минут за сорок всё было кончено. Я ещё успела к горячему ланчу.

Я уже говорила, что была такая очень эффектная пара Хард — Арт, хотя Арт лишь чётко подыгрывала своей партнёрше. Когда же Хард объединялась в пару с Буэно, кто же мог противостоять им? Они дважды выигрывали Уимблдон.

Но помню, что предстоящая встреча, как ни странно, меня не очень страшила. Напротив, мне представлялось, что пришёл наконец тот день, когда я стала вровень и с Хард, и с Буэно. С Марией Буэно я тоже уже встречалась до этого — в шестьдесят первом году за выход в четвертьфинал Уимблдона и, выиграв первый сет, даже повела во втором 3:1, так что Буэно уже дрожала, но я ещё больше дрожала...

И вот мы вчетвером сидим в комнате ожидания — той самой, под королевской ложей, где однажды мы с Салли Мур уже готовились к выходу на первый корт и так оскандалились, нарушив всю церемонию. Джуди непринуждённо болтала с нашими знаменитыми соперницами, я же, не чувствуя себя всё же своей в этой компании, держалась немного в стороне.

А на центральном корте предстоял мужской финал и сначала должны были выводить мужчин, а уж потом нас. Первым в комнате появился Чак Мак-Кинли.

Он пытался выглядеть эдаким бесстрастным американским мальчиком со жвачкой — и довольно успешно скрывал под этой маской своё волнение. Спустя несколько лет победитель Уимблдона Чак Мак-Кинли на вопрос: «Что является главным, чтобы стать чемпионом?» — ответил так: «Главное — желание. Покажите мне юношу, который не плачет, когда проигрывает, и я скажу вам, что навряд ли он будет побеждать. Я ненавижу, когда говорят: «Он умеет проигрывать». Игрок не должен показывать раздражение, когда он проиграл, но обязан чувствовать поражение всем своим существом. Я всегда отдаю предпочтение спортсменам с не столь богатой техникой, но с большим желанием победить, чем, наоборот, спортсменам очень техничным, но безвольным».

Мак-Кинли станет последним чемпионом Уимблдона, который не сделает на этом карьеру. Вскоре он вообще оставит большой теннис, чтобы целиком посвятить себя математике.

Американец любезничал с нами, когда открылась дверь и ввели знаменитого австралийца Фреда Столле. Я никогда не видела, чтобы человеческое лицо было такого чисто белого цвета, как в тот миг у Столле. Он пытался острить, но губы его не двигались.

Распорядитель увёл финалистов, но ещё несколько минут мы сидели молча. Мне почему-то представилось, что так бывает, когда человек умер, но все поддерживают разговор, и вдруг появляется ближайший родственник...

— Ну Фред! — наконец воскликнула Дарлин Хард. — Видали, в каком он состоянии?

И я вновь ощутила всю необычность происходящего. А играла я в тот день хорошо, не боясь ни Хард, ни Буэно. И это мне нравилось, и у меня не было никаких комплексов — я играла. Но Джуди, которая только что непринуждённо болтала с Хард и Буэно, выйдя на корт, вдруг несколько растерялась. Очевидно, я слишком поспешно решила, что у моей новой партнёрши совершенно отсутствует «комплекс неуверенности». Чтобы совершенно не бояться ни Хард, ни Буэно, нужно было хоть раз обыграть их, а этим Джуди, как и я, тогда похвастаться не могла. Тем не менее, мы боролись отчаянно. Вся игра шла гейм в гейм, несколько раз мы могли зацепить их подачу, но случилось обратное — в каждом из двух сетов они зацепили по одной нашей подаче...

За третье место и мне и Тегарт были вручены бронзовые медали. Джуди была рада не меньше, чем я, и просила, чтобы я прислала ей в Австралию «Правду» с отчётом о нашем успехе.

— Это же первая твоя медаль в Уимблдоне, — говорила она. — И ваша главная газета обязательно напишет о тебе. А значит, и обо мне напишет, как о твоей партнёрше.

А в шестьдесят пятом году в Париже ко мне подошла Буэно и сказала, что у неё сейчас нет партнёрши и мы могли бы сыграть вместе сначала во Франции, а затем в Уимблдоне. Обидно, что стечение непредвиденных обстоятельств заставило меня отказаться от этого невероятно соблазнительного предложения...

Да что вспоминать об этом! Лучше я расскажу, как однажды удачно сыграла пару с совершенно случайной и с совершенно иного класса теннисисткой. Это был финал открытого первенства Чехословакии 1962 года. Руководитель нашей делегации киевский тренер Владимир Максимович Бальва, поздравляя меня тогда с победой, даже прослезился и сказал, что эта игра — лучшая в моей жизни! Не то что лучшая парная, а вообще — лучшая игра. Вот что он имел в виду. Быть может, так и есть.

Я прилетела в Прагу в последний момент и без партнёрши, и главный судья сказал мне, что сетка парных игр уже составлена, но есть одна чешская теннисистка, ей, правда, уже далеко за тридцать и к тому же она — кормящая мать, и, конечно, он понимает, что играть с ней мне будет не очень интересно, но брать в пару больше некого — уж так получилось, и тому виной я сама. В тот год я в себя верила,

как никогда, свои немногие поражения на зарубежных турнирах считала случайными, и мне так приятно было играть, что я согласилась, коли другой партнёрши не было.

Моя партнёрша каждую секунду извинялась, глядела на меня умоляюще, но я была ей уже благодарна, когда она ухитрилась не смазать хотя бы один мяч из пяти. После каждой игры — а мы, тем не менее, продвигались к финалу — она бросалась меня целовать!

В финале мы встретились с сильнейшей интернациональной парой этого турнира: Т. Флойд (США) — Э. Старки (Великобритания).

Но это был день, когда мной руководила на корте обострённая безошибочная интуиция. Так редко бывает. И вообще всё складывалось хорошо. Когда мы вышли, жара спала, и я вдруг ощутила, как радостно мне, и легко ступила на ярко-оранжевый песок. Свежие, хорошо политые площадки были окаймлены чёткими белыми линиями — всё было очень чётко.

Я редко играла одна так уверенно, как играла тогда и за себя и за партнёршу — лишь сказала себе: «Ну, подумаешь, чуть шире площадка!» Моей партнёрше оставалось только держать свой коридор. А у меня всё получалось в тот день, и я видела, что моя игра всем импонирует, и это ещё больше воодушевляло меня.

Мы выиграли в двух сетах.

А через неделю, на открытом первенстве Венгрии я играла пару уже с другой чешкой — Иткой Горчичковой. Мы подружились ещё в Москве на юношеском турнире и, продолжая встречаться в различных городах и на различных соревнованиях, все более сближались. Великой теннисисткой Итка не стала, но одно время была второй-третьей ракеткой своей страны.

Итка, конечно, была несравненно сильнее моей недавней партнёрши; и на этот раз я не имела никакого права брать так явно всю игру на себя и — что ещё хуже — нескрываемо огорчаться при её малейших ошибках. Я этим лишь Итку травмировала. Но именно так я повела себя во время финальной встречи, побаиваясь соперниц, одной из которых была знаменитая Кёрмеци. Я была к Итке так беспощадна, решив почему-то, что это допустимо при наших дружеских отношениях, и так активно её страховала, что, наконец, довела её до полной истерии. Лишь после второго сета, который мы проиграли, я взяла себя в руки. Итка тоже успокоилась, и мы выиграли решающий сет.

Но, кажется, моё отступление — а я хотела лишь рассказать, как составляется пара, — вышло излишне пространным. Вернусь к той осени пятьдесят восьмого года, когда в Харькове на чемпионате страны я играла пару с Елизаветой Михайловной Чувыриной.

Помните, я уже рассказывала, как в пятнадцать лет, когда меня впервые включили во взрослый турнир, встретилась, прежде всего, с Чувыриной и как я стремилась красиво сыграть тогда хотя бы один мяч. А вскоре на «десятке сильнейших» в Риге (хотя меня и включили в этот турнир, но я ещё не входила в «десятку» по официальной классификации) Чувырина взяла меня в пару, и, выводя на корт, успокаивала:

— Ну ничего, сегодня мы проиграем...

А мне стало неловко, что добрая Елизавета Михайловна готова из-за меня проиграть. Я очень старалась, и мы выиграли.

Наше совместное появление на площадке первое время вызывало улыбки. Очень уж велика была разница в возрасте — двадцать пять лет. Но Чувырина продолжала играть со мной, давая мне каждый раз урок стабильности, класса. Я же давала ей прилив неожиданных сил, заражая своею верой, что всё возможно.

В Харьков я приехала, чтобы решительно всех обыграть. Я брала сумасшедшие мячи, но много ошибалась. Чувырина никогда не ошибалась в нужный момент. Я задавала тон, но вела игру Елизавета Михайловна.

В полуфинале нам предстояло играть с Филипповой и Преображенской — этой пары Чувырина боялась. А мне играть и против Ляли, и против Веры было легко. Я вообще себя уверенней чувствую, когда ни с кем не вражду и даже по ту сторону сетки вижу не более чем спортивную злость. Это всегда усложняло мне жизнь. Очевидно, характер спортсмена должен быть немного иным.

Но в той полуфинальной игре это мне помогло, ибо я знала, что и Ляля, и Вера исполнены ко мне самых добрых чувств. Моё лёгкое настроение постепенно передалось и Чувыриной, и она заиграла бесстрашно — совсем как в былые годы! — а я хватала с лёта, брала все смеши, бегала за свечами к фону...

После игры Филиппова сказала в сердцах:

— Ну что же ты нас обыграла, девчонка!

За исход финала Чувырина не опасалась, хотя в финал вышла Лера Кузьменко (ныне Титова) — за двоих Лера играть не умела, а партнёрша значительно уступала ей в классе.

В Харькове мы разыграли с Лерой и одиночный финал. Она была уже чемпионкой страны — в пятьдесят шестом году. Играла чисто, без ошибок, в хорошем темпе, но с задней линии, а к сетке шла только с хорошо подготовленного мяча. Довольно своеобразная, но недостаточно правильно поставленная техника ограничивала её тактические возможности.

Когда, к всеобщему удивлению, я пробилась и в одиночный финал, наш врач был несколько озабочен: в семнадцать лет такая перегрузка? В последние ночи я действительно плохо спала, и перед игрой с Лерой упросила врача дать мне снотворное. Я едва не проспала игру с Лерой. И быстро проиграла — была уже рада, что в финале бегаю.

Но через час, в парном финале, мы с Чувыриной столь же быстро выиграли.

Вскоре после нашего чемпионства у Елизаветы Михайловны случился радикулит, и она сама предложила мне поискать более молодую партнёршу. Спустя полгода на зимнем первенстве страны мы последний раз вышли вместе! Чувырина резко сдала и могла держать лишь свой коридор, но я как черт носилась по корту, и мы ещё раз поднялись вместе на высшую ступеньку пьедестала почёта.

А в Харькове я успешно сыграла и в смешанной паре, или, как говорят теннисисты, в миксте. Когда-то наши галантные предки придумали этот вид игры исключительно для того, чтобы не оставлять в одиночестве своих прекрасных дам, но постепенно состязания смешанных пар обретают всё более спортивный характер и в 1913 году включаются в программу Уимблдона.

В первом номере русского «Лаун-тенниса» я обнаружила «философский этюд», именуемый «Тактика игры «Mixed-doubles». Приведу две выдержки:

«Необходимо, прежде всего, обратить внимание на то, чтобы сердца партнёров были не только выносливыми, но и непременно расположенными друг к другу. При отсутствии последнего условия лучше отбросить подальше ракету...

Не следует составлять пару слишком заблаговременно. В наш век увлечения и непостоянства чрезмерная заблаговременность может повести к тому, что обострение отношений или же усиление увлечения достигнет своего апогея к началу матча. В обоих случаях спортивный интерес падает, качество игры ухудшается, и матч проигрывается безусловно. Необходимо урегулировать свои отношения так, чтобы розыгрыш матча совпал с порой нежной влюблённости — когда мир души ещё не нарушается ничем...»

В наши дни при всё более деловом отношении к спорту сердца партнёров проверяются лишь на выносливость, и всё же на каждом турнире найдутся хотя бы двое, которые запишутся в микст лишь потому, что их сердца «расположены друг к другу». Недаром излишне серьёзные игроки относятся к миксту скептически и зачастую его не играют — даже в Уимблдоне. А знаменитый Тильден, который стал одним из первых профессиональных игроков, в своей книге «Искусство игры в теннис» даже называет микст «несколько сомнительным ответвлением парной игры».

Да, фраза: «Он предложил ей микст», — в переводе с теннисного языка очень часто по-прежнему означает: «Он к ней небезразличен». Самая красивая история, которую я знаю, — это история Пьера Дармона и Розы Марии Рейс. Они познакомились в пятьдесят девятом году на турнире в Каннах, и он сразу же предложил ей микст. Чисто спортивно это была эффектная пара. Дармон к тому времени уже был

неоднократным чемпионом Франции, а мексиканка Рейс в свои восемнадцать лет попала в восьмёрку Уимблдона. Через год они поженились, у Розы родилась девочка, потом мальчик. Когда она вновь заиграла, они появлялись на турнирах уже с нянькой, с детьми и обязательно в сопровождении какой-нибудь мексиканской родственницы. В шестьдесят восьмом году супруги Дармон приезжали в Москву на зимний международный турнир. Пьер выиграл этот турнир. Роза, утомлённая болезнями детей, выступала менее удачно. И в миксте им не приходилось рассчитывать на победу, но они смотрелись на корте по-прежнему очень красиво, словно Пьер только вчера предложил Розе микст, и восхищён ею, даже когда она ошибается.

А вот чилийцы Родригес устраивают на корте жестокие семейные сцены — ругаются во время игры так, что потом по несколько дней не разговаривают, хотя их знакомство началось тоже с того, что он предложил ей микст...

Кстати, я не совсем уверена: так ли уж идилличны были прежние лаун-теннисные времена, так ли уж изысканны и деликатны были тогдашние нравы в сравнении с современными?

Два свидетельства тому, что и прежде не каждый партнёр являл пример галантности в миксте. Наш старейший теннисист Александр Викторович Правдин в своих воспоминаниях рассказывает, в частности, как в 1913 году на открытое первенство России приехал многократный чемпион Франции Макс Декюжи — атлетически сложенный мужчина с бледным лицом, украшенным тонким носом, размерам которого мог бы позавидовать Сирано де Бержерак. Декюжи играл разнообразно и мощно, но держался на корте развязно.

«Очень шокировали петербургскую публику, — вспоминает Правдин, — выступления Декюжи в паре с женой, так как он ругал её в совершенно недопустимых выражениях, а многие из присутствовавших хорошо понимали французский язык. Однако из-за боязни обидеть гостей судьи не делали ему замечаний. Прецеденты не вполне корректного поведения иностранцев на кортах имели место и раньше. Припоминается, например, граф Сальм, чемпион Австрии, нисколько не стеснявшийся при несогласии с решением судьи запустить мячом в пролетавшую ворону...»

О том, как она играла на Ривьере с тем же Сальмом, писала в журнале «Лаун-теннис» (1914 год, № 4) чемпионка России Людмила Изнар: «В миксте я играла с графом Сальмом. Зная манеру своего партнёра придираться из-за каждого пустяка и срывать свою злобу на других, я, чтобы оградить себя от великих неприятностей, ещё до начала наших совместных выступлений заявила, что немедленно уйду с корта, если граф не избавит меня от своих замечаний. Моё заявление возымело некоторое действие, и каждый раз, когда я делала ошибку, Сальм ограничивался лишь тем, что метал на меня бешеный взгляд и с остервенением грыз свой палец...»

Я начала выступать в миксте на фестивальном турнире 1957 года. Блиставший тогда мой ровесник Андрей Потанин не годился в микстуры — не та манера игры. Зато обещал играть мощно, что в миксте необходимо, другой мой ровесник — бакинец Сергей Лихачев.

Женщина, играя микст, всегда уязвима. Мяч твоего партнёра, который любит играть интеллигентно, тонко, противник может однажды перехватить и со всей мужской силой направить в твою сторону. Поэтому играть с Лихачевым, который под удар меня никогда не ставил, мне было спокойнее, чем, допустим, впоследствии — с Лейусом или Метревели. А на фестивальном турнире нас сразу же выпустили против австралийца Боба Хоу (через год он станет чемпионом Уимблдона в миксте) и его опытной партнёрши Маргарет Хелиер. Я видела, как нравятся Хоу и эффектные прыжки Серёжи, и его джентльменское поведение на корте. Что это значит? Держать партнёршу соперника в страхе — закон микста. Пусть она боится, что не возьмёт мощный мужской удар, но, естественно, она не должна бояться, что сейчас ей «врежут» мячом в живот. И вести себя джентльменски — это значит, играя на женщину, никогда не играть в женщину. Лихачев тут оказался на высоте, и после встречи, которую мы, естественно, проиграли, Хоу нам долго что-то показывал и давал всяческие советы. Московский зимний международный турнир пятьдесят восьмого года ещё более сплотил нашу пару. Утром в одиночной игре я сильно растянула связки, но мне заморозили ногу, и вечером мы с Лихачевым вышли против французской пары. Я совсем не бегала. В зале кто-

то громко сказал: «Вот, под девочку работает, а не может двинуться!» Зато Серёжа творил чудеса. Он кричал мне: «К фону!» — и брал всю игру на себя. Французам нелегко досталась эта победа.

В Харькове мы, наконец, поймали свою игру. В четвертьфинале сетка свела нас с Евгенией Лариной (ныне Бантле) и Николаем Озеровым.

В тот год многие полагали, что Ларина будет новой чемпионкой страны. Ей было уже около двадцати пяти. Она научилась играть довольно поздно, но играла для того времени смело, у неё была сильная первая подача. Никто не знал, однако, какая ею овладеет завтра идефикс (может, уедет к морю, а может, пойдёт сдавать экзамен в медицинский институт), и придёт ли она вообще на корт? Но в тот год Ларина играла стабильно, тренировалась с мужчинами, обыгрывая сильных перворазрядников.

В Харькове я встречалась с Лариной и в одиночном полуфинале. Её действия на корте можно было предугадать, она не выдавала «полет», как Бакшеева, но пока что была сильнее меня, и я должна была ей в этот раз проиграть, как уже дважды проигрывала. И вот в решающем сете у неё 4:1 и 40:15! И в этой совершенно безнадёжной ситуации, обессиленная долгой борьбой, я ей кидаю свечку буквально на нос. Но Ларина приседает вдруг около сетки и тыкает мне дрожащей рукой такую же ответную свечечку. Развитие этой сцены я уже вижу как бы со стороны: вижу, как я упорно играю роль побеждаемой, хотя Ларина уже вышла из роли победительницы и в третий раз кидает мне дохлую свечечку. Тут я пришла, наконец, в себя и так шарахнула... А Ларина совсем перестала играть. И, взяв пять геймов подряд, я побеждаю.

Микст Ларина играла в тот год с Николаем Озеровым, который, несмотря на возраст, ещё играл достаточно сильно. Но меня веселило, что по ту сторону сетки бегают тот самый Озеров, который в год моего рождения был уже третьей ракеткой страны.

Игра шла с переменным успехом, пока в решающем сете Ларина и Озеров не повели 5:3 и 30:0, и на этом счёте Озеров принял мяч у самой сетки. Я стояла перед ним беззащитно, а Озеров уже замахнулся, как всегда собираясь вложить в коронный правый удар и всю свою ещё сохранённую мощь, и весь свой огромный вес. Наши женщины, играя микст, ужасно боялись этого озеровского удара: одни приседали у сетки, другие вообще убегали с корта, едва Озеров так замахивался. Но я не двинулась с места, стояла перед Озеровым по-прежнему беззащитно, и он, какое-то мгновение помедлив, изменил замах и сыграл не в меня, а в другую сторону, но это секундное промедление повлияло на точность удара, и его мяч не попал в площадку. Ход матча сразу же изменился.

Проиграв, Озеров сокрушался:

— Эх, как я тебя пожалел! Первый раз пожалел женщину!..

В финале мы попытались было выиграть у Леры Кузьменко и Михаила Мозера, но не вышло, — и не расстроились. Мы тогда ещё не расстраивались — верили, что всё впереди. В одиночном разряде Лихачев, как и я, дошёл до финала, обыграв и Озерова и Мозера. Кто думал, что два года спустя, когда Лихачев достигнет лучшей своей формы, совершенно нетренированный Мозер вдруг жестоко расправится с ним в финале очередного чемпионата страны?..

Любопытно, что в отличие от Лихачёва, на Мишу Мозера никогда ставка не делалась, а он, играя и нестабильно, и не очень-то соблюдая форму, тем не менее, дважды стал чемпионом страны. Беда одарённого Мозера в том, что он слишком поздно увлёкся теннисом — в семнадцать лет, а до этого играл вместе с братом в футбол. Как он играл в теннис? Полагаясь на темп, Миша катался по корту таким круглым тараном и подобрал все мячи.

У теннисистов принято, что настоящая игра одиночная, а пара и тем более смешанная — лишь ещё один шанс проявить себя. Лихачев и по сей день не может смириться, что он только парный игрок, — тогда же, в финале против Кузьменко и Мозера, он об этом и не

задумывался. И мы играли ещё в своё удовольствие — не так, чтобы умереть, но выиграть. Харьковские зрители болели за своих, то есть за Леру и Мишу, пожалуй, излишне темпераментно — кидали в нас гнилыми каштанами, а нам даже это интересно было!

Весенний маленький Ужгород. Три года подряд, с пятьдесят девятого по шестьдесят первый, в апреле в Ужгороде проводились сборы молодых теннисистов. Было тепло даже вечерами на набережной. Высокий элегантный Гагер — единственный наш теннисист, который уже после войны играл не в трусах, а только в белых брюках, на правах хозяина встречал нас на кортах, на уже прогретых солнцем жёлтых кортах, и мною овладевало ощущение полной свободы и отрешённости от зимних московских забот.

А как дружно мы жили в Ужгороде, как внимательны и деликатны были наши мальчики — всё очень чисто и никаких интриг! На самом деле это были сборы сильнейших теннисистов страны — в те годы наш теннис резко омолаживался. В пятьдесят девятом Негребецкий привёз в Ужгород Рязанову, меня, Потанина, Лихачева, Сивохина... В два последующих года, когда сборами руководил Андреев, в Ужгороде побывали и Лейус, Мдзинаришвили, Метревели, Бакшеева...

Помню, как в шестидесятом году Андреев повёл Бакшееву и Метревели в школу на набережной Ужа, чтобы дети учились, не пропускали занятий. А на следующий день все мальчики из Галиного класса явились на её тренировку. В классе падала успеваемость, потому что все мальчики влюбились в Гаю и совершенно забросили занятия. А Галя делала вид, что не замечает всеобщего поклонения, чем ещё более разжигала страсти. Когда же Галя уехала играть в Таллин, то один мальчик даже бежал из дому, и пришлось разыскивать этого мальчика в Таллине и возвращать в Ужгород.

Наши спортивные журналисты ужасно любят писать, а тем более говорить по радио и телевидению о «друзьях-соперниках». Но не так уж часто спортсмен видит в сопернике своего друга — для этого надо перебороть много самых противоречивых чувств. Не каждому это под силу, а иному — той же Бакшеевой — очевидно, просто противопоказано дружить с соперником, против которого надо играть бескомпромиссно и зло (в Ужгороде, правда, подчиняясь всеобщему настроению, Галя ещё была исполнена дружелюбия). Мне-то всё это чуждо, я уже говорила, но я не считаю себя вправе мерить других своей меркой.

Однако естественно, что мне импонируют взаимоотношения Лейуса и Метревели, которые как раз завязались на наших удивительных сборах в Ужгороде. Тоомас — очень чистый спортсмен, у него ни к кому нет ненависти, игру и жизнь он разделяет. И Алик уже по натуре своей не может выглядеть плохо, неблагородно в какой-либо ситуации. Алик долго не мог сравняться с Тоомасом, но это не сказывалось на их отношениях, потом они поменялись ролями — и вот в шестьдесят восьмом году в Дании, где мы играли открытое первенство Скандинавии, Алик мне говорит, что, вернувшись домой, надо подбодрить Тоомаса, который проиграл в Ленинграде на командном первенстве Союза Иванову, и надо его подбодрить.

И я в пятьдесят девятом году на первом же сборе в Ужгороде предложила дружбу Ире Рязановой! Я сказала Ире, что у нас впереди долгая жизнь в спорте, и нам — а кому же ещё? — делить все победы, и неужели нам всю жизнь враждовать, как это сложилось с детства; если будем дружить — нам же легче будет. Ира приняла мою дружбу. Мы ещё поговорили немного о том, что Лера Кузьменко, которой было тогда двадцать пять, уже старуха, а Галя Бакшеева ещё ребёнок, и кто знает, что из неё получится, и действительно, только нам теперь побеждать, и решили, что с этого дня будем жить вместе и на всех сборах, и на соревнованиях и есть будем вместе, и вообще вместе ходить.

И вскоре, на Рижском турнире, мы действительно поселились в одном номере и ели за одним столиком. Рижский международный турнир (он проводился с пятьдесят девятого по шестьдесят третий год) был моим турниром. Я все пять лет побеждала в Риге, даже если была и не в лучшей форме! В Риге всё было организовано превосходно, нашим турниром занимались не только спортивные организации, но и вся общественность республики. А какие призы мы увозили из Риги!

Так вот. Я поселилась в гостинице «Рига» вместе с Ирой Рязановой, а не с Лялей Преображенской, как обычно, и Лялю это, конечно, обидело. Но во время моей полуфинальной встречи с Ирой именно Ляля мне помогла — она подошла и сказала, что я не должна ходить к сетке с каждой подачи — это для Иры очень удобно, и она по-прежнему будет меня обводить. Ляля мне посоветовала оставаться сзади и ждать момента, чтобы Ира мне выкинула, а уж потом лезть.

Я тогда ещё блуждала — лишь становилась как игрок. Правда, внутреннее ощущение игры уже позволяло мне, отказываясь от «набитых» ударов, решать сознательно, где и как сыграть мяч. Правда, я уже стремилась играть, чуть выбивая противника с площадки и разыгрывая мяч с лёта, как с задней линии. Но при этом я нагло шла к сетке с каждой подачи, даже со второй, которая была у меня недостаточно сильной, полагаясь на темп и на интуицию, которая помогала мне предугадать ответ. Кстати, именно Ляля жестоко меня проучила за это на зимнем первенстве страны того года, когда я висела на сетке, как бельё, а она тихонечко разводила мячи: то длинный, то коротенький, — а у меня ещё не хватало класса, чтобы убивать с лёта эти её мячи.

Потом я класс наберу, но настоящим игроком стану, лишь когда пойму, что должна и впредь искать варианты игры, а не делать ставку только на выходы к сетке и игру с лёта. Так я научусь кидать закрученную свечу, которая трудна в обработке и обвести с которой нельзя. Смотрите, инициатива уже у меня — к тому же неизвестно, с какой свечи я пойду к сетке?

А тогда, приняв Лялин совет, я перестала рисковать с Ирой и уже строила свою игру так, чтобы ответить Ире неудобно, зная, что она, например, не может держать длину слева. Удачные удары пошли у неё всё реже, а с Иры важно сбить уверенность. её игра рассыпалась прямо на глазах, едва она почувствовала, что уже не королева.

Я играла с Рязановой напряжённо, веря, что та из нас, которая победит, и поедет в Англию. Так нам сказали, во всяком случае. Правда, я уже имела персональное приглашение, как финалистка прошлогоднего турнира юниоров, участвовать этим летом во взрослом Уимблдоне. А Ире, если бы её послали вместо меня, ещё предстояло бы завоёвывать право участия в Уимблдоне в отборочном турнире. Будучи старше меня на три года и не столь наивна, Ира не очень-то верила, что её пошлют в Англию, если даже она победит меня. И все-таки верила и играла ещё более напряжённо, чем я. Когда стало известно, что я была отобрана в Англию ещё до нашей игры, Ира не удивилась, но наши отношения сразу ухудшились. Я не могла её осуждать — с ней поступили несправедливо (да и я бы играла радостнее, знай, что выбор уже сделан). И пока существует в спорте подобная несправедливость, понимаете — каково быть «друзьями-соперниками»?

И вообще, как вскоре я убедилась, Ира согласна была дружить со мной только в той ситуации, когда я слабее. Из Риги мы поехали в Ленинград на Международный юношеский турнир, в котором участвовали теннисисты не старше двадцати одного года. Нас поселили на Исаакиевской, в «Англетере», а рядом, в «Астории», жила моя мама, которая вместе с братом Володькой приехала повидать меня. Каждый вечер мама ждала нас с Ирой на ужин, и эта идиллия продолжалась вплоть до финального дня, когда безо всяких вариантов я вновь обыграла Иру. Мои самые важные матчи мама смотреть не могла и всегда проводила их в раздевалке или ещё где-нибудь поблизости, но только не в зале. После финальной игры я задержалась на корте, а Ира, столкнувшись с мамой в раздевалке, расплакалась и выложила ей все свои обиды: и что я моложе её и играю, как все говорят, в более современный теннис, и вообще у меня всё хорошо... Мама пыталась её успокоить, но не смогла — позвала Белиц-Геймана...

Сейчас нам с Ирой легко дружить — сейчас нам делить уже нечего.

А моя мама, исполненная самых лучших намерений, ещё раз попала на этом турнире в сложное положение. Во втором, то ли в третьем круге я встретила с Галей Бакшеевой.

Мне было восемнадцать, а ей — тринадцать. Мне сулили победу на этом турнире, и играть в полную силу с ребёнком мне было неприлично. Но этот ребёнок был настолько талантлив, что в любой момент мог сам взять игру. Мне трудно пришлось. Второй сет выиграла с минимальным преимуществом — 6:4!

Моя мама, восхищённая Галиной игрой, подошла к ней:

— Молодец, девочка! Ты играла так хорошо...

— Та без понятия провела матч, — прервала её эта девочка.

Через полчаса выясняется, что Галя играла с тяжёлой ангиной, на стадионе появляется «скорая помощь», и происходит такая сцена: Бальва, Негребецкий и Крее волокут Галю в машину, а она отбивается ногами...

Киевский тренер Владимир Максимович Бальва, как никто, умеет увидеть будущего чемпиона. И, увидев девятилетнюю Галю Бакшееву на занятиях гимнастикой, Бальва сразу сказал, что из этой девочки может вырасти теннисистка, каких у нас ещё не было. Через месяц Бальва записывает Галю на детские соревнования, и она их выигрывает. Но играть в теннис Гале долго не нравилось. Она пропускала тренировки, а когда Бальва приходил к ней домой, пряталась на чердаке. В пятьдесят восьмом году Бальва привёз Бакшееву в Москву на детские соревнования, и многие теннисисты специально ездили на «Энергию», чтобы посмотреть удивительную девочку. И меня поразило, как легко, свободно играла Бакшеева справа и слева — и вообще она делала всё что угодно. Держалась гордо, уже не признавая никаких авторитетов. Пожалуй, только со мной разговаривала уважительно. И даже я — при всех сложностях собственного характера — могла понять, что у Бакшеевой один путь — стать первой ракеткой мира (тогда-то её характер сочтут истинно чемпионским!), в ином случае ей нелегко будет в спорте...

Но я не рассказала ещё, как в Ленинграде мы с Лихачевым играли финал с Рязановой и Лейусом. Я только что выиграла у Иры одиночный финал, с ней и так случилась истерика в раздевалке, теперь же она плакала прямо на корте, но я могла понять Иру — мой партнёр регулярно попадал в неё мячом. Лихачев, как принято, извинялся, разводил руками: дескать, какая случайность... Но я вдруг усомнилась в случайности, и пока Тоомас успокаивал Иру, у нас с Лихачевым состоялся такой разговор:

— Серёжа, пожалей Иру, — сказала я.

— Хорошо, для тебя играю, — сказал он.

И он сразу же стал тем Лихачевым, джентльменское поведение которого так понравилось в своё время Хоу. А Ира успокоилась, заиграла, Тоомас хорошо поддержал её, и они взяли решающий сет.

Но нашлись люди, причастные к теннису, которые упрекали меня в тот день: «Вот, ты ему сказала...» И сам Лихачев ещё не раз упрекнёт меня: «А помнишь, как Рязановой проиграли?»

Своей сеткой в Уимблдоне я осталась довольна — решила, что три первых круга пройти смогу. Я смотрела сетку, считая себя игроком, а оказалась...

В первом же круге я проиграла немолодой англичанке Уиллер. Год назад, в Куинс-клубе, Уиллер была моей партнёршей — она подрезала и вообще играла грамотно, но мячик тюкала еле-еле. Мы с ней быстренько проиграли австралийкам — апельсиновое мороженое, которое я купила перед игрой и положила на чехол ракетки, даже не успело растаять. Но теперь, выйдя против Уиллер в Уимблдоне, я так волновалась, что оба сета провела как в тумане.

В последующие годы, увидев меня, Уиллер всегда приветливо улыбалась и радостно восклицала: «Хэлло!» Я не раз пыталась ответить ей тем же, но, к стыду своему, ничего не могла поделать с собой: я возненавидела эту Уиллер на всю жизнь, поскольку более скверного настроения, чем после игры с ней, у меня в Англии не было.

И вообще та поездка была для меня ужасна. Каждый игрок был непонятен, с каждым я играла фактически втёмную, а Белиц-Гейман тогда ещё мало чем мог помочь мне. В Куинс-клубе я проиграла экстравагантной Леа Периколи — помните, я рассказывала о её нарядах? Периколи бить не бьёт, но хорошо соображает на корте. Со временем я пойму, что такого игрока надо «давить», выходя постоянно вперёд, и научусь побеждать Периколи, но тогда она уверенно навязала мне свою манеру игры. А перекачать многократную чемпионку Италии невозможно, она берет все мячи и перекидывает, может кинуть подряд хоть сто свечей!..

После этого поражения Семён Павлович решил воздействовать на меня психологически. «Знаешь, — говорил он, — завтра все газеты выйдут с огромными заголовками: «Русская нокаутирована итальянкой!» Я окончательно растерялась, весь следующий день смотрела газеты, но лишь в одном теннисном отчёте нашла несколько строк, набранных мелким шрифтом, в которых сообщалось, с каким счётом Периколи обыграла меня.

Только в «Плейте» (дословно — «Тарелка», так именуется утешительный турнир для проигравших в первых двух кругах Уимблдона) я наконец-то раскрепостилась. Вторую встречу я, правда, тоже проиграла, но достойно, — уже была игра, и уступила я не кому-нибудь, а Ширли Блумер-Брашер, чемпионке Франции и Италии пятьдесят седьмого года.

Торжествовал среди нас только Тоомас Лейус. Он приехал как юниор, но пробился через отборочный турнир и во взрослый Уимблдон. Тоомас немного объяснялся по-английски и, сам договариваясь с игроками, целыми днями тренировался на травяных кортах, привыкая к ним, а вечерами бегал в Гайд-парке. Прибежит в отель, примет ванну и лежит в кровати с блокнотиком, отмечая, что успел сделать за день, а что не успел. А я, уже в первом круге закончив Уимблдон, собиралась в это время в кино и, глядя на Тоомаса, сознавала всю свою порочность.

Тоомас Лейус первым из советских теннисистов выиграл юношеский Уимблдон!

Во взрослом турнире Лейус уступил опытному южноафриканцу Сигалу, но тот хвалил его и дал совет: как можно быстрее научиться приёму подачи. Это было и для меня откровением. Значит, надо специально учиться приёму подачи, а не просто принимать её ударом справа или слева, как мы это делали?..

Когда я вернулась из Англии, оставалось меньше месяца до открытия Спартакиады народов СССР. Мне надо было собраться и жить в строгом режиме, чтобы подготовиться и к Спартакиаде, и к экзаменам на филологический факультет МГУ, куда я решила, наконец, поступать.

А мною вдруг овладела апатия. Мне нравилось целыми днями лежать на диване и почитать книжечку. Родители уехали за город — в Рузу, оставив меня в Москве одну. Родители почему-то решили, что я уже стала взрослым и серьёзным человеком. В первый же вечер я пришла домой поздно, мне очень хотелось спать, но я сделала кофе, открыла книжку. Мне было лишь восемнадцать, и я устала жить по расписанию.

Я ходила на тренировки, упиваясь, что ничего не получается. Не готовилась к экзаменам. Я ждала «принца». Шла по улице и думала: «Вот сейчас увижу его — и пойму, что все... И он, конечно, меня сразу увидит...» Но ничего не случилось, и я создавала драму: — не могу даже «принца» увидеть...

Зачем я об этом рассказываю? Всё это чепуха. Издержки моего характера. Хотя сейчас рассуждать легко, а когда тебе восемнадцать и ты целиком себя подчиняешь спорту и живёшь совсем иной жизнью, чем твои сверстницы?..

Когда родители приехали в Москву и увидели, в каком я состоянии, было решено, что экзамены в университет в этом году мне сдавать бессмысленно. Оставались только тренировки, но тренироваться как следует я по-прежнему не могла, и Теплякова уже не знала, что со мной делать.

Дней за пять до открытия Спартакиады мне стала помогать Ляля. Она спокойно кидала, кидала мне, хотя я бесилась, швыряла ракетку, но Ляля давала промчаться всей этой истерии, совершенно меня не форсируя.

Да и Нина Сергеевна меня не ругала. Теперь они обе вокруг меня колдовали, пытаюсь меня обуздать. А может, если бы они относились ко мне строже, пореже восхищались моим талантом, я бы не позволила себе так распуститься? Может, вся эта истерия действительно была лишь распушенностью, разболтанностью, страшным эгоизмом?

Но к открытию Спартакиады я вдруг успокоилась. В командных соревнованиях я, как первый номер Москвы, провалилась, проиграв и Кузьменко и Рязановой (хотя Москва все-таки победила), но начался личный турнир, и ощущение уверенности, стабильности росло с каждым днём — я шла к финалу, не отдавая никому даже сета.

В полуфинале встретилась с Ирой Рязановой. Она повела 5:2. И тогда я стала кидать свечи. Кидала свечи до изнеможения — так, что сводило локоть. Я дожидалась, когда Ира, выбитая этими свечами из своего ритма, даст мне лёгкий мяч, шла к сетке и убивала его. Мне свистели, кричали: «Брось качать!» Семён Павлович стыдливо разводил руками. Только Нина Сергеевна поддерживала меня:

— Правильно, — кричала она, — всё делаешь правильно! Так и делай!

Я выиграла первый сет 7:5 и во втором захотела было поиграть в нормальную игру, но Ира опять повела 4:1. И я опять туда же — качать. Ира зло улыбалась: «Опять свеча?» И, тоже улыбаясь, я опять кидала свечу. Если играешь с лёта, к подобной тактике приноровиться легко. Но Ира так играть не умела и отвечала средней силы накатом. Я выиграла второй сет 6:4.

— Качала! — сказала мне Ира. — А говорят, современный игрок...

И на Нину Сергеевну все нападали: чему, дескать, учишь — качать? А она улыбалась и тихонько меня хвалила:

— Будешь завтра с Лерой играть, лупи сколько хочешь. Выходи к сетке и лупи! А сегодня надо было мяч подержать. Всё правильно. Умница!

А нас с Ирой опять вызывают на корт. После ухода Чувьириной Ира — моя партнёрша. Мы уже сыгрались в Риге и Ленинграде и здесь, на Спартакиаде, легко вышли в финал. Хотя Ира и была на меня сердита, но только в паре она могла теперь стать чемпионкой страны. И я сказала ей:

— Ира, давай постараемся.

Но первый сет Ляле Преображенской и Вере Филипповой достался легко: мы никак не могли преодолеть нервный спад после своего двухчасового полуфинала. Но потом втянулись, у Иры пошли её шальные удары, я тоже заиграла, и два остальных сета мы взяли уже просто.

Наутро, когда я проснулась, Ляли в номере уже не было. Ляля дружила с Лерой и не могла меня настраивать на игру с нею. Я несколько огорчилась — привыкла, что Ляля сначала думает обо мне, а уж потом о себе. Я понимаю теперь, как жесток был мой возрастной эгоизм. Для Ляли это были последние годы, когда она могла на что-то рассчитывать, но я не помню, чтобы хоть раз она просила меня помочь ей на тренировке. Она же помогала мне постоянно, а затем я её обыгрывала, считая, что иначе и быть не может. Сейчас Ляля стала хорошим тренером, и это закономерно.

А в то утро, честно говоря, меня и не надо было особенно настраивать — я проснулась, уже чувствуя, что буду чемпионкой. Никаких объективных оснований для подобной уверенности у меня не было — я ещё ни разу не побеждала Леру Кузьменко, последний раз проиграла ей за неделю до этого в командном турнире, и тем не менее...

Игра была назначена на два часа дня. Почувствовав, что долгое ожидание меня немного расслабило, я приняла за час до игры холодный душ. Это не полагается делать, но потом я часто принимала холодный душ перед игрой, и это меня всегда тонизировало.

И всё же я начала игру с Лерой немного закрепощённая. Она ведёт 3:1 и кидает мне полусвечку. И вдруг совершенно интуитивно я опускаюсь на колено и полусмешем эффектно убиваю мяч. Такую выходку могла бы позволить себе, например, Буэно, играя с заведомо слабой соперницей. Лера была совершенно потрясена моей уверенностью, а я уже чувствовала, что могу играть теми ударами, которыми мне хотелось бы играть.

Хочу, например, выиграть у неё закрученным ударом в ноги — и выигрываю. И снова так же замахиваюсь. Лера ждёт, что я повторю удар, а я по-другому играю — как хочу. А теперь вдруг кидаю свечку и не спеша иду к сетке. «Черт возьми, — думаю, — всё получается!»

Лера очень положительный человек — всегда первой целует победителя. И, начиная последний гейм — да, я уверена, что это последний гейм, — думаю, как Лера уже готовится целовать меня.

И наконец, матчбол. Я где-то на середине корта, а Лера стоит ближе к левой стороне. У неё растерянный вид. Все ждут моего удара. Тишина.

И я реально сознаю, что с этим ударом я — чемпионка. Я говорю себе, что если пущу мяч чуть закошенный по линии, то Лера его не возьмёт. Так и пускаю мяч. Лера делает два шага, не достаёт и бежит меня целовать!

Удивительно, но я никогда не ощущала, чтобы Лера относилась ко мне ревниво, хотя именно я отняла у неё звание чемпионки. Как я теперь понимаю, так вести себя побеждённого чемпиону совсем нелегко, но Лера с детства была воспитана в самых высоких спортивных принципах. её отец Иван Кузьменко был футболистом киевского «Динамо» и в оккупированном фашистами Киеве участвовал в героическом «матче смерти»...

Мне вообще повезло — все ведущие теннисисты старшего поколения бережно меня опекали.

После мужского финала, в котором Мозер выиграл у Потанина, мы с Лихачевым вышли играть финал микста против Ляли и Андреева. Для Андреева, который на этот раз везде проиграл, микст был последним шансом, чтобы стать чемпионом. Я же, выиграв микст, завоевала бы звание абсолютной чемпионки страны. Да в восемнадцать лет!..

Подыгрывая общему настроению — все болеют за нас, все хотят видеть меня героиней турнира! — я играла микст чуть небрежно, уже войдя в роль героини. Признаться, у меня и не было сил играть более собранно. Зато Серёжа старался за двоих. Андреев тоже старался, но он, как и Ляля, играл слишком мягко, чтобы противостоять нам.

И вот я уже вижу, как Озеров театрально бросает букет цветов моей маме, которая сидит на трибуне одна, а Кирилла рядом с ней нет... Ну конечно, он побежал звонить бабушке, которая так ни разу и не решилась посмотреть, как я играю, — так её волновало это! — но не отходила от телефона.

Сразу после награждения я побежала в гостиницу «Спорт» на Большую арену, чтобы взять свои вещи и поехать с родителями домой. Я вбежала в лифт, закрыла за собой дверцу и, наконец, оставшись одна, замерла на минуту в каком-то тихом блаженстве, а затем нажала лбом кнопку лифта.

ГЛАВА ПЯТАЯ

В шестидесятом году я начала тренироваться у Сергея Сергеевича Андреева. Мой уход от Нины Сергеевны был тяжёл и драматичен для нас обеих, хотя на первый взгляд вся эта история оценивалась однозначно: дескать, едва Теплякова привела меня к высшему успеху — к победе на чемпионате страны, как я ушла от неё...

Но обо всем по порядку. Сначала — подробнее о Нине Сергеевне. Как игрока мне увидеть её уже не пришлось, хотя она играла долго. В 1927 году Теплякова уже стала первой ракеткой страны, а в тридцатые годы, если кому-нибудь удавалось выиграть у неё хоть сет — это

было событием. Лишь в 1940 году Теплякова уступила на чемпионате страны ленинградке Галине Коровиной («Коровина прямо начисто убирала мяч, если попадёшь ей под левую руку»). В тот год Нине Сергеевне исполнилось тридцать шесть лет.

Как Теплякова играла? Она приобщилась к теннису в Мамонтовке, где её родители два лета снимали дачу. В своё время подмосковные дачные посёлки: Загорянка, Тарасовка, Клязьма, Мамонтовка — славились кортами, на которых выросли многие наши известные мастера. В Мамонтовке юную Теплякову увидел Иванов (старейший московский игрок Николай Николаевич Иванов, который в паре с Вербицким был в своё время чемпионом страны, до сих пор не отошёл от теннисной жизни: судит соревнования, составляет классификацию), и ему понравился её удар справа. Иванов взялся тренировать Теплякову, а в 1922 году предложил ей микст («Иванов был видный теннисист, и, когда он пригласил меня играть с ним на первенстве Москвы, я решила заняться теннисом всерьёз, чтобы стыдно не было»). Иванов говорит сейчас, что хотя Теплякова была игроком задней линии, но отличалась редким вниманием и подвижностью, редкой волей к победе. Софья Мальцева, её основная соперница, предлагала игру и более разнообразную, и более агрессивную, но Теплякова была вернее. Она продолжала играть на выигрыш даже в совершенно безнадежных ситуациях — такие её победы были очень эффективны.

В тридцать восьмом году к нам приезжали чехословацкие теннисисты, и в большинстве встреч наши лучшие игроки им уступили. И Теплякову, казалось, уже не спасёт решающий сет против чемпионки Праги Киселовой...

Нина Сергеевна любит рассказывать, как закончилась эта встреча: «Я проигрываю 2:4, хотя только что вела 2:0 и уже видела свою победу, и цветы, и как меня несут на руках. Я думала, что Киселова устала, а оказалось, что я сама устала. Жара. Тридцать восемь градусов. И мы уже играем два с половиной часа. У меня ноги подворачиваются. Но, как всегда, говорю себе: «Если будешь смотреть на мяч и бегать — выиграешь». И исключительно за счёт своей воли сравниваю счёт. Смотрю, она пьёт воду. Это меня обрадовало. Когда начинаешь пить, уже не до игры. Хочется снова пить — только об этом и думаешь. И, когда она опять воды попросила, я сказала себе: «Ну уж теперь я её доконаю». У меня открылось второе, четвёртое, какое ещё там дыхание. Я выиграла 9:7, и меня понесли с цветами».

Все эти долгие годы, когда она была чемпионкой страны, Теплякова танцевала в Мюзик-холле. Она, кстати, участвовала в знаменитой программе Голейзовского «30 гёрлс». Нина Сергеевна часто говорит, что настоящей балериной она не стала («Хотя, как услышу музыку, хочется танцевать. До сих пор»), но именно балет, который учит владеть мышцами как угодно, дал ей лёгкость и подвижность на корте, где она тоже как бы танцевала и уж никогда не натыкалась на мяч.

Своих воспитанниц Нина Сергеевна учит играть в современный атакующий теннис — совсем не так, как когда-то сама играла. Она и тут поминает балет, говорит: что ей легко было, как тренеру, схватить рисунок выполнения ударов и с лёта и над головой. Балет дал ей тонкое чувство движения.

Она относится к своим девочкам по-матерински. Она журила меня, когда я убегала с площадки и висела «тарзаном» на канате, но была довольна: если у меня так много азарта — значит, я чего-то хочу, к чему-то стремлюсь. Потом она уже откровенно восхищалась моими способностями, не уставала говорить, что я — талант. И я могла опаздывать на тренировки или под настроение швырять мячи — она всё мне прощала. А как я теперь понимаю, со мной надо было обращаться поосторожнее. Вот Оля Морозова, с которой сейчас занимается Нина Сергеевна, та более целеустремлённа, и «палка» ей не нужна, а я, конечно, злоупотребляла мягкостью своего тренера.

Высшим достоинством Тепляковой как тренера я считаю её умение сохранить индивидуальность ученика. Она всегда держала меня в рамках правильной игры, своих основных принципов, но никогда ничего не навязывала, позволяя делать все, что я хочу. Я, например, увлекаюсь закруткой, и она поощряет меня, лишь корректируя. Но не просто корректируя, а передавая при этом всё своё тонкое здание игры. У меня иногда возникало ощущение, что, стоя сзади, она мысленно за меня играет и говорит вслух то, что сама в этот момент бы

делала. И при этом постоянно поощряет мои индивидуальные особенности. Безликих учеников у неё вообще не бывает — у Нины Сергеевны особый нюх на индивидуальность.

Да, Нина Сергеевна сделала из меня игрока и больше того — чемпионку страны, но как раз в это время мне и стали скучны наши обычные тренировки. Теплякова легко схватывала новые веяния, но я не могла, например, требовать, чтобы она раскрыла мне технику ведущих зарубежных игроков. Она, как в ту пору и все наши тренеры, слишком мало видела этих игроков. А мне не давали покоя их секреты, но как подступиться к ним, я не знала. Как раз в это время, в конце декабря 1959 года, вместе с Рязановой, Мозером и Лейусом меня послали в Индию. Поездкой руководил Сергей Сергеевич Андреев, который только что был назначен старшим тренером сборной страны.

Хотя летом, на Спартакиаде, Андреев сыграл неудачно, он продолжал оставаться одним из сильнейших теннисистов страны. Внешне казалось, Андреев играл неярко, но такой яркий игрок, как Озеров, тем не менее, в пятидесятые годы ему регулярно проигрывал. А дело в том, что Андреев играл и техничнее, и рациональнее. Его называли «игроком задней линии», но он просто не считал нужным ходить к сетке, когда знал, что проще и надёжнее выиграть, оставаясь на задней линии. А едва подросли Потанин и Лейус, Андреев, не желая им уступать, пошёл к сетке, и тут все увидели, как уверенно он играет с лёта. Правда, я помню игру, когда Потанин так забивал Андреева, что, казалось, он мечется на наклонной плоскости, а Потанин всё убыстрял темп и, вкладывая в удар всё большую мощь, лишь приговаривал: «Вот тебе, вот тебе!» Да, чего Андрееву, действительно, всегда не хватало, так это мощи. А тут ещё разница в возрасте и совсем иной темп, который предлагал Потанин. Но тем не менее стабильный Андреев далеко не всегда ещё уступал и Потанину и Лейусу, когда ушёл на тренерскую работу.

Всю поездку по Индии Андреев провёл под лозунгом: «Учиться у Кришнана!» Мы играли в Индии несколько турниров — в том числе чемпионат Азии. На эти турниры съехались игроки из Европы, Америки, Австралии. Например, приехал известный швед Ульф Шмидт, который в паре со своим соотечественником Свенном Давидсоном выиграл в пятьдесят восьмом году Уимблдон. Но Шмидт не славился идеальной техникой: когда бил блестяще, а когда заваливался. Андрееву был нужен игрок классически правильный, изучая которого можно было бы приобщиться к современной теннисной технике. Таким игроком, бесспорно, являлся чемпион Индии Раманахан Кришнан. Он выглядел на корте немного медведем, но играл разнообразно и экономно, не делая ни одного лишнего движения. В пятьдесят девятом году Кришнан был признан третьей ракеткой мира. Кришнан происходил из небогатой семьи, держался просто, охотно делился с нами своими секретами.

Ещё будучи чемпионом страны и сам себя тренируя, Андреев не упускал ни одной возможности, чтобы приблизиться к классу ведущих зарубежных игроков. Но кого мог видеть Андреев? Бывшую «звезду» Ашбота или такого странного игрока, как Хубер... И то, что он не успел, как игрок, Андреев решил узнать, как тренер.

Мои отношения с Андреевым складывались трудно. Его раздражали мои манеры. Действительно, в девятнадцать лет мне нравилось держаться нарочито вызывающе. Что бы мне ни сказали, я обязательно отвечу: «А, это я знаю», или: «А, это я видела». Я не забывала, что надо держаться слегка небрежно, даже на тренировках. А этого чёткий, трудолюбивый Андреев уж совсем не мог мне простить. И в Индии он в основном занимался с Ирой Рязановой, а мне лишь изредка делал замечания, указывая на ошибки. При этом он мог сделать мне замечание таким тоном, что я обижалась, — я не привыкла к такому жёсткому обращению. Но я чувствовала, что каждое его замечание интересно. И постепенно я поняла, что Андреев не просто указывает на ошибку, а предлагает анализировать её, искать причину.

Наблюдая каждодневно за Кришнаном, он раскладывал его движения на опорные точки. Такой подход к изучению теннисной техники нашим тренерам был в ту пору неведом.

Когда мы вернулись из Индии, я вдруг почувствовала, что совсем не могу играть. Уже не в первый раз у меня что-то случилось с нервами. А уж если я начинаю валиться, так валюсь до конца. Я проиграла зимнее первенство страны, Московский международный турнир и, наконец, на командном первенстве Москвы я выглядела совершенно беспомощно, выйдя против Емельяновой, которая уже два года фактически не играла. Я не могла даже попасть по мячу, а не то что ударить. Родители испугались, отправили меня за город. Я, помню, позавтракаю, прилягу с книжкой — и тут же засыпаю. Так я спала две недели, пока мне вновь не захотелось играть в теннис.

Весною, на сборе в Ужгороде, Андреев по-прежнему выделял Рязанову. Ира была способным игроком, но неправильно поставленная ещё в детстве техника ограничивала её возможности. Однако ей исполнился уже двадцать один год, а в таком возрасте менять технику решится не каждый. Ира вела себя компромиссно: прислушиваясь к советам Андреева, она надеялась подправить свои движения, но не ломать их окончательно. Андреева это, конечно, не устраивало, и в то же время он не мог не видеть, как я старательно отрабатываю всё то, что он показывает Ире. Я не боялась учиться заново. И очень хотела доказать Андрееву, что ему интересно будет со мной работать. Создавалась забавная ситуация. Закончив тренировку, Андреев и Рязанова уходили, а я и мой партнёр Слава Егоров пытались освоить то, что Андреев до этого показывал.

Тут самое время представить Славу Егорова. Я ещё ни слова не сказала о нем, но пока что и повода не было. Он старше меня на два года, но в пятьдесят девятом году, когда я была уже чемпионкой страны, а Тоомас Лейус выиграл юношеский Уимблдон, Слава числился, по-моему, по всесоюзной классификации семьдесят девятым игроком. Быстрый, резкий, он имел данные, чтобы играть прилично. И семья у него спортивная. Слава — сын известного хоккейного тренера. Конечно, он несколько упустил своё время. Но в пятьдесят девятом году он взял в институте физкультуры академический отпуск и тщательно вместе с отцом продумал, как в кратчайший срок ему стать настоящим теннисистом. К зиме он обрёл уже приличную форму. Ему оставалось только вырезать гланды — он не имел права впредь болеть ангиной. Его чёткий план дальнейшей жизни исключал любую потерю времени.

В конце декабря Слава лёг в Боткинскую больницу, но, едва он вырезал гланды, как в больнице был объявлен трёхмесячный карантин. И весь его зимний сезон полетел. Ещё не раз в самые решающие моменты его теннисной биографии Славу будет покидать удача. В шестьдесят шестом году он мог стать чемпионом страны — выигрывал в финале у Метревели, но в решающий момент сломался. То его подводит излишняя мягкость характера, то... Нет, всё же есть понятие «спортивная удача». Уже много лет Слава входит в десятку сильнейших теннисистов страны, но он так и не выиграл то, что мог бы выиграть.

Он заставил о себе говорить уже на чемпионате страны шестидесятого года, но той весной у Андреева ещё не было никаких оснований брать Егорова на сбор сильнейших в Ужгород. И Слава был счастлив, когда его взяли в Ужгород спарринг-партнёром для женщин. Его не нужно было уговаривать: «Пойдём поиграем». Слава готов был в любую минуту играть со счётом и без счёта, накидывать мне мячи на сетку, стоять сам у сетки... И однажды, когда Ира ушла, а мы со Славой, как всегда, остались на корте, Андреев, улыбаясь, заметил: — А ты, я вижу, подглядываешь.

На турнире в Риге Андреев уже занимался со мной, как и с Рязановой. Потом мы поехали в Англию, где на этот раз я сыграла довольно удачно. Помните, я рассказывала, как дошла в Уимблдоне до одной восьмой финала и два дня играла с Дарлин Хард? Андреев, который впервые так близко и долго мог наблюдать всех лучших игроков мира, целыми днями носился с кинокамерой, обсуждал со мной все свои открытия, и мы имитировали движения даже вечерами в отеле. Я окончательно поняла, как интересна для меня тренировка, цель которой — найти правильное движение. А такие тренировки мне мог дать только Андреев. Я не знала, как сказать об этом Нине Сергеевне, и оттягивала окончательное решение. Благо что, вернувшись из Англии, я вообще не ходила на тренировки, а сдавала экзамены на филологический факультет МГУ.

За неделю до августовского международного турнира я пришла к Андрееву как к тренеру сборной, и он быстро ввёл меня в форму. Я победила всех иностранок и эффектно выиграла этот турнир. Но сказать Нине Сергеевне, что я решила уйти к Андрееву, я опять не смогла. В результате на чемпионат страны в Киев и Теплякова со мной не поехала, и Андреев не подходил ко мне, избегая дальнейших осложнений. В финале я проиграла Лере Кузьменко.

Сейчас Нина Сергеевна не возражает, что Оля Морозова, оставаясь её ученицей, занимается и с Андреевым. Сейчас Андреев уже настолько авторитетен, что остальные тренеры сами водят к нему своих подающих надежды учеников. Но в ту пору я могла заниматься у Андреева, только совсем расставшись с Ниной Сергеевной. И в конце шестидесятого года это произошло.

А в феврале 1961 года в Московском международном турнире я проигрывала Рязановой. Я вдруг вышла из формы. Андреев не мог мне простить этого и смотрел на меня отсутствующим взглядом или вообще на меня не смотрел.

Мячи на турнире подавали девочки из группы Нины Сергеевны. Как потом я узнала, Нина Сергеевна сказала своим девочкам, чтобы они помедленнее вбрасывали мячи в игру, позволяя мне хоть немного отдохнуть, собраться с силами. Среди этих девочек была и Оля Морозова, и она особенно долго бегала за мячами. А Нина Сергеевна, казалось, наблюдала игру совершенно бесстрастно, но по лицу её шли красные пятна, и уж я-то знала, когда у неё появляются эти пятна. Я проиграла, но была тронута, что Нина Сергеевна продолжает ко мне относиться как к своей.

Мне не раз будет потом не хватать доброй заботы Нины Сергеевны. Я буду бояться, что Андреев перестанет со мной разговаривать, если опоздаю на тренировку или плохо сыграю. А может, мне как раз и нужен был только такой тренер — жёсткий, не позволяющий распускаться?

Я имела такую привычку: в конце соревнований перед решающими играми немного отдохнуть. Как поступают многие теннисистки. Андреев считал, что подобное расслабление недопустимо, что нельзя во время соревнований терять нервный тонус. Чрезмерных тренировок он мне не навязывал, но предлагал так отдохнуть, как он сам привык отдыхать. Мой тренер нежданно являлся за мною на мотоцикле, и мы носились по Москве с бешеной скоростью, озадачивая милицию. Я с удивлением наблюдала, как рациональный Андреев совершенно преображался, садясь за руль своей «Явы».

И я была не менее удивлена, когда поняла, что Андреев, который так долго не обращал на меня внимания, на самом деле всё про меня знает, чётко знает, что мне необходимо делать. Он разработал специально для меня систему физических упражнений. Если раньше, занимаясь со штангой, я укрепляла, конечно, ноги, но одновременно наращивала и мышцы, для игры в теннис совершенно ненужные, то теперь я работала с различными штангами: с маленькой — только для развития резкости рук, с большой — только для укрепления ног и так далее. Если раньше я просто бегала кроссы, как и все остальные спортсмены, то теперь, три раза в неделю бегая вместе со мной в Лужниках, Андреев стремился выработать у меня специально теннисную — рывковую — выносливость, ставил мне резкий толчок стопы. А стараясь приучить меня выкладываться до конца, он бегал, как я уже говорила, вместе со мной.

Андреев приучил меня быть удовлетворённой тренировкой, только если я проводила её с полной отдачей. И я окончательно поняла, что можно расти до какого-то возраста за счёт своих данных, но наступает момент, когда твои результаты не улучшаются, если ты избегаешь настоящего труда. Так, конечно, обстоит дело и во всех видах спорта, а не только в теннисе.

Какие только тренировки он для меня не придумывал! Я даже играла с закрытыми глазами о стенку — для развития автоматизма. А чтобы укрепить моё игровое внимание, которое я часто теряла при нервном напряжении, Андреев часами играл со мною на счёт, всё время оставляя мне возможность выиграть, если я выложусь до конца, не потеряю внимание.

С теми, кого я боюсь, я начинала игру скованно. Андреев и здесь очень хитро придумал, как мне помочь. Я полагала, что мы обсуждаем план игры, а на самом деле, как я потом поняла, Андреев до тех пор переговаривал со мной предстоящую встречу, пока не доводил меня до такого азарта, словно я уже играю. И я выходила на площадку освобождённая от той излишней нервной энергии, которая закрепощала меня. Сергей Сергеевич это формулировал так: «Предстоящий матч надо нервно пережить».

И наконец, самое главное — Андреев постоянно предлагал мне искать правильные движения. От него я впервые услышала, что работа ног — это не просто подход к мячу, а основа техники выполнения ударов. Может быть, кто-то из наших тренеров чисто интуитивно и ощущал, что ещё недостаточно встать боком к мячу, правильно держать корпус и руки, чтобы произвести совершенный удар по мячу, но никто и никогда у нас до Андреева не формулировал, что правильный удар, прежде всего, зависит от чёткой и автоматической работы ног. Андреев пришёл к этому постепенно. Он больше, чем кто-либо, обращал внимание на работу ног, ещё когда сам играл, и, наконец, работая со мной, окончательно убедился, что нашёл важнейший принцип современной теннисной игры. Представляете, как интересно мне было участвовать в этих поисках Андреева? Как игра в теннис вдруг совершенно заново и на ином уровне увлекла меня?

Но только не подумайте, что в моем лице Андреев обрёл всегда прилежную ученицу, которая с неизменной охотой помогала ему во всех этих поисках. Другое дело, что я стремилась быть всегда прилежной, но это мне нелегко давалось.

Помню, Андреев показал мне рисунок новой современной подачи. Я должна была мышечно прочувствовать каждое движение, и мы долго и разными путями искали эти движения. И вот вечером, когда я, наконец, собираюсь отвлечься от тенниса, звонит Андреев и говорит, что всё это время, придя с тренировки, он имитировал перед зеркалом и, кажется, нашёл одно интересное движение.

Подобный фанатизм мне не свойствен. А может быть, просто не хватает целеустремлённости? Но, так или иначе, слушая по телефону Андреева, я, конечно, улыбалась: как он не понимает, что ограничивает себя, сводя жизнь только к поискам подачи? Вот завтра будет тренировка... Я бы решилась сказать нечто подобное Нине Сергеевне, но тут я знала, что Андреев, лишь увидя эту мою улыбку, перестанет на несколько дней со мной разговаривать. И я отвечала своему тренеру, что, да, конечно, я очень хочу сейчас же попробовать это движение. Через полчаса его мотоцикл останавливался у нашего дома, и до позднего вечера мы махали ракетками перед старинным павловским зеркалом в раме из красного дерева, которое мой отец ещё до войны привёз из Ленинграда и которое затем кочевало по всем нашим московским квартирам, и мама всегда говорила, что самое ужасное, если это зеркало разобьётся, и после очередного благополучного переезда его каждый раз крепили к стене каким-то особым образом, а теперь мы махали ракетками перед этим священным зеркалом, и мама совсем не боялась, что зеркало разобьётся. Вся наша семья уже прочно жила моими теннисными страстями, и родители подумывали, как бы теперь пристроить к теннису и моего брата Володьку.

Лишь изредка в комнату, где мы с Андреевым разучивали подачу, осторожно заглядывала бабушка, и мне казалось, что она думает: вот перед этим зеркалом Булгаков читал моему отцу свою последнюю пьесу, а теперь...

Кажется, году в пятьдесят седьмом на один из наших юношеских сборов приехал очень странный человек — тбилисский тренер Арам Герасимович Хангулян. Если все остальные тренеры говорили по делу: как надо играть и как не надо, то Хангулян не уставал рассказывать, какой галантностью и безукоризненностью манер отличался известный довоенный игрок Арчил Мдивани, прозванный «Кошка на корте», как благороден он был в каждом своём поступке.

Рассказы Хангуляна были прекрасны, но я стремилась тогда скорее набрать мастерские баллы, а безукоризненности манер меня учили и дома, и в школе, и мне этого было достаточно.

А вскоре, когда я была в Тбилиси на сборе, Нина Сергеевна повела меня к Хангулянцу в гости. Я совершенно не помню, о чем в тот вечер шёл разговор. Я не могла даже заставить себя выпить чашку чая — была совершенно подавлена обилием попугаев. Десятки зелёных

попугаев трещали на террасе, летали и по комнате у меня над головой. Нина Сергеевна хохотала, передразнивала попугаев. Арам Герасимович взирал на древнюю птицу мудрым, всепрощающим взором. Евгения Александровна Вермишева — жена Хангуляна и тоже теннисный тренер — успокаивала меня, убеждала, что эти очаровательные попугайчики, быть может, излишне шумливы, но они никогда не позволят себе попачкать костюм гостя, а тем более — стол, так что я могу смело пробовать торт. Но в этот момент надо мной затевали игру два неразлучных и ослепительно зелёных попугая, и я себя чувствовала как в тропическом лесу, боясь сделать лишнее неосторожное движение.

Однако вскоре я узнала, что для учеников Хангуляна и Вермишевой это чаепитие с попугаями — святая традиция. И в первый день нового года — это уже непременно, — и ещё много раз в году Евгения Александровна торжественно разливает чай, подаёт к столу торт и гранаты и под привычный крик попугаев начинается беседа о теннисе, и не только о теннисе...

В шестьдесят первом году заставили о себе говорить сразу два ученика Вермишевой и Хангуляна — Нугзар Мдзинаришвили и Александр Метревели. Положим, Нугзар, который старше Алика на год, уже выигрывал школьную спартакиаду, и вообще он начинал ярче, чем Алик. Сейчас Нугзар закончил филологический факультет, в теннис играет мало, но было время, когда наше спортивное руководство делало на него серьёзную ставку. Играл он несколько странно: имея очень сильный плоский удар справа, Нугзар вечно стремился «забежать» под этот удар и, уж если не успевал, тогда бил слева. И подавал он сильно, но уж как-то слишком своеобразно. Но при этом он способен был вдруг обыграть кого угодно. Если уж он настраивался победить, то побеждал. К сожалению, он не всегда мог так настроиться. Как видите, ни в какие общепринятые спортивные рамки Нугзар Мдзинаришвили не укладывался. Однако на зимнем первенстве страны шестьдесят первого года он уверенно занял второе место.

Там же, в Северодонецке, я впервые увидела, на что способен Метревели. Все давно уже говорили, что он хорошо играет. Мне так не казалось, и я ещё думала: «Чего его тянут?»

В Северодонецке шестнадцатилетний Метревели набрал мастера, но дело не в этом. Меня поразило, как он играл с опытным Фридляндом. Как легко, красиво, будто на цыпочках, он играл! И так воздушно, так тонко, что было видно: вот-вот заиграет так, как у нас никто и никогда ещё не играл.

Весной Андреев взял и Нугзара и Алика на сбор в Ужгород. Они держались вместе: замкнутый, вспыльчивый, но мягкий вдруг, по-девичьи застенчивый Нугзар и открытый, рыцарски щедрый и широкий в каждом своём поступке Алик. Они оба воспитывались в интеллигентных семьях. Я хорошо знаю отца Алика, Ираклия Петровича, для которого превыше всего благородство и честность. Но, так или иначе, чувствовалось, что и Нугзар и Алик прошли одну школу — теннисную, но с явным педагогическим уклоном. Тут я и поняла, наконец, что это за школа. Поняла, что тренер, который стремится к духовной общности со своими учениками и которому совершенно необходимо знать, что ученики разделяют его нравственные принципы, не такой уж странный человек.

Когда во время сбора Нугзар вдруг заболел (тут, очевидно, сказалось и перенапряжение прошедшей зимы — Нугзар впервые и очень успешно играл на равных с ведущими игроками страны, а ему ещё не было восемнадцати), то Алик ходил за ним, как сестра милосердия, думая лишь об одном: как помочь Нугзару сохранить спортивную форму. Надо учесть, что этой весной Алик невероятно быстро прогрессировал, и вскоре, на Международном юношеском турнире в Ленинграде, он совсем не случайно выйдет в финал. А вот Нугзар, который ещё окончательно не оправится от болезни, пробьётся в финал с большим трудом, хотя ему заранее прочили победу в турнире. В тот год Нугзара собирались послать на турнир юниоров в Уимблдон, но если бы он проиграл Алику этот финал...

Алик уверенно взял и первый сет, и второй, и повёл в третьем. Как каждый настоящий спортсмен, он стремился только к победе. Но я могу представить, какую борьбу вёл сам с собой Алик, видя, что Нугзар ещё не может играть в полную силу. Я думаю, что он не простил

бы себе этой победы. В конечном счёте тут, очевидно, совпало многое: и растерянность побеждающего, и последняя отчаянная попытка побеждаемого сломить ход игры, и присутствие на корте их тренера, который, впрочем, — и Алик в этом не сомневался — никогда бы не позволил себе комментировать вслух этот матч, как бы он ни закончился. И третий сет, и оба последующих Метревели проиграл, вызвав множество нареканий: вот, дескать, импульсивен, не способен довести игру до победы и так далее.

Но победы бывают разные. И настоящий спортсмен всегда знает, какой победой он вправе гордиться. О Метревели сейчас пишут часто, и нет такого журналиста, который бы «забыл» восторженно упомянуть о том, что в 1966 году на открытом первенстве Скандинавии Метревели победил Мануэля Сантану, который только что, за неделю до этого, выиграл Уимблдон. И хотя у нашего чемпиона много достойных побед (в последние годы Метревели удалось победить таких прославленных игроков, как Тейлор, Ралстон, Маллиган, Бунгерт, Нэстасе, Пьетранжели, Гонзалес, Хоад...), но та победа над Сантаной на первый взгляд — самая эффектная. Однако сам Метревели предпочитает не говорить о ней, а если уж говорит, то обязательно напоминает, что в конце встречи Сантана повредил ногу, и это была уже не игра...

А Нугзару удалось перед поездкой в Англию всё же войти в хорошую форму, он был страшно возбуждён, полон самых радужных надежд, в самолёте читал мне стихи.

И в открытом первенстве Лондона «мистер М.» (так объявляли Нугзара английские судьи, не в силах выговорить его фамилию) действительно обыграл сильного новозеландца Джерарда, а затем и одного из лучших теннисистов Европы чеха Яворски. Как это было? Яворски хладнокровно укорачивал мяч, но Нугзар кричал: «Взять!» — и даже не бегом, а в каких-то несусветных прыжках, выкинув вперёд свои неправдоподобно длинные руки, пересекал корт и доставал мяч. Яворски тут же кидал подкрученную свечку, Нугзар опять кричал: «Взять!» — и почти у самого фона, но доставал и этот мяч.

После этих побед Нугзар отправил в Тбилиси несколько ликующих телеграмм. Нугзар ликовал так безудержно, что кто-то из нас решил его разыграть. У станции метро «Бэронс-корт», что рядом с Куинс-клубом, где игралось первенство Лондона, сидел старый газетчик, который, выкрикивая названия газет, привычно сокращал их так, что получалось одно слово, несколько похожее на «Мдзинаришвили». И мы сказали Нугзару, что старик выкрикивает его фамилию, как героя дня. Нугзар просветлел, зарделся и долго стоял около этого газетчика, слушая его крик как музыку. Нугзар даже подумать не мог, что мы его разыгрываем. Помню ощущение неловкости, которое вдруг охватило меня. Уже в поезде метро, когда самолюбивый Нугзар, наконец, догадался, в чем дело, он мгновенно замкнулся, но на следующее утро, услышав вновь крик газетчика, сделал вид, что по-прежнему верит нам, чем смутил меня окончательно.

Столь же безудержно Нугзар предавался не только радости, но и отчаянью. Проиграв в первом же круге турнира юниоров какому-то совсем неизвестному мальчику из Австрии — тот неожиданно навязал борьбу, а когда Нугзар собрался, уже было поздно, — он двое суток плакал навзрыд. И в отеле плакал, и в посольстве, и на трибуне Уимблдона...

Прошло несколько месяцев, и Нугзар приехал в Калининград, на чемпионат страны, снова выходя победителем Яворски и Джерарда и не скрывая, что он намерен быть только первым в Калининграде. Но опять, как и в Уимблдоне, Нугзар сразу же проиграл, и опять более слабому противнику.

И уже не было сомнений, что Нугзар для турнирной борьбы не создан. Такой тип игрока известен: блистательная победа сегодня, а завтра — провал. Я хочу специально отметить, что Нугзар ни в коей мере не походил на традиционного «победителя» из Тбилиси, который безудержно вкушает плоды первого же признания и быстро сходит, так ничего по-настоящему и не добившись. Самый яркий пример подобной судьбы — судьба Ураевского, на которого Хангулян в своё время очень надеялся, но об этой истории — чуть позже.

И вот что удивительно — а может быть, это и закономерно? — именно в Тбилиси вырос, в конце концов, игрок, наделённый не только ярким теннисным даром, но и умением этот дар беречь; а может быть, инстинктивная потребность беречь свой талант и есть знак высшей одарённости? Я говорю про Метревели.

Все ждали, что Метревели хорошо сыграет в Калининграде, и было досадно, что в первом же круге жребий свёл его с чемпионом страны Михаилом Мозером. Допуская, что юный Метревели может слегка поугагать Мозера, но всё же не предвидя настоящей зрелищно интересной борьбы, главный судья отправил эту пару на какой-то дальний корт. Но уже после первого сета около этого дальнего корта стали собираться постепенно и свободные игроки, и тренеры, а затем и зрители.

Дело не в том, что Алику иногда удавались просто блестящие удары. Этого ещё было мало, чтобы обыграть тогдашнего Мозера. Алик, который сейчас умеет играть почти безошибочно, в той встрече впервые обнаружил это своё качество. Именно это всех поразило: редкий взрослый игрок так экономен в ошибках, как тогда экономен был Алик. И вообще встреча с Мозером — первый проблеск будущей игры Метревели. Но в этой встрече, которая продолжалась чуть ли не четыре часа — причём Алик, кажется, то ли второй, то ли третий раз в жизни играл матч из пяти сетов! — юный победитель израсходовал все свои внутренние и физические ресурсы. И совершенно закономерно, что на следующее утро Метревели почти без борьбы уступил куда более слабому, чем Мозер, противнику.

Как я сама сыграла в Калининграде? Не отдала никому ни одного сета. И вновь, как и два года назад, стала абсолютной чемпионкой страны. А вот мужской турнир закончился неожиданно. Когда из борьбы выбыли Мозер и Мдзинаришвили, у Лейуса, которого и так все прочили в чемпионы, оставался, казалось, только один возможный соперник — Андрей Потанин. И они действительно встретились, но... в дополнительном матче за третье место.

Потерявший свою былую игру, Пот уступил в полуфинале Святославу Мирзе, которому было уже под тридцать и от которого никто не ждал подобной сенсации. Мирза занялся теннисом поздно, чуть ли не в двадцать лет, и считался молодым, когда чемпионом страны был Андреев. Но едва появились Потанин и Лейус, Мирзу сразу же зачислили в ветераны. И когда, казалось, Мирза уже окончательно смирился с участью неосуществившегося, попавшего в межсезонье игрока, он вдруг совершил нежданный рывок и вышел в финал чемпионата страны.

А Лейус уступил в полуфинале Рудольфу Сивохину, которого к тому времени тоже записали уже в ветераны, хотя ему было лишь двадцать четыре года. Сивохин играл современно — у сетки, хорошо по месту, мало ошибался. Ему не хватало, конечно, мощи, но дело даже не в этом. Сивохин слишком мало играл в теннис, жертвуя турнирами, лишь бы не пропустить очередную сессию в своём строительном институте. И он получил в институте диплом с отличием и даже стал однажды — как раз в Калининграде, обыграв Мирзу, — чемпионом страны. Ну что ж, спортивная биография инженера Сивохина, кажется, сложилась удачно — правда?

Я не считаю себя настоящим филологом, хотя и получила университетский диплом, — филологией я занималась лишь в свободное от тенниса время. А Рудольф Сивохин был слишком наивен, пытаясь совместить несовместимое. Мне скажут: а пример Андрея Потанина, который стал кандидатом физико-математических наук? Да. Пот стал настоящим физиком, но лишь после того, как фактически оставил теннис. И это единственно возможный вариант при современном уровне спорта. Или надо на всю жизнь избрать спорт своей профессией и поступать в институт физкультуры — так, кстати, и делают многие нынешние чемпионы.

Но как всё же Рудольфу Сивохину удалось обыграть в Калининграде Тоомаса Лейуса? А почти у каждого восходящего теннисиста есть такой «роковой» соперник, каковым был Сивохин для Лейуса. Ведь Лейус ещё проиграл Сивохину, да чуть ли не в первом же круге, на Спартакиаде пятьдесят девятого года, только что возвратившись с триумфом с юношеского Уимблдона.

Одно из достоинств Тоомаса — умение предугадать удар противника; и очень часто, слишком уж веря в это своё умение, Тоомас идёт на мяч заранее. Но Сивохин, отличаясь завидным хладнокровием, делал перед ударом небольшую паузу и, дождавшись, когда Лейус пойдёт на предполагаемый мяч, легко обводил его. Лейусу понадобится несколько лет, чтобы решить «проблему Сивохина».

И вообще Лейус трудно шёл к победам на чемпионатах страны. Он впервые стал чемпионом лишь в шестьдесят третьем году, хотя уже с пятьдесят девятого года реально претендовал на то, чтобы возглавить десятку сильнейших игроков страны. Но Мозер, Сивохин и, наконец, Потанин, выступая на самых различных турнирах (в том числе и на международных) значительно хуже Лейуса, на чемпионате страны тем не менее год за годом опережали его. А когда Лейус, наконец, окончательно превзошёл своих традиционных соперников, тут заиграл Метревели.

Метревели по-настоящему заиграл уже в шестьдесят втором году. Тем летом он впервые поехал в Англию — играть юношеский Уимблдон. Встретившись с некоторыми из своих будущих соперников на юношеском турнире в Бекнеме, Алик так легко с ними расправился, что Бакшеева сказала:

— Будет чудо, если Алик не выиграт в Уимблдоне.

И вот накануне своей первой игры в Уимблдоне Алик едет, как и все мы, на традиционный воскресный приём в аббатство Бичем. История дома Бичем, украшенного многочисленными гербами своих бывших владельцев — они выложены цветным стеклом, — восходит ещё к XI веку. После второй мировой войны, потеряв на фронте наследников, последние владельцы аббатства передали его государству для создания национального центра отдыха.

Мы приехали в Бичем как раз к ланчу, на музыкальной галерее играл джаз, потом музыканты перешли на лужайку, а теннисисты разбрелись по парку. Можно было стрелять из лука, кататься на каноэ по Темзе, лишь возбранялось играть в теннис — в этот воскресный день участникам Уимблдона предлагалось забыть о теннисе. Можно было играть во что угодно, хоть в футбол, но только не в теннис.

Алик, который всегда готов оправдать свою футбольную фамилию, конечно, вызвался играть за Европу против Америки. Я уж не помню, как завершился этот матч, но для Алика, во всяком случае, он завершился плачевно — сильным растяжением ноги.

Пройдёт несколько лет, и он вновь повредит ногу, играя на этот раз в футбол за сборную участников теннисного турнира в Каире против местных футболистов. Его будут уносить с поля на руках, но он успеет крикнуть мне, что это он забил последний гол в ворота египтян. И наконец, играя в футбол уже с какими-то мальчишками под Тбилиси, Алик так разобьёт колено, что вынужден будет его оперировать — удалять мениск. И теперь более всего на свете руководство нашей теннисной федерации опасается футбольного мяча.

На футбольном поле Алик давал выход своему южному темпераменту, который он научился смирять на корте. Разве скажешь, глядя, как рационально и экономно Метревели сейчас играет в теннис, что он грузин? И лишь когда Алик уверен, что игра уже сделана, он может позволить себе некоторое пижонство — может сыграть на зрителя. И разве поверишь, что, живя в Тбилиси, он никогда не поддаётся настроению всеобщего праздника? Но это так. И я могу понять, как хочется ему иногда самозабвенно поиграть в футбол, хотя теперь он сам остерегается этого злосчастного футбольного мяча.

Тогда в Англии никто из нас и не надеялся, что Алик будет играть Уимблдон — наутро он даже не мог обуть травмированную ногу. Но ему заморозили голеностоп, и он всё же вышел на корт. Алик почти не бегал, но каким-то чудом добрался до финала, где уступил всё же в трёх сетах англичанину Метьюзу (сыну известного футболиста).

Я уже говорила, что именно в шестьдесят втором году Метревели по-настоящему заиграл. Быстро залечив травму ноги, он прекрасно дебютировал в Кубке Галеа (командный юношеский чемпионат Европы), а в августе, на Московском международном турнире, сенсационно победил австралийца Кена Флетчера.

Но эту победу Метревели я попытаюсь увидеть глазами Арама Герасимовича Хангуляна. Тот августовский день в Москве был по праву его днём. Принимая бесконечные поздравления, Хангулян торжествовал: все теперь видят, какого игрока он, наконец, воспитал. Хангулян рано стал тренером, убедившись, что великий игрок из него не получится. А вне тенниса он свою жизнь не мыслил уже тогда, в 1916 году.

А знаете, как началась теннисная жизнь в советском Тбилиси? Летним днём 1922 года на Плехановском проспекте сошлись недавний выпускник реального училища Арам Хангулян и маститый игрок бывшего лаун-теннисного клуба Ян Гомер (и по сей день на чемпионатах Тбилиси Ян Янович Гомер возглавляет обычно судейскую бригаду), и Гомер сказал Хангуляну:

— Как же так: никто до сих пор не играет? Надо бы взяться.

Они осмотрели опустевшие асфальтовые корты бывшего скетинг-ринга, и Хангулян, чтобы восстановить эти корты, согласился на должность дворника. Однажды, когда на Плехановском уже вновь кипели теннисные страсти, а в предыдущий вечер на кортах праздновалась свадьба Гомера, Хангулян заночевал в клубном павильончике. Рано утром его разбудил стук мяча о ракетку, и он увидел на корте двух девушек, которых ужасно смутило его появление, и они тут же признались, что каждое утро, когда их никто не видит, играют здесь в теннис.

Одной из них, Жене Вермишевой, Хангулян вскоре предложит микст, и они станут чемпионами Грузии, Вермишева будет учиться в театральной студии, потом получит диплом инженера и, наконец, поймёт, что её призвание — быть педагогом. И посвятит себя, как и Хангулян, воспитанию юных теннисистов. В начале тридцатых годов ученики Хангуляна и Вермишевой уже будут собираться в их доме на традиционные чаепития.

В 1927 году Хангулян построил в Боржоми первый в Грузии земляной корт («строить корт» — выражение Арама Герасимовича). До этого грузинские теннисисты играли на асфальтовых площадках, которые удобны лишь тем, что не требуют никакого ухода. Но бегать на них трудно, падать страшно, отскок мяча плохой. Одним словом, теннис на асфальте — это не теннис. Хангулян специально ездил в Москву, чтобы научиться искусству создания земляного корта. На сегодня он построил в Грузии около ста таких кортов. Но тогда, работая в Боржоми, он ещё был неопытен, и один из углов площадки вскоре пророс травой. А спустя год команда грузинских теннисистов шла на параде, который был проведён в Тбилиси перед открытием первой Закавказской спартакиады, в белых туфлях на лосевой подошве. На асфальте можно было играть в чем угодно: друг Хангуляна, агроном Кандауров, даже играл в сапогах. Но земляные корты — а Хангулян уже начинал строить их и в Тбилиси — требовали специальной теннисной обуви. И сосед будущего чемпиона страны Эдуарда Негребецкого (он начинал в Тбилиси, а в Ленинград переехал, когда уже был признанным игроком) известный тбилисский сапожник Арутюнов сшил для грузинской команды эти белые туфли на лосевой подошве.

Арам Герасимович утверждает, что в настоящие тренеры его вывел Анри Коше. В следующей главе я расскажу все, что знаю о знаменитом французе Анри Коше, о его славных победах в двадцатые годы. Хангулян же познакомился с Коше ещё в 1936 году, когда тот впервые приехал в нашу страну. Три года подряд Коше приезжал к нам и вёл занятия с ведущими игроками и тренерами. В те годы нашему теннису, чтоб развиваться дальше, был просто необходим такой специалист, как Коше.

Хангулян, который был вызван в Москву на первый же сбор с участием Коше, вспоминает, как знаменитый француз, лучшие годы которого уже миновали, сразу сказал, что он хотел бы с кем-нибудь сыграть. Против Коше вышел Эдуард Негребецкий и сразу повёл в счёте 3:2, 5:2...

Вот как рассказывает Арам Герасимович о том, что случилось дальше:

«Я распузырился — сейчас Эдик его разнесёт. Но тут Коше спросил: «Какой счёт?» И — конец Эдику. Помню, как-то под вечер они ещё раз играли, но до этого был обед в «Метрополе». Коше заказал бифштекс, минеральную воду и мороженое, а Негребецкий съел, как всегда, и борщ. И быстро опять проиграл. Коше по-прежнему, как и в молодые годы, жил в рамках жёсткого спортивного режима. Однажды он даже недосмотрел балет в Большом театре, сказав, что уже половина одиннадцатого и ему пора спать. Но и выиграть у него — а Коше каждое воскресенье проводил показательную игру — никто из наших не мог. Кажется, только Кудрявцев, который считался уже ветераном (он даже чуть старше Коше), но талант которого наш знаменитый гость сразу признал, оказал французскому некоторое сопротивление и даже взял у него один сет...

На этот сбор я привёз самую способную, как мне казалось, свою ученицу — она была первой чемпионкой страны среди девушек. Она ещё не играла, лишь шла на площадку, когда Коше сказал мне: «Нет, эта девушка теннисисткой не будет». Я взорвался: «Почему?» — «Потому что у неё нет ног, — сказал Коше. — Я вижу её походку — нога уходит в сторону. Бегать она не будет». И такие наглядные уроки он давал ежедневно».

В первые послевоенные годы у Хангуляна появился ученик, обещавший, по всеобщему мнению, стать незаурядным игроком. Я говорю о Викторе Ураевском. В середине пятидесятых годов я ещё видела, как он играет, но смотреть его было неинтересно — это был уже не тот Ураевский.

Вот как рассказывает Евгения Александровна Вермишева (в этой семье делить и удачи и заботы не принято, и к ученикам мужа Евгения Александровна относится, как к своим ученикам) историю Виктора Ураевского:

«Ураевский, конечно, не был так одарён от природы, как Метревели. Алик и более атлетичен, и более изыскан и тонок. Но такой дружбы ракетки с мячом, как у Вити, я не видела ни у кого — всю жизнь буду помнить, как в сорок девятом году Витя играл в Таллине с Иваном Новиковым. Витя владел ракеткой, как Рихтер — своим инструментом. Он играл блестяще и справа и слева, а у сетки шутя тушил мячи любой силы. Когда он укорачивал мяч у сетки, мне казалось, что мяч скатывается со струн его ракетки, как дождевая капля...

Витя вёл 5:0, как вдруг потерял себя и уже ничего не мог сделать. Но те пять геймов я до сих пор помню.

А как велик был жизненный азарт Вити — даже его походка была необычайно стремительна. Я вспоминаю десятки историй. Вот он является на тренировку, сбежав из больницы. Вот в сорок шестом году я уже везу Витю на юношеское первенство страны. Мы прилетаем в Москву поздно вечером, я ненадолго оставляю его одного в спорткомитете, и он исчезает. Я пришла в отчаянье — уже наступила ночь, а Вити всё не было... Я готова была растерзать его, когда он, наконец, появился. Но, глядя на меня бесхитростно, преданно, Витя сказал: — Я Москву смотрел... Ну дайте мне пощёчину, тётя Женечка...

Он до сих пор меня так зовёт: «Тётя Женечка». Помню ещё, как мы едем поездом на очередные соревнования. Вхожу в вагон-ресторан и вижу Витю, который заказывает куропаток! Я его за ухо вывела из ресторана, а он смотрел на меня, как всегда, преданно и лишь говорил, что он ещё никогда не пробовал куропаток. Он хотел всё попробовать, а мать слишком рано стала давать ему деньги. Арам говорит ей: «Не балуйте Витю». Но она могла на это ответить: «А что мне, соседа баловать?»

Вот за Аликом Метревели нам не приходилось следить. Алик с детства знал, что ему можно, а что нельзя. В жизни не видела, чтобы Алик, например, закурил.

А за Витей мы, как могли, следили. Но вот он повзрослел, стал без нас ездить на соревнования, наконец, вошёл в «десятку» страны. И, к сожалению, в теннисном мире нашлись люди, которые учили его вином отмечать победу... Эти же люди, восхищаясь его талантом, говорили, что он уже перерос Хангуляна и вообще ему нечего делать уже в Тбилиси...

Но я сама видела, как, выходя на корт, Витя, который поддался этим уговорам и перешёл к другому тренеру, по-прежнему искал глазами Арама... Он потерял себя — стал завсегдатаем бильярдных. Очень быстро, кстати, он сделался чуть ли не лучшим бильярдистом Тбилиси. У него ко всему были способности. Но что с ним теперь стало?

— А помните, тётя Женечка, как я те пять геймов сыграл? — говорит мне Витя при встречах и в очередной раз клянётся, что ради меня возьмёт себя в руки...

И вот что я ещё помню. Впервые увидев на корте Алика Метревели, Витя сказал без зависти:

— Это — единственный!»

А знаете, что из-за десятилетнего Алика Метревели Евгения Александровна и Арам Герасимович даже слегка поспорили.

— Какой мальчик! — воскликнула Евгения Александровна. — Я его себе заберу.

— Мальчик из сорок третьей школы, — сказал Арам Герасимович, — а эта школа — традиционно динамовская. И я, как старший тренер «Динамо»...

Но вечером они уже вместе обдумывали, как следует заниматься с этим мальчиком. У Хангуляна и Вермишевой всегда был «класс пасующихся». Пятилетние малыши ловили около корта бабочек и кузнечиков — жили своей жизнью около тенниса, невольно привыкая, присматриваясь к игре. Но Алик пришёл на корт лишь в десять лет, до этого он играл в футбол, в волейбол, но не в теннис.

Знакомя нового ученика с основными принципами выполнения теннисных ударов, Хангулян был особенно осторожен на этот раз, понимая, что излишним давлением и опекой легко повредить такой талант.

А «талант» оказался к тому же невероятным плаксом. Проиграет — и ревёт. Но проигрывал он всё реже. А уже в пятьдесят девятом году на школьной спартакиаде в Москве Алик, по мнению Хангуляна, начал счёт своим настоящим победам. Героем этой спартакиады был Нугзар Мдзинаришвили, а Метревели на призовое место ещё не претендовал. Его последняя игра с более взрослым и физически крепким Зайцевым ничего вроде бы не решала. Нугзар уже стал чемпионом, и Евгения Александровна и Арам Герасимович принимали поздравления, когда мать Нугзара (классическая теннисная мама — помните? — я рассказывала про таких мам) сказала, что Алик-то всё ещё играет с Зайцевым. И все поспешили на корт, где Алик уже почти три часа отчаянно бился с Зайцевым. В третьем сете при фантастическом счёте 22:22 Зайцев не смог продолжать игру — обессилел. После этого матча Алика впервые фотографировали как победителя.

Эту его победу я не видела, но — помните? — как в Северодонецке, на зимнем первенстве страны 1961 года шестнадцатилетний Метревели всех поразил, легко, красиво, будто на цыпочках, играя с опытным Фридляндом. Он тогда «набрал мастера» и телеграфировал об этом Хангуляну. И вот какую телеграмму получил в ответ: «Хорошо, Алик, держи курс на гроссмейстера».

Хангулян вспомнил историю, рассказанную ему в своё время Анри Коше. В Лионе, где рос Коше, жил некий теннисный меценат, который однажды сказал ему: «Ты можешь стать чемпионом города». А когда Коше стал чемпионом Лиона, его покровитель напомнил, что есть ещё чемпионат Франции. Коше выиграл и этот чемпионат, и тут строгий его покровитель сказал: «Хорошо, Анри, но ты должен стать первым в мире — только тогда мои надежды будут оправданы».

А оправдал ли Метревели надежды своего тренера?

Да, он сейчас сильнейший игрок страны. Да, на его счёту — целый ряд побед и над признанными зарубежными игроками. Да, он выиграл немало различных турниров. Но ни один из главных мировых турниров ему пока что выиграть не удалось. Может, Метревели просто не везёт? Выиграл же чехословацкий чемпион Кодеш, которого Метревели не раз побеждал, дважды первенство Франции! Я не случайно сравниваю Метревели с Кодешом, но, прежде чем продолжить это сравнение, возвращусь к событиям десятилетней давности.

Август 1962 года. Московский международный турнир. Метревели, которому ещё не исполнилось восемнадцати, играет с двадцатидвухлетним австралийцем Кеном Флетчером, который в тот год вошёл в восьмёрку сильнейших Уимблдона. Московский турнир на этот раз собрал многих восходящих «звёзд», и самые зрелищные встречи проводились не в теннисном городке Лужников, а на Малой арене. Ну а Флетчеру предложили играть с Метревели всё же в теннисном городке. Кто думал, что юный Метревели сможет бороться на равных с самим Флетчером?

И наши ведущие теннисные специалисты, и даже Евгения Александровна Вермишева со своим любимым репинчером Тутиком (маленькие умные собачки уже сменили неудержимо размножившихся попугаев), пребывали на Малой арене, где играл американец Фрёллинг, которого прочили в победители турнира, когда по радио объявили, что во встрече Флетчера с Метревели ведёт Метревели со счётом 2:1. Евгения Александровна ринулась с Малой арены и, увидев, как руководство нашей теннисной федерации торопливо садится в машину, втиснулась вместе с Тутиком в эту машину и у кого-то на коленях доехала до теннисного городка

А Арам Герасимович невозмутимо наблюдал, как Флетчер швырял мячи в раздражении и что-то выкрикивал, в то время как его Алик, которого Флетчер да и многие другие ещё считали мальчишкой, ощущал себя так, словно дорвался, наконец, до настоящей добычи и уже не должен был, просто не мог упустить эту победу.

И Алик эту победу не упустил, и она была признана сенсацией турнира. Вот тут Хангулян и счёл свою начальную миссию завершённой. Теперь, по его убеждению, для Алика было необходимо составить плотный график поездок — обыграть его на турнирах, которые традиционно собирают всю элиту мирового тенниса.

Аналогичная ситуация возникла и в чехословацком теннисе, когда началось восхождение Яна Кодеша. Нельзя забывать, конечно, что у чехословаков более богатые теннисные традиции, чем у нас. Чехословацкие теннисисты приезжали к нам ещё до войны, и победа Тепляковой во второй встрече с Киселовой была расценена как спортивный подвиг. А маленький Йожеф Сиба легко расправлялся со всеми нашими тогдашними чемпионами. Потом заиграл Ярослав Дробный — в 1954 году он победил в финале Уимблдона австралийца Розуола. Но после Дробного Чехословакия долго не имела игроков мирового класса. И когда Кодеш (он на два года моложе Метревели) фактически в одиночку выиграл в 1966 году командные юношеские соревнования на Кубок Галеа, чехословацкие тренеры не стали требовать от него новых скорейших побед, которые он мог бы уже добывать на различных второстепенных турнирах. Ставка сразу же была сделана на то, чтобы Кодеш стал первым игроком мира на земляных кортах (на траве Кодеш играет несколько хуже). И, разъезжая по всему миру в поисках встреч с сильнейшими любителями и профессионалами, Ян Кодеш достиг, наконец, такого высокого и стабильного класса игры, что дважды подряд становился обладателем неофициального титула чемпиона мира на земляных кортах (победы на чемпионате Франции 1970-1971 годов).

А мы удовлетворяемся тем, что в эти же годы Метревели побеждает на чемпионате Европы среди любителей, и возвещаем, что наш чемпион — сильнейший теннисист Европы. Но приходит время очередного чемпионата Франции, а затем — Уимблдона, и, читая в нашей спортивной прессе элегические отчёты с этих турниров, любители тенниса недоумевают: почему же сильнейшей теннисист Европы в очередной раз уступает знаменитым австралийцам и американцам, а, допустим, такие европейские игроки, как Кодеш или Нэстасе, играют с ними на равных?

Но зачем себя обманывать? Любительский чемпионат Европы не собирает сильнейших игроков континента. Дело в том, что в сегодняшнем теннисе игроки-любители разделяются на любителей, так сказать, чистых и «регистрированных». Понятие «регистрированного» игрока было введено в 1968 году, когда любителям разрешили играть с профессионалами, а это повело к тому, что в Уимблдоне и на многих других традиционных турнирах были резко повышены призовые вознаграждения. И тогда почти все сильнейшие

любители приняли статус «регистрированных», что позволяет им, оставаясь в ведении своих национальных федераций и защищая честь своих стран в Кубке Дэвиса, получать равные с профессионалами вознаграждения на турнирах. В отличие от чистого любителя, «регистрированный» игрок должен сам себя обеспечивать, выезжая на зарубежные турниры. Для игрока достаточно высокого класса тут нет никаких проблем.

А чтобы поддержать чистых любителей: и начинающих игроков, и всех остальных, которые почему-либо не захотели стать «регистрированными», Международная лаун-теннисная ассоциация и учредила, в частности, этот чемпионат Европы. И Кодеш и Нэстасе, как игроки «регистрированные», естественно, в нем не участвуют.

Про Кодеша я рассказывала. А кто такой Нэстасе? Чемпион Румынии — страны, теннисные традиции которой уже совсем скромны. Достичь вершин мирового тенниса в этом случае очень трудно, как бы ты ни был талантлив. Вот когда, скажем, в Австралии появляется новая теннисная «звезда», — это воспринимается как должное (никого не удивило, помню, что в финале Московского турнира 1962 года, на котором юный Метревели победил Флетчера, играл столь же юный тогда Джон Ньюкомб — нынешний трёхкратный чемпион Уимблдона!). Но Илие Нэстасе удалось выйти на первые роли в мировом теннисе с чисто австралийской стремительностью: в 1967 году он ещё только стал чемпионом Румынии, а по итогам 1970 года уже был назван шестым игроком мира. В 1972 году возглавляемая Нэстасе команда Румынии в третий раз выходит в челленджраунд Кубка Дэвиса. В 1972 году победитель многих турниров — как в Европе, так и в Америке, — финалист Уимблдона Илие Нэстасе уже бесспорно становится одним из лидеров мирового тенниса.

А Метревели ещё ни разу не был включён в мировую десятку. В отличие от Кодеша и Нэстасе, он по-прежнему не участвует в большинстве тех турниров, по результатам которых и составляется эта десятка.

Я не берусь утверждать, что Метревели должен непременно, как Кодеш и Нэстасе, стать «регистрированным» игроком. Но он непременно должен, как Кодеш и Нэстасе, участвовать во всех самых представительных турнирах. Другого пути, чтобы совершенствовать класс игры, для теннисиста нет.

Пора наконец понять, что если мы хотим от Метревели самых высоких побед, которые достойны его таланта и которые действительно могут прославить наш теннис, нельзя требовать от него бесконечных малых побед, в которых он себя лишь растрчивает.

Вот что необходимо сказать, прежде чем дать ответ на вопрос: оправдал ли Метревели надежды своего тренера? А на этот вопрос, я думаю, всего интереснее услышать ответ самого Арама Герасимовича Хангуляна.

«Вы же знаете, как Алик играет. Если судья засчитает ему спорный мяч, он сразу отдаст следующий мяч. Помните, как он несколько раз поступал так летом семидесятого года, играя на Малой арене с Кодешом? А ведь их встреча решала исход матча между нами и чехословаками на Кубок Дэвиса. Такой интересной игры на наших кортах никогда, по-моему, не было. И, помните, как в конце третьего сета Алик «сломал» Кодеша, каждый удар слева которого меня просто сражал? Этот удар Кодеша, как пуля — по прямой.

И всё равно я не могу сказать, что Алик оправдал мои надежды. Я так скажу — на сегодня не оправдал. Но он в этом не виноват. Как он рвался и рвётся в бой, а ему не дают ходу, посылают играть совсем не те турниры. Конечно, ему здорово помешала и эта футбольная травма. Но ему надо было играть в ту осень чемпионат Америки, а когда его не послали туда, он уехал к отцу на дачу и стал целыми днями играть в футбол с мальчишками...

Лучшую оценку таланта Алика дал трёхкратный чемпион Уимблдона Джон Ньюкомб: матч с Метревели в одной восьмой финала Уимблдона 1971 года Ньюкомб назвал самым трудным своим матчем за весь турнир. Я сам слышал по английскому радио эти слова Ньюкомба. Неужели я не дождусь того дня, когда услышу, что говорит Алик о своей победе?.. Да вы знаете не хуже меня, на какую победу он вправе рассчитывать!»

Казалось, 72-й год Метревели счёт для себя решающим. Он очень удачно начал год в Австралии, но затем настолько вышел из формы, что стал уступать игрокам более низкой классификации. В Париж Метревели приехал менее наигранным (в который раз!), чем его основные соперники. Однако он вышел в полуфинал. Победы Метревели ветерана Гимено (известного испанского профессионала, недавно вновь перешедшего в любители), он встретился бы в финале с молодым французом Пруази — игроком способным, но уступающим ему в классе. У тридцатипятилетнего Гимено тоже впервые в жизни появился реальный шанс стать чемпионом Франции. И, действительно, победителю этого полуфинала — Гимено в пятом сете все-таки переиграл Метревели — досталась победа и в финале. Хотя в Уимблдоне, как и год назад, Метревели уступил лишь будущему чемпиону (Стэну Смиту в четвертьфинале), это было слабым утешением — и на этот раз «поезд ушёл»...

Только в Донецке на чемпионате страны (а до этого он или вообще не играл, или так играл, что и вспоминать не хочется) я увидела прежнего Метревели и увидела, что решающий год у него ещё впереди.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Когда честолюбивый актёр Вильям Тильден всерьёз увлёкся теннисом, то он решил, что корт должен стать для него той сценой, где он сыграет свою самую главную роль. И он сыграл эту роль блистательно — роль Мистера Тенниса.

Он был свиреп на корте. В семь лет, когда ему только что дали в руки ракетку и разрешили бить по мячу, маленький Тильден сразу нашёл, с кем сразиться, и, как он потом вспоминал, «победил своего ненавистного противника со счётом 6:0, 6:0, 19:17».

Но, искусный актёр, Тильден всегда умел прикрыться улыбкой. Он будет советовать всем теннисистам: улыбайтесь почаще — ко всему прочему это создаст впечатление, что вы в себе уверены, что непременно должно смутить противника.

Однако в парной игре, стоило партнёру ошибиться или не понять его, Тильден обычно не мог совладать с собой. И, понимая, как плохо при этом он выглядит, Тильден избегал, когда мог, парной игры, а тем более микста. Он хотел всегда оставаться любимцем зрителей.

Мистер Теннис сказал однажды: «Если зрители оказывают честь игроку, присутствуя на его матче, игрок обязан стараться играть свободно, охотно и весело, ибо только так он может отплатить зрителям за оказанную ему честь».

Никаких новых ударов Тильден не изобрёл, но он был первым универсальным теннисистом. Как писал теннисный обозреватель тех лет: «Тильден — господин всех школ». Другое дело, что Мистер Теннис имел коронные удары. Но как же иначе? Так, подавая мяч, он мог послать его со скоростью 124 мили в час. А его удар справа, как полагают некоторые знатоки, не превзойдён и по сей день. Я в этом не очень уверена, но тут я смолкаю. Зачем разрушать легенду?

Тильден славен двумя великими единоборствами.

Первое единоборство он вёл много лет в финалах чемпионата США со своим другом Уильямом Джонстоном. Их называли: Большой Билл и Маленький Билл. И действительно, рядом с почти двухметровым, атлетически сложенным Тильденом хрупкий Джонстон, который весил менее шестидесяти килограммов, казалось, выглядел обречённо. Но Маленький Билл обладал в ту пору самым быстрым ударом в мире и готов был яростно, до потери сознания, биться с любым противником.

Тильден всерьёз заиграл ведь довольно поздно, и ему уже было двадцать шесть лет, когда в 1919 году он впервые встретился с Джонстоном в Форест Хилле (теннисный клуб в Нью-Йорке, где традиционно проводится чемпионат США). Джонстон, который был на год моложе Тильдена, уже побеждал на чемпионате США в 1915 году. И в первой их встрече Джонстон поверг Тильдена, быстро оценив, как и следует биржевому маклеру, каковым он был, что удар слева Большого Билла далёк от совершенства.

Целую зиму Тильден работал над ударом слева и следующим летом уже выиграл Уимблдон. Любопытно, что самым трудным его противником там оказался крохотный — ещё меньше Джонстона — японец Шимидзу, который обладал нечеловеческой волей и упорством и брал спокойно «самые мёртвые» мячи. И вот, выиграв Уимблдон, Тильден вновь встречается в Форест Хилле с Джонстоном.

Игра шла очко в очко, но при счёте 3:3 в пятом сете Джонстон упал, вконец обессиленный, и пришлось вызывать врача.

Их великое единоборство в финалах чемпионата США длилось по 1925 год. И, в конечном счёте, Джонстон всегда уступал. Но только однажды — причём это было в 1923 году, когда Джонстон выиграл Уимблдон, — он не смог оказать Тильдену достойного сопротивления и проиграл за 53 минуты, хотя в этой игре Джонстон шёл, как всегда, к сетке, а Тильден не покинул ни разу заднюю линию.

Был финал, когда Джонстон, казалось, вот-вот победит. Атакуя в решающем сете, он посылает недосыгаемый мяч — косою, с лёта! — но Тильден берет этот мяч в шести метрах сбоку от корта и возвращает его, да как! Мяч Тильдена летит сбоку от сетки между столбом и стулом арбитра — такой удар даже великому игроку удаётся, быть может, раз в жизни. Джонстон был так потрясён этим ударом, что не смог продолжать игру.

Джонстон сказал, наконец, что если уж сам он не может быть первым, то пусть будет первым Тильден — и никто другой.

В 1920 году оба Билла, представляя Соединённые Штаты в Кубке Дэвиса (фактически, это командное первенство мира среди мужчин, оно проводится с 1900 года), разгромили в челленджраунде австралийцев, победив и во всех четырёх одиночных, и в парной встрече, и вернули Кубок в Америку. И если Соединённые Штаты владели Кубком Дэвиса по 1926 год, то, прежде всего благодаря Тильдену и Джонстону.

Во втором великом единоборстве Тильдену противостоял Жан Боротра — один из трёх, вернее, четырёх «мушкетёров», которые в двадцатые годы снискали славу французскому теннису.

Я ещё расскажу о Боротра подробнее, как и об остальных «мушкетёрах»: Коше, Лакосте и Брюньоне, — но сейчас важно отметить, что Боротра, как и Тильден, слыл любимцем зрителей. Но если Тильден, играя на зрителя, никогда не снимал маску героя, то Боротра был готов на любую выходку, не боясь даже выглядеть клоуном, лишь бы привлечь внимание. Тут уж Мистер Теннис не мог смириться и поклялся, что Боротра будет всегда им бит.

Лакост пишет, что Боротра бежал к сетке с такой стремительностью, что приходилось опасаться: а вдруг он не сможет вовремя остановиться? И если бы не существовало свечи, полагает Лакост, Боротра был бы непобедим — он стоял бы вплотную у сетки и перехватывал все мячи.

Тильден как раз свечой и воспользовался. Сошлюсь вновь на Лакоста: «Тильден владеет свечой исключительно хорошо. Он посылает мяч с большой точностью и так, что заранее нельзя предугадать, даст ли он драйв или свечу. Этим свечам, скорее чем своим знаменитым сильным и низким ударам, обводящим противника, он обязан своими почти заранее предрешёнными победами над Боротра».

В 1926 году Тильден побеждает Боротра в Кубке Дэвиса, в 1928 году — в Уимблдоне, хотя Боротра никак не хотел проигрывать и после каждого сета ещё ниже натягивал на лоб свой знаменитый берет. Эту игру с беретом Тильден ненавидел особенно

В тридцатом году Мистер Теннис — ему было уже тридцать семь лет! — вновь приехал в Европу и успешно сыграл весной на Ривьере. Его стиль стал более агрессивен, чем прежде, — так он пытался преодолеть возраст. Но основной ставкой Тильдена был Уимблдон, который он выигрывал дважды, но это было давно: в 1920 и 1921 годах.

И в полуфинале Тильден вновь сошёлся с Боротра, который был на шесть лет моложе и который был не прочь в третий раз выиграть Уимблдон.

Боротра начал игру столь яростно, что в первых семи геймах Тильден ничего не мог сделать. Как писалось в газетном отчёте тех лет: «Тильден с равным успехом мог бы запрудить океан шваброй». Но, наконец, разъярённый аплодисментами, которыми зрители щедро одаривали Боротра, Тильден перехватывает игру. Перед третьим сетом при счёте 1:1 Тильден просит Боротра не злоупотреблять дозволенными паузами — не ходить так часто к столику, где лежит его полотенце, и не утирать так подолгу лицо. Боротра принимает этот упрёк и тут же, к восторгу трибун, просит мальчика, подающего мячи, носить ему полотенце на заднюю линию. Тильден раздражён: смех трибун для него — высшая пытка. Боротра выигрывает третий сет и намеренно быстро отдаёт четвёртый, чтобы отдохнуть перед решающей борьбой.

В последнем сете Боротра ведёт 4:2, но Тильден, сохранив силу подачи и всё удачнее пользуясь обводкой, сравнивает счёт и уже сам выходит вперёд — 5:4. Наступает момент, когда свеча Тильдена, кажется, должна решить исход встречи, но Боротра сильным смехом убивает эту свечу. Боротра удаётся сравнять счёт, но тут силы покидают его, и Тильден, уже не пользуясь свечами, сам идёт к сетке — и побеждает. В финале (челленджраунд был уже отменен) он выигрывает в трёх сетах у Аллисона.

Сложная игровая ситуация обычно лишь бодрила Тильдена. Он даже сам иногда создавал сложные ситуации, чтобы эффектно из них выпутаться. Но в конце двадцатых годов, играя против Коше и Лакоста, Тильден всё чаще попадает в сложные ситуации, из которых уже не может выпутаться.

И, выиграв в третий раз Уимблдон, Тильден уходит в профессионалы. Вскоре к нему присоединится и Коше, который объяснит своё решение тем, что ему скучно, когда он не играет с Тильденом. И теперь они странствуют по всему свету, досыта играя друг с другом.

В возрасте пятидесяти лет Тильден ещё готов бросить вызов любому чемпиону на матч из трёх сетов. А в пятьдесят три года он спросит у Фреда Перри: «Как овладеть новомодным континентальным ударом справа?»

Тильден умер в 1953 году в своём голливудском доме. Последнюю книгу о теннисе, которую Тильден успел завершить, он посвятил Вильяму Джонстону.

И на корте и вне корта Тильден вёл себя так, словно заранее знал, что о нем сложат легенды. Был отчаянным курильщиком и любил бешено гнать машину. Перед игрой обычно съедал огромный бифштекс. А играл Мистер Теннис ракеткой, которая была чуть ли не легче дамской.

И только, по мнению Сюзанны Ленглен, Мистер Теннис был игроком заурядным. Обиженный Тильден даже позволил себе написать, что Сюзанна смотрит за мячом лишь одним глазом, а другой её глаз всегда устремлён на зрителей.

Что говорить, характер Сюзанны сложен: её темперамент был безудержен — Тильден в сравнении с нею выглядит пай-мальчиком, — и вообще ей было свойственно трагическое мироощущение, что и окрасило в соответствующие тона её главные матчи.

Ее величают и «Королевой тенниса» и «Ленглен-легендой». Сюзанна Ленглен признана самым великим игроком за всю историю женского тенниса. Помните, я рассказывала о решительных притязаниях юной Шарлотты Дод играть в мужском стиле? Но когда это было? Ещё в прошлом веке, когда братья Реншоу только учились бить смэш. А в двадцатые годы, когда уже складывалась современная мужская игра, Сюзанна Ленглен убедительно доказала, что этой игрой, настоящими подачами, «мёртвыми» смешами и завершающими ударами с лёта у сетки может в совершенстве владеть и женщина.

И она оставалась на корте предельно женственной. её теннис был не только мощнее, но и артистичнее, тоньше, чем у её предшественниц. А прыгала Сюзанна совсем как балерина, и её называли ещё «Анной Павловой тенниса».

Я уже рассказывала, что ещё в начале века женщины играли в теннис в длинных, до полу, юбках и в блузках с длинными рукавами. Сюзанна ниспровергла старую моду. В 1919 году, поражая чопорных англичан, она появилась в Уимблдоне в короткой юбке, рукава её

блузы были тоже укорочены. А на следующий год Сюзанна вышла на центральный корт Уимблдона и без традиционной белой шляпки, заменив её цветной лентой. Бриллиантовая булавка завершала её причёску.

И теперь уже год за годом чемпионка Уимблдона Сюзанна Ленглен привозит в Лондон последнюю парижскую моду. И лондонские дамы, которые увлекаются теннисом, а также и те, которые от тенниса далеки, только и спрашивают: «А в какой юбке вчера была Сюзанна? В плиссированной или прямой?»

Так вот в девятнадцатом году, впервые появившись в Уимблдоне и вообще впервые выйдя на травяной корт, Сюзанна сразу же всех победила. В челленджраунде она встретилась с Доротеей Ламберт-Чэмберс (Дуглас) — семикратной довоенной чемпионкой и, по тогдашнему мнению, лучшей теннисисткой всех времён. В четвёртом номере российского «Лаун-тенниса» за 1914 год можно познакомиться с характерными рассуждениями семикратной чемпионки Уимблдона, которыми она поделилась на Ривьере с чемпионкой России Людмилой Изнар: «...даме достаточно уметь защищаться у сетки, делать же из своего удара с лёта орудие атаки — это по меньшей мере неосторожно и при равных силах всегда ведёт к верному поражению».

Но тогда против двадцатилетней Сюзанны опытная Ламберт-Чэмберс (она впервые победила в Уимблдоне ещё в 1903 году!) сыграла, как она сама сказала, в свой самый лучший теннис. Эта встреча считается самым упорным единоборством за всю историю женского Уимблдона.

После долгой и изнурительной борьбы Сюзанна выиграла первый сет со счётом 10:8, и быстро отдала второй сет. Казалось, что у Ламберт-Чэмберс сил больше, чем у Сюзанны. Но перед третьим сетом папа Ленглен кинул Сюзанне кусок сахара, смоченный коньяком, и это сразу прибавило сил Сюзанне, и она повела 4:1. Однако семикратной чемпионке удалось вновь сломить ход игры, и вот она уже ведёт 6:5 и 40:15. Удастся ли юной француженке отыграть два матчбола? Сюзанна посылает глубокий драйв под правую руку соперницы и бежит к сетке, но Ламберт-Чэмберс обводит её свечой, и, когда мяч, казалось, уже миновал Сюзанну, она, отступив, всё же дотянулась до него чуть ли не ободом ракетки. Затем она отыграла и второй матчбол. Неимоверно удивлённая случившимся Ламберт-Чэмберс, однако, борется ещё яростнее. Когда со счётом 9:7 Сюзанна, наконец, побеждает, Ламберт-Чэмберс говорит, что она проиграла «при равных силах» и что на следующий год непременно попытается взять реванш.

И действительно, в 1920 году они вновь встретились в челленджраунде, но борьбы на этот раз не было — Сюзанна победила со счётом 6:3, 6:0.

Друзья Сюзанны упрекали Шарля Ленглена, её отца и тренера, в том, что он истязает дочь зверскими тренировками, но как раз эти постоянные и даже по современным понятиям плотные тренировки и давали Сюзанне уверенность, что она никому и никогда не уступит. Она готова уже дать фору +30 любой сопернице — у неё уже нет соперниц ни во Франции, ни в Англии. Тильден утверждает, правда, что новая чемпионка Соединённых Штатов Молли Меллори побьёт Сюзанну, но Молли почему-то не спешит приехать в Европу.

Осенью 1921 года Сюзанна сама едет в Нью-Йорк, рассчитывая встретиться с Молли на чемпионате США. Шарль Ленглен раздосадован этой поездкой: Сюзанна только что перенесла тяжёлый приступ астмы, и выдержит ли она этот изнурительный турнир, который проводится в непривычно короткий для европейцев срок?

— Я выиграю шесть ноль, шесть ноль, — говорит Сюзанна Тильдену в день финальной встречи с Меллори.

— Никогда! — отвечает Тильден.

Молли Меллори отличалась поразительной неутомимостью. И Сюзанна, действительно обессиленная непривычной турнирной нагрузкой, стала терять свою игру и отдала первый сет 2:6.

Молли берет на своей подаче и первый гейм второго сета. Зрители подбадривают свою чемпионку, и вот она уже выигрывает мяч, поданный Сюзанной. Нервно покашливая, Сюзанна возвращается на линию подачи и... делает двойную ошибку.

Она в истерике:

— Я не могу продолжать. Я действительно очень больна.

Они встретились вновь спустя год — в финале Уимблдона. Молли боролась отчаянно, много бегала, но не прошло и получаса, как всё было кончено. Сюзанна победила — 6:2, 6:0.

Когда они сошлись у сетки, Сюзанна сказала:

— Теперь вы знаете, что я в Америке была действительно больна?

И соперницы сделали вид, что обмениваются дружеским рукопожатием (они встретятся вскоре ещё раз, в Ницце, и Сюзанна обыграет Молли уже «под сухую», причём на второй сет ей хватит семи минут!).

А болезни Сюзанну преследовали: то астма, то желтуха...

В двадцать четвёртом году она явилась в Уимблдон в совершенно лихорадочном состоянии. Но это не сказывалось на её игре, пока в четвертьфинале Сюзанна не встретилась с американкой Элизабет Райан — ближайшей своей подругой, с которой ещё с четырнадцатого года и с неизменным успехом она играла пару (Райан, между прочим, участвовала в открытом чемпионате России 1914 года и, легко победив, дала хороший урок тенниса нашим российским дамам). Райан славилась как парный и микстовый игрок, но, выходя против Сюзанны, всегда быстро ей уступала.

А теперь Райан берет второй сет, да и третий сет достаётся Сюзанне в борьбе — 6:4. Надо знать, что Сюзанна проиграла в Уимблдоне всего лишь два сета! Один — в девятнадцатом году Ламберт-Чэмберс, и вот второй...

Это сочли величайшей сенсацией. А с Сюзанной вновь случилась истерика. Элизабет пыталась утешить подругу, но Сюзанна повторяла, что жизнь её теперь кончена. В тот же вечер её доктор настоял, чтобы Сюзанна прервала турнир и немедленно возвратилась в Париж.

Шарль Ленглен, однако, сказал журналистам:

— Сюзанна ещё вернётся и будет играть лучше, чем прежде.

И на следующий год Сюзанна действительно потрясла Уимблдон, отдав за весь турнир лишь пять геймов!

А в Америке между тем появилась новая чемпионка. Молли Меллори проиграла юной Элен Уилс. Все ждали теперь: когда же встретятся Элен и Сюзанна? Но они как будто избегали друг друга, и это лишь подогревало страсти.

Наконец, в начале 1926 года Элен Уилс приехала с мамой на Ривьеру. И Сюзанна незамедлительно последовала на Ривьеру, но, едва приехав, заболела. Хотя газеты писали, что Элен и Сюзанна уже безумно враждуют, на самом же деле с первого дня знакомства они прониклись взаимной симпатией.

В феврале они сошлись, наконец, в финале традиционного Карлтон-турнира в Каннах.

Ажиотаж вокруг матча был велик. Поклонники Элен спешили в Канны из-за океана. А поклонники Сюзанны явились в таком количестве, что им пришлось располагаться и на деревьях, окружающих корты «Карлтон-отеля».

Сюзанна провела бессонную ночь и, выйдя на корт, не могла скрыть волнения. Элен, напротив, держалась бесстрастно.

Я читала отчёты об этом историческом матче и во французских, и в английских книгах. Теннисные обозреватели подробно рассказывают, как после первого сета Сюзанна была вынуждена подкрепиться глотком бренди; как в середине второго сета она уже совсем «умирала» на корте; и как, имея на счёте 6:5 матчбол, она попыталась завершить игру одним эффектным ударом, но Элен достала мяч и ответила длинным драйвом — таким длинным, что зрители закричали «за!» и бросились поздравлять Сюзанну, но судья на линии пробился к судье

на вышке и убедил его, что мяч был хорош; и как было трудно Сюзанне начать всё заново; она всё чаще ошибается, но всё чаще ошибается и Элен, и, наконец, Сюзанна всё же побеждает и, рыдая, прячет лицо в цветы, которыми осыпают её поклонники. Эмоциональный накал этой встречи был столь велик, что и Элен и Сюзанна не смогли, очевидно, сыграть в свой самый лучший теннис — в тот теннис, которым никто из женщин, кроме них, когда не владел. Достаточно сказать, что первые шесть геймов они лишь обменивались драйвами, не рискуя играть с лёта. Этот матч вошёл в историю, скорее всего потому, что Сюзанне Ленглен и Элен Уилс не пришлось больше встречаться на корте.

Летом Сюзанна уже поссорится с организаторами Уимблдонского турнира. Это случится в первую среду турнира, когда королева Мария специально приедет смотреть Сюзанну, а та опоздает на игру, её отчитают, она сочтёт себя обиженной, и королева Мария сочтёт себя обиженной...

Боротра, которому в тот же день предстояло играть микст с Сюзанной, метался между своей партнёршей и королевой Марией, тщетно пытаясь уладить конфликт, а потом, уже на корте, исчерпал все свои трюки, пытаясь восстановить контакт Сюзанны со зрителями, которые приняли сторону королевы. Сюзанна впала в почти невменяемое состояние, и после игры Боротра посоветовал ей покинуть турнир, а на следующий год, дескать, всё уладится...

Однако Сюзанна решает покинуть Уимблдон навсегда и впредь вообще не играть ни в каких турнирах. Она расходовала в борьбе на корте слишком много не только физических, но и духовных сил...

В том же двадцать шестом году некий ловкий антрепренёр предложил Сюзанне большое профессиональное турне, в котором она смогла бы продемонстрировать свой самый лучший теннис. Сюзанна обрадовалась:

— Наконец-то я смогу получить удовольствие от игры в теннис!

Но очень быстро она убедилась, что никакого удовольствия от этой хорошо оплаченной, но лишь развлекательной и потому пустой для неё игры она не получает. Да и Мери Браун, партнёрша Сюзанны, была заведомо слабее её, и, уже выходя с Мери Браун на корт, Сюзанна откровенно скучала.

Эта первая в истории тенниса профессиональная группа включала также сильного американца Винсента Ричардса и француза Поля Фере, который ушёл в профессионалы, чтобы забыться после потери красавицы жены. Фере первым покинет группу, сдаст французской федерации тенниса деньги, которые он заработает в этом турнире, и вновь получит статус любителя.

Наследуя профессию отца, Сюзанна открывает в Париже теннисную школу. И когда однажды она вновь появляется в Уимблдоне, но уже как знаменитый тренер, её встречают торжественно, как в прежние победные годы, — конфликт давно забыт. Да и Сюзанна уже не подвержена былым страстям. Когда Сюзанны не станет, Тильден напишет: «После того как её теннисные дни закончились, я нашёл, что она остроумная, очаровательная женщина».

В начале 1938 года Сюзанна Ленглен в очередной раз тяжело заболела и летом, как раз в дни Уимблдона, умерла. Она была посмертно награждена высшей наградой Франции — орденом Почётного легиона. Теннисисты скорбно прощались с Сюзанной — последние слова произнёс Боротра, вместе с которым Сюзанна играла свой последний матч в Уимблдоне.

В те дни, когда Сюзанна лежала уже без сознания, Элен Уилс, которая взяла фамилию мужа — Муди, в восьмой раз выигрывала Уимблдон. Этот рекорд Элен Муди не побит и по сей день.

Но в отличие от Сюзанны Элен не была признана теннисным гением. её называли «Двухсетовая Элен» — при том темпе игры, который она предлагала, ей было достаточно двух сетов, чтобы победить кого угодно. Но со временем её «холодные» победы — Элен никогда не

давала волю эмоциям — всех утомили, и некоторые даже злорадствовали, когда в тридцать девятом году её укусила за правую руку собака, и ей пришлось изменить хватку ракетки, и прежней «Двухсетовой Элен» уже не стало.

Если Сюзанна целиком выразила себя в теннисе, да так ярко, обнажённо, как мало кому дано в чем-либо себя выразить, то Элен даже в годы своих побед не ограничивала жизнь только теннисом. Она занималась живописью. Известна её дружба с Бернардом Шоу.

От неё ждали, что она станет «второй Сюзанной», а когда обнаружилось, что быть «второй Сюзанной» ей не дано, тогда-то её победы и начали утомлять. Известен такой эпизод. В тридцать первом году Элен решила играть Уимблдон без чулок (что было в то время столь же не принято, как до Сюзанны — выйти без белой шляпки), но в ложе появилась королева Мария, и Элен, смутившись, исчезла в раздевалке и вновь появилась на корте уже в чулках. И здесь она уступила Сюзанне. Впрочем, сама Элен никогда и не сравнивала себя с Сюзанной, а, напротив, она говорила, что если бы о Сюзанне был снят фильм, она могла бы смотреть этот фильм каждодневно, учась по нему играть в теннис.

Пока Тильден, дважды выиграв Уимблдон и рассудив, что не следует утомлять себя дальнейшими поездками в Европу, предпочитал играть в бридж, сочинять пьесу и побеждать в Форест Хилле Джонстона, щедро оставляя тому возможность утешаться на европейских турнирах, так что, казалось, в мире нет игроков, равных этим американцам, которые завладели уже и Кубком Дэвиса, так вот в эту пору — шёл 1924 год — Сюзанна Ленглен приехала в Уимблдон в компании двух соотечественников.

С Жаном Боротра вы уже немного знакомы. Второй француз был совсем юн — он только что отметил своё девятнадцатилетие — и звали его Рене Лакост. И если Сюзанна — помните? — не доиграла тот Уимблдон, то Боротра и Лакост, уверенно всех побеждая, вышли в финал. И Боротра стал первым французом, выигравшим Уимблдон.

И на следующий год они разыграли между собой финал Уимблдона. На этот раз победил Лакост. Уимблдон 1925 года был уже целиком французским: трижды победила Сюзанна (в миксте её партнёром был Боротра), а среди мужских пар сильнейшими оказались Анри Коше и Тото (Жан) Брюньон. Так «мушкетёры»: Коше, Лакост, Боротра и Брюньон — окончательно завладевают Уимблдоном. Но прежде чем рассказывать об их дальнейших успехах, попробуем разобраться: что же они привнесли в теннис?

Анри Коше. Родился в 1901 году в Лионе. В 1922 году впервые стал чемпионом Франции. Про Коше говорили, что он играет, как дышит, — так легко и непринуждённо он держался на корте. Как и Тильден, Коше уже был современным универсальным игроком.

Коше полагает, что в каждом человеке уже заложен способ, которым он будет играть, как только возьмёт в руки ракетку. Надо только как можно раньше открыть этот способ и совершенствовать его. Так сам Коше, открыв, что он обладает рефлексамми более быстрыми, чем многие теннисисты, всю свою игру подчинил ведущему принципу: «Ближе к мячу, ещё ближе, всегда ближе». Занимая на корте резко выдвинутую позицию, Коше был убеждён, что будущее — за такой игрой. Что ж, он не ошибся.

Игровая философия, которую предлагает Коше, выглядит так: «И вот турнир окончен. Вы выиграли, а может быть, и проиграли. Не радуйтесь чрезмерно первому и не страдайте по поводу второго. Будут другие соревнования. Будет много случаев для выигрыша и ещё больше... для проигрыша». Прекрасная философия. её, очевидно, легко придерживаться, когда знаешь, что тебе нет равных.

Рене Лакост. Родился в 1905 году в Париже. Уже добившись признания, он скажет: «Искусство игрока зависит значительно больше от продолжительности и регулярности тренировки, чем от природных качеств».

В детстве он был слаб и лимфатичен. Но тренировки, которым подвергал себя Лакост, удивляют даже сегодня, когда изменились все представления о пределах тренировочных нагрузок. Ежедневно, после долгого пребывания на корте, он часами бил мячом о стену своего дома — эту стену его родители каждый год заново штукатурили. Он и вечерами не расставался с ракеткой, проверяя перед зеркалом

правильность своих движений. Ему, правда, мешала лампочка, висевшая поблизости, но когда стало ясно, что у него плохая подача, лампочка была разбита, а подача — спасена.

Лакост никогда не пользовался лифтом — бегая по лестницам, укреплял ноги. Чтобы ноги действительно укреплялись, он предпочитал навещать только тех друзей и знакомых, которые жили не ниже шестого этажа.

Столь же тщательно, как руки и ноги, Лакост укреплял и нервы. Он говорил, что спокойствие — не врождённое качество, его тоже надо культивировать. Послушайте один из его советов: «Не надо раздражаться, например, если главный судья назначает вашего злейшего врага судить игру. Внушайте себе, что он будет стараться судить беспристрастнее, чем какой-либо посторонний человек». Когда на кортах темнело, Лакост убеждал себя, что противник видит хуже, чем он. Когда публика аплодировала противнику, он заставлял себя верить, что подбадривают слабейшего.

Лакост вообще умел не замечать зрителей. Ему было неважно: любят его на трибунах или не любят. Он мог вдруг специально проиграть, следуя своей теории: «Лучшее средство возбудить в себе желание победы — это время от времени быть побитым». К этому остаётся добавить, что на каждого игрока, с которым он ожидал встретиться, Лакост вёл подробнейшее досье.

И, наконец, он сделал из себя, говоря словами Тильдена, «великолепную машину, обладающую холодным спокойствием и мужеством бойца». Тонко чувствуя мяч, имея надёжный удар слева, Лакост предпочитал играть на задней линии. Его можно назвать агрессивным защитником. Своей расчётливой, безошибочной игрой он мог повергнуть противника в состояние полной безнадёжности.

Жан Боротра. Родился в 1898 году в Стране басков. И в теннисных отчётах его часто называли просто «баск» или «скачущий баск». До сих пор, играя чемпионат Франции (он выбирает хорошенькую партнёршу и записывается в микст), Боротра по-прежнему бьёт с лёта в немыслимых прыжках. Мне было жутковато смотреть, как носится и прыгает с ракеткой старый Боротра, но в своё время эти его прыжки и безумная скорость — молодой Боротра мчался к мячу со скоростью экспресса — совершенно обескураживали многих игроков.

Приведу мнение Тильдена — того самого Тильдена, который умел побеждать Боротра: «У меня нет ни малейшей возможности дать техническое описание манеры игры Боротра. Можно только сказать, что игра его ослепительна, это действительно игра, а не труд или ремесло». Да, Боротра — игрок вдохновения. Но в теннисные учебники вошёл лишь его удар с лёта. «Его удар кистью, сухой и точный, является моделью, — писал Коше. — Но я не рекомендую копировать его удар слева. Он совсем неплох, наоборот, он превосходит... для Боротра; но для другого он представил бы непреодолимые трудности». Его удар слева был убийственен, как удар сабли, но Боротра делал его, выворачивая локоть, той же стороной ракетки, что и удар справа! А своей странной подачей Боротра был и сам всегда недоволен. Он до сих пор над нею работает.

Но не только удары с лёта в прыжках и скорость предопределяли его успехи. Он идеально чувствовал мяч и корт и, наконец, был величайшим тактиком. Мгновенно обнаруживая слабые места противника, Боротра не спешил воспользоваться своей проницательностью. Лакост рассказывает, как однажды, выйдя против Боротра, он не был уверен в ударе слева. И Боротра, играя Лакосту под левую руку только решающие мячи, так и не позволил ему «прибиться» слева, что и решило исход встречи. Боротра любил навязывать рваный, изматывающий темп игры. Он то «засыпал» на корте, то ошеломлял противника неожиданным «пробуждением»...

Жак Брюньон. Родился в 1895 году в Париже. Признан одним из величайших парных игроков за всю историю тенниса. Брюньон блистательно дополнял Коше и Боротра, а в миксте — Сюзанну Ленглен. Достаточно упомянуть, что он четырежды выигрывал Уимблдон (дважды с Коше и дважды с Боротра).

Брюньон славился великолепной подачей — лучшей подачей в самый крест. И вообще он играл артистично и разнообразно, но ему не хватало игрового характера, чтобы держать нить игры и реализовать свои возможности. Тото (так все зовут Брюньона) всегда был

любимцем компании, он из тех людей, которые рождены для идеальной дружбы. Эти черты и предопределяли его взаимопонимание с партнёром на корте. Он стремился искусно и разумно разыграть мяч и вывести Коше или Боротра на эффектный завершающий удар.

Вот что пишет Коше: «Нам посчастливилось, Брюньону и мне, одержать немало побед в парной игре. Я говорю «мы», так как это единственное выражение, которое может приблизительно выразить то, что я хочу сказать. На самом деле, не Брюньон и я одерживали победу, а пара, которую мы составляли. А это не совсем одно и то же. Я подчёркиваю эту разницу, так как убеждён, что понимание, полное содружество, одинаковое направление мыслей, одна и та же тактика были основными причинами нашего успеха».

Теперь, представив «мушкетёров», можно рассказывать, наконец, и о некоторых их «подвигах». В 1925 году, блистательно сыграв в Уимблдоне, они вознамерились было завладеть и Кубком Дэвиса, но в решающей встрече были жестоко биты Тильденом и Джонстоном.

На следующий год вся четвёрка вновь является в США. И хотя французы вновь проигрывают с крупным счётом (1:4), но Мистер Теннис впервые уступает Месье Крокодилу (так звали Лакоста, который, увидев на витрине одного из нью-йоркских магазинов игрушечного крокодила, сделал изображение этого крокодила своей эмблемой). В тот год Лакост не ездил в Уимблдон, предоставив его выигрывать Боротра, Коше и Брюньону, что они и сделали. Лакост был травмирован поражением, которое он потерпел в мае на чемпионате Франции от Коше, и всё лето упорно тренировался, совершенствуя свою форму. И в Соединённые Штаты Лакост приехал в прекрасной форме и уверенно навязал Тильдену свою игру. Раз за разом он кидал остро плассированные мячи, не давая Тильдену занять позицию, удобную для атаки. И впервые за много лет Тильден вдруг почувствовал себя на корте неуютно.

А вскоре — и тоже впервые за много лет — Тильдену не пришлось играть в финале чемпионата США и традиционный матч с Джонстоном.

Ни Тильден, ни Джонстон не дошли до финала, причём Тильден на этот раз уступил Коше. А героем турнира стал тот же Лакост. Сначала он победил Коше, играть против которого медленно, как он играл против Тильдена, было нельзя, и Лакост бил по мячу изо всех сил, опережая Коше в атаке, а затем, в финале, он превзошёл и Боротра — самого трудного и неудобного для себя противника. И хотя Кубок Дэвиса остался в Соединённых Штатах, а свои некоторые неудачи Тильден мог объяснить тем, что был слишком занят в театре (он играл в своей пьесе) и мало тренировался, но тем не менее, едва начался летний сезон 1927 года, Тильден направился в Европу. В Париже ему удалось взять реванш у Коше, но Лакосту он вновь проиграл.

В полуфинале Уимблдона Тильден ведёт на своей подаче против Коше 2:0 и 5:1 и всё же уходит с корта побеждённым. Как писал теннисный обозреватель тех лет: «Франция взяла игру, которая казалась заказанной, упакованной и доставленной в Америку». Что же произошло в тот день на центральном корте Уимблдона?

Тильден весело, легко «пробивая» Коше, выиграл первый сет. Во втором и третьем сетях Коше сопротивлялся упорнее, но Тильден продолжал энергично набирать очки, пока не довёл игру до матчбола. И тут Коше решился, как многим казалось, на авантюру. Он сделал несколько шагов вперёд и, готовясь принять решающий мяч Тильдена, замер у самого поля подачи. Такого эффектного приёма подачи — Коше убил этот мяч ударом с полулёта — Уимблдон ещё никогда не видел. Тильден потом говорил, что он не сдавался до самого конца игры. И действительно, когда у Тильдена вдруг пропал его коронный драйв, он стал подрезать, укорачивать, по-прежнему отчаянно атакуя. Но Коше, спасая тот матчбол, заиграл столь вдохновенно, что Тильден уже ничего не мог сделать. «Анри, который побил меня в моей лучшей форме», — так будет теперь говорить о Коше Тильден.

В тот же год «мушкетёры», наконец, завладели и Кубком Дэвиса. Тут вновь отличился Лакост, которому удалось победить и Тильдена и Джонстона. Тильдену оставалось утешиться лишь тем, что на Кубке Дэвиса он взял у Коше реванш за поражение в Уимблдоне. И три последующие года, регулярно привозя американскую команду в Париж, Тильден вынужден был утешаться то одиночной победой над Боротра, то, наконец, над Лакостом, но отнять Кубок Дэвиса у «мушкетёров» американцы уже не могли.

В 1931 году в отсутствие Тильдена, который сделался профессионалом, американцы не пробилась даже в челленджраунд, и в Париж приехали англичане Фред Перри и Банни Остин. Но им суждено завладеть Кубком Дэвиса лишь через два года, а прежде «мушкетёры» совершат свой последний великий подвиг, побив в 1932 году ещё раз американскую команду во главе с новым чемпионом Уимблдона Элзвортом Вайнсом, которого величали «вторым Тильденом».

Я познакомилась с Вайнсом в 1962 году в Нью-Йорке на приёме, который давался в честь участников чемпионата США. Вайнс выглядел молодо, держался мило; разговаривая с ним, я испытывала лишь одно неудобство — Вайнс очень высок. До сих пор помню его мышинного цвета костюм из толстой шерстяной фланели, в которой я была вынуждена утыкаться глазами. Вайнс удивлённо переспрашивал:

— Как, вы знаете моё имя?

О своей былой теннисной славе он отзывался не без иронии: так, дескать, развлекался в молодости. Но хотя теннисная биография Вайнса непродолжительна, он успел утвердить совершенно новый стиль игры.

Он упростил игру Тильдена — бил по мячу лишь плоско, но очень сильно. Ударов такой силы и быстроты теннис до Вайнса не знал. В дальнейшем теннис вновь усложнится, но с учётом всего того, что привнёс в него Вайнс, а в 1932 году двадцатилетний Вайнс с первой попытки выиграл Уимблдон, не потеряв ни одного сета. Его противник в финале англичанин Банни Остин говорил, что он видел, как Вайнс замахивается ракеткой, но мяч, посланный им, лишь слышал...

С этим устрашающим Вайнсом и его достойными партнёрами Аллисоном и Ван Райном и предстояло встретиться в 1932 году «мушкетёрам» в решающем матче на Кубок Дэвиса. К тому времени «мушкетёры» уже принадлежали истории, а на кортах утверждалось поколение Вайнса и Перри. Да уже и не было былой четвёрки — как ни укреплял Лакост своё здоровье, оно всё же его подвело. Поначалу лишь Коше и Брюньон были готовы сразиться с американцами, а Боротра тоже отказывался. В тот год он, правда, выиграл вместе с Брюньоном парный финал Уимблдона, но в одиночном разряде в числе фаворитов не был. Неудачно играл Боротра и предыдущий раз в Кубке Дэвиса — уступил и Фреду Перри и Банни Остину. Если бы не Коше, Кубок уже хранился бы в Лондоне. Долго уговаривали Боротра в последний раз защитить честь Франции, и наконец он согласился и начал усиленно тренировать на Ролан Гарросе свою злополучную подачу, которая в сравнении с подачей Вайнса выглядела уже совсем курьёзно.

А Коше отправился дней на десять в деревню, чтобы вдали от всяческих дел и волнений обрести душевное равновесие. Однако устоять против Вайнса Коше не смог. Французы считали, что Коше всё же в лучшей форме, чем Боротра, и заявили его партнёром Брюньона, но эта когда-то знаменитая пара проиграла Аллисону и Ван Райну. Коше удалось победить лишь в одиночной встрече с Аллисоном.

Зато Боротра победил и Вайнса и Аллисона. Играя с Вайнсом, он то бежал к его быстрым мячам со скоростью, которая поражала даже тех, кто помнил «баска» в его лучшие годы, то «повисал» на сетке и не просто перехватывал мячи Вайнса, а отвечал так, чтобы выбить его с корта. Если бы игра затянулась на пять сетов, у Боротра не хватило бы сил, но уже в четвёртом сете искусство тактики окончательно восторжествовало над мощью удара. Как это ни парадоксально, гораздо труднее далась Боротра победа над Аллисоном — у него разладилась коронная «сабля» слева. Аллисон был сломлен лишь в пятом сете после того, как Боротра ухитрился отыграть четвёртый матчбол.

Кто же из «мушкетёров» наиболее славен? Лакост? Коше? Боротра? Они многократно и с переменным успехом встречались друг с другом. Каждый по два раза выиграл Уимблдон. Лакост побеждал дважды в Форест Хилле, Коше — один раз. Боротра выиграл однажды чемпионат Австралии...

Но зачем кого-то из них выделять? У каждого своё место в истории тенниса. Лакост, одержав в 1929 году свою последнюю великую победу (он в третий раз выиграл чемпионат Франции на земляных кортах), закончит на этом фактически карьеру игрока.

Коше, победив в 1932 году в четвёртый раз на Ролан Гарросе, уже на следующий год уйдёт в профессионалы. В 1945 году он вновь получит статус любителя. В 1947 году победит на чемпионате Египта и ещё пять лет будет успешно выступать на самых представительных турнирах как парный игрок.

А Боротра в тридцатые годы по-прежнему не знал себе равных на закрытых кортах Англии и Франции (на кортах, где самый быстрый отскок мяча). Во время войны он, ко всеобщему удивлению, принял пост Верховного комиссара по спорту правительства Виши. Но в сорок третьем году Боротра был схвачен гестапо, пытался неудачно бежать, после чего фашисты отправили Верховного комиссара, который, как оказалось, был тесно связан с силами Сопротивления, в Германию. Его очередной побег был более удачен, и Боротра закончил войну с оружием в руках, сражаясь за свободу Франции. В 1949 году Боротра, которому уже исполнится пятьдесят один год, в одиннадцатый раз выигрывает чемпионат Англии на закрытых кортах. Ровно столько же раз он выигрывает и чемпионат Франции на закрытых кортах: впервые в 1922 году, а последний раз — в 1947 году.

Коше написал недавно новую книгу о теннисе. Лакост по-прежнему выпускает теннисную одежду, конкурируя с Фредом Перри и Тедди Тинлингом. Брюньон, невзирая на годы, остаётся душой любой компании. А на Ролан Гарросе, как я уже говорила, «баск скачет» и по сей день. Когда некий теннисный критик усомнился однажды в его бойцовских качествах, Боротра вызвал этого критика на дуэль, попросив Лакоста быть секундантом!

В 1938 году огненно-рыжий калифорниец Дональд Бадж выиграл поочерёдно чемпионаты Австралии и Франции, Уимблдон и, наконец, чемпионат США. Такого в истории тенниса ещё не было, и за эти четыре победы Бадж был увенчан «Большим шлемом». С тех пор обладание «Большим шлемом» признается высшим теннисным достижением.

Баджу не пришлось делать из себя теннисиста — он был рождён им. Какой бы трудный мяч он ни играл, создавалось впечатление, что это не требует от него никаких мышечных усилий. Бадж был предельно раскрепощён на корте, а поскольку его пластические возможности были безграничны, его часто именовали не иначе как «Человек-каучук».

Баджу принадлежат прекрасные слова: «Когда игра перестаёт быть забавой, вырежи струны из своей ракетки». Но Бадж «забавлялся», в совершенстве владея всем теннисным арсеналом своего времени. Играя, например, с Вайнсом, он легко брал его «пушки» и отвечал с той же скоростью. Бадж вообще был способен взять любой мяч, а его коронным ударом был удар слева — мощный и точный. Свою технику он совершенствовал тщательно, хотя и был величайшим «натуральным игроком».

В 1935 году девятнадцатилетний Бадж (а увлёкся теннисом он лишь в пятнадцать!) пробился в полуфинал Уимблдона, где впервые встретился с Готфридом фон Краммом — самым блистательным, по всеобщему мнению, из нечемпионов Уимблдона.

Фон Крамму, сочетавшему изысканность и корректность с самым современным стилем, фатально не везло в Уимблдоне. В том 1935 году, великолепно побив юного Баджа, он столь же великолепно начал и финальную встречу с Фредом Перри, но затем был буквально смят англичанином, который, по свидетельству современника, бросался на фон Крамма, как ястреб (помните, я рассказывала про Перри: и как в пятьдесят седьмом он впервые приехал в Москву, и как он встречал нас, когда мы впервые приехали в Лондон). Усложняя скоростной теннис Вайнса, Перри сделал ставку на удар с лета.

В 1936 году фон Крамм вновь встречается в финале Уимблдона с Перри, которого ему только что удалось победить в финале чемпионата Франции. Но на первой своей подаче в первом же сете фон Крамм травмирует ногу. Он остаётся стоять на корте и даже выигрывает в

первых двух сетах по одному гейму. По окончании встречи судья обращается к зрителям: «Барон фон Крамм просил меня передать, что он приносит глубокие извинения за то, что не мог играть лучше».

В 1937 году фон Крамм опять в финале Уимблдона. Перри разъезжает уже по Америке, ведя жизнь профессионального игрока, но фон Крамму тем не менее суждено остаться вечным финалистом Уимблдона. Преемником Перри становится Дональд Бадж, который за весь турнир проигрывает лишь один сет — Фрэнку Паркеру в полуфинале. А исход финала фон Крамм комментирует так: «Что я мог поделаться с подобным теннисом?»

Через две недели после Уимблдона Бадж и фон Крамм встретились в матче на Кубок Дэвиса. С 1933 года Кубком бесценно владели англичане (Коше в тридцать третьем году защищал Кубок достойно, но игрок, который заменил Боротра, не смог поддержать его). Матч США — Германия должен был решить, кому теперь оспаривать Кубок у англичан. Каждая команда имела по две победы, когда на площадку вышли лидеры — Бадж и фон Крамм.

Два первых сета фон Крамм играл безукоризненно. Два следующих сета безукоризненно играл Бадж. В решающем сете фон Крамм повёл 4:1. И тут, когда они менялись площадками, Бадж сказал капитану своей команды:

— Не беспокойся, я не проиграю.

И он выиграл решающий сет со счётом 8:6. Был момент, когда фон Крамм в очередной раз вёл в счёте, причём на подаче Баджа, но американец вдруг обвёл его «по ниточке» своим знаменитым ударом слева. Недостигаемость этого мяча и поубавила пыл фон Крамма.

Тильден, который присутствовал на игре, сказал, что это был лучший теннис, когда-либо виденный им в Кубке Дэвиса.

Эта победа была самой трудной из всех побед Баджа, который в том году уже нигде и никому не проигрывал. В Уимблдоне, кстати, он победил и в паре, и в миксте. Его победы предопределяли и возвращение в США Кубка Дэвиса (и с тех пор Кубок Дэвиса достаётся если не американцам, то австралийцам). И, наконец, Бадж выиграл в 1937 году и чемпионат США.

В 1938 году Дональд Бадж приезжает в Уимблдон уже чемпионом Австралии и Франции. Его традиционный соперник Готфрид фон Крамм на турнире отсутствует — он арестован нацистами. Фон Крамм никогда не скрывал своего презрения к нацистскому режиму. Ему претил и тот националистический ажиотаж, который разжигался в ту пору в Германии вокруг спорта. И с ним наконец решили свести счёты. Бадж публично заявляет, что он возмущён преследованиями фон Крамма, и в знак протеста отказывается впредь играть на кортах фашистской Германии.

А Уимблдон 1938 года Бадж выигрывает, не отдав, как и Вайнс в 1932 году, ни одного сета. В финале, как и Вайнс, он играет с англичанином Банни Остином и побеждает его с ещё более разгромным счётом, хотя Остин сопротивляется до последнего гейма. Бадж благодарит Остина за игру и просит его первым покинуть центральный корт, уступая ему своё право победителя, но англичанин, естественно, отказывается.

Чтобы завладеть «Большим шлемом», Баджу остаётся теперь лишь выиграть чемпионат США, что он вскоре и делает, и вслед за тем переходит в профессионалы. Он ищет встреч с Фредом Перри, которому он проиграл, когда ещё умел проигрывать. Ему обидно, когда говорят, что Бадж стал первым игроком мира лишь в отсутствие Перри...

И, обыграв наконец Перри, а заодно и Вайнса, Бадж заявляет, что ближайшие шесть месяцев он будет играть только на рояле. Но между прочим одну встречу в том блистательном для него тридцать восьмом году Бадж все-таки проиграл — некоему Кукулевичу в Югославии. И первым поздравил Кукулевича, который никак не мог поверить случившемуся, — Бадж наряду с фон Краммом остался в истории тенниса образцом высочайшей этики.

Бадж ещё играл в профессиональных турнирах в первые послевоенные годы. И хотя его движения потеряли былую лёгкость (он был ранен в плечо на фронте), Бадж смог одержать несколько эффектных побед. А фон Крамм в годы войны бесконечно допрашивали в гестапо; в сорок четвёртом его обвинили в контактах с участниками покушения на Гитлера...

В 1947 году фон Крамм снова приехал в Уимблдон и, храня верность традициям, вышел на корт в длинных белых брюках (в послевоенные годы даже Тильден сменил длинные брюки на шорты!). Но кто-то из тех, кто играл уже в шортах, победил фон Крамма и на этот раз — до финала. В 1948 — 1949 годах фон Крамм ещё побеждал на чемпионате ФРГ (этот турнир наряду с чемпионатами Италии и Южной Африки стоит сразу за четырьмя великими турнирами). Он приезжает сейчас почётным гостем на каждый Уимблдон, но не участвует даже в турнире ветеранов, где я однажды видела, как веселился, играя забавы ради, Бадж.

Моурин Конноли, как и Дональд Бадж, родилась в Калифорнии. Но если Бадж выиграл «Большой шлем» в двадцать два года, то Конноли — в девятнадцать! Эго произошло в 1953 году, а вскоре Конноли упала с лошади и повредила ногу, что вынудило её оставить игру в теннис.

Когда в шестьдесят втором году на чемпионате США меня представили худенькой невысокой женщине, я не сразу сообразила, что это та самая Конноли. Мне казалось, что та самая Конноли должна выглядеть эдакой величественной предшественницей Алтеи Гибсон и Дарлин Хард. На самом же деле Гибсон, которая только что на моих глазах всех побеждала, была на шесть лет старше Конноли! Я это знала, но чисто умозрительно. Когда я, наконец, сообразила, с кем меня познакомили, Конноли уже удалялась по коридору раздевалки. Я догнала её и в каком-то радостном порыве выложила ей, что вот, дескать, я не сразу могла поверить и так далее. Конноли была тронута такой непосредственностью и тоже радостно заулыбалась. Так мы и стояли, улыбаясь, и я уже начинала испытывать смущение, но тут откуда-то появилась моя будущая партнёрша по Уимблдону Джуди Тегарт — оказывается, Конноли обещала немного потренировать её. Помню, как я завидовала Джуди, что она подходит запросто к той самой Конноли и даже тренируется с нею!

Моурин Конноли — первой в истории тенниса женщины, обладавшей «Большим шлемом», — уже нет в живых. В 1969 году она умерла после тяжёлой болезни.

Элен Уилс-Муди в своё время писала, что Моурин «обладает стоицизмом, запасом спокойствия и большим теннисным темпераментом, чем даже Сюзанна». её способности были действительно безграничны — новую подачу она разучила однажды за сорок пять минут! Безграничен был и её натиск на корте — она отдавалась игре полностью. Она была рождена, чтобы сыграть в женском теннисе роль не менее великую, чем Сюзанна, но она ещё оставалась девятнадцатилетней «Маленькой Мо», или «Крошкой Мо», когда упала с этой лошади, которая была ей подарена после третьей подряд победы в Уимблдоне.

Она выиграла Уимблдон с первой же попытки, явившись в пятьдесят втором году в Англию уже чемпионкой США. В тот же год в Уимблдоне дебютировали и два её сверстника из Австралии: Лью Хоад и Кен Розуол.

Хоад, как и Бадж, считается величайшим «натуральным» игроком, то есть человеком, рождённым для игры в теннис. Как недавно сказал Розуол: «Когда Лью был в ударе, обыграть его было практически невозможно». Хоад едва не повторил высший успех Баджа — был год, когда ему оставалось лишь выиграть в финале чемпионата США у Розуола, чтобы стать обладателем «Большого шлема», но в тот ветреный день Хоад был не в ударе. А Розуол — величайший пример совершенной техники (особенно знаменит его удар слева), подвижности (его прозвали «Мускул») и несгибаемой воли к победе, которая с годами не убывает. Известный американец Артур Эйш, проиграв в 1971 году Розуолу финал чемпионата Австралии, сказал: «У меня такое впечатление, что передо мной была непробиваемая кирпичная стена, после удара о которую мяч всё равно перелетал на мою сторону».

Моурин Конноли как тип игрока вроде бы ближе стояла к Лью Хоаду или Сюзанне Ленглен, чем, допустим, к Кену Розуолу или Элен Уилс-Муди, но «теннисной машиной» её называли тоже отнюдь не случайно.

Финал своего первого Уимблдона Конноли играла с опытной соотечественницей Луизой Бро. Это был пятый финал Бро в Уимблдоне, и трижды она побеждала. Так вот эта опытная Бро была сметена Конноли. Яростными драйвами она выбивала Бро с площадки, а уж если играла с лёта, то ещё яростнее, — принимая эти её мячи, Бро едва удерживала ракетку.

Самой серьёзной соперницей Конноли стала другая её знаменитая соотечественница — Дорис Харт. В детстве у Дорис была парализована правая нога, и отец, испробовав все лечения, сделал ей однажды хороший массаж и вывел на теннисный корт... Дорис училась на корте ходить, потом тихонечко бегать, потом бегать быстрее — и вдруг заиграла так совершенно, что её стиль остался образцом самого артистичного тенниса. Дорис была на девять лет старше Моурин. «Мы большие друзья, — говорила Дорис, — но, встречаясь на корте, жаждем крови».

И как раз в 1953 году, когда Моурин Конноли выиграла свой «Большой шлем», ей чаще всего приходилось встречаться на корте именно с Дорис Харт. А их финал в Уимблдоне признан одним из самых лучших женских финалов за всю историю турнира. Харт играла тактически изощрённо, демонстрируя все удары, которые ведомы теннису, плюс ещё несколько, которые были ведомы только ей. Но это лишь разжигало азарт Конноли...

Когда встреча закончилась, зрители центрального корта поднялись и стоя благодарили долгими аплодисментами и победительницу и побеждённую за праздничный теннис.

А Конноли вскоре скажет, что своей игрой у сетки она по-прежнему недовольна и что ей хотелось бы продолжить занятия с Гарри Хопманом.

Гарри Хопман — одна из самых колоритных фигур современного тенниса. Он был в своё время известным парным игроком — в 1936 году достиг, например, вместе с женой финала Уимблдона. В 1928 году Хопман впервые сыграл за австралийскую команду в Кубке Дэвиса, но слава к нему пришла, когда он стал капитаном (а это значит и тренером) этой команды. С 1950 по 1967 год, когда Австралия только трижды уступила США Кубок Дэвиса, Гарри Хопман не раз обновлял команду, каждый раз находя новых выдающихся игроков. И лишь в 1968 году, когда ушли в профессионалы Ньюкомб, Эмерсон и Роч, Хопман несколько растерялся, не видя, кем заменить их. Но прошло немного времени, и он заявил, что нашёл мальчиков, которые через несколько лет возвратят в Австралию Кубок Дэвиса. Этих мальчиков — Джона Александера и Филиппа Дента — он обыгрывал несколько лет назад и на Московском международном турнире. Когда наши тренеры стали расспрашивать Хопмана о его профессиональных тайнах, он прикинулся простачком, сказал, что прежде всего считает себя фермером...

А его мальчики между тем повзрослели (в чем убедился и наш Метревели, встречаясь в начале семьдесят первого года с ними в Австралии) и обошлись со старым Хопманом довольно жестоко — вместо того чтобы завоёвывать для Австралии Кубок Дэвиса, ушли в профессионалы. Любительский теннис в Австралии сейчас вообще испытывает кризис, но это — отдельная тема.

А что касается профессиональных секретов Гарри Хопмана, то дело тут, очевидно, в том, что ему свойственна редкая интуиция при распознавании потенциальных возможностей игрока и не менее редкое умение в короткий срок привести игрока к идеальной форме. О дисциплине, которой требует Хопман, ходят легенды. Так говорят, что за каждое невыполненное задание он наказывает пробежкой в три мили...

В том пятьдесят третьем году, когда Хопман занимался с Моурин Конноли, он провёл свой самый знаменитый эксперимент: пригласил в команду Кубка Дэвиса столь же юных, как и Конноли, Хоада и Розуола, и они победили в челленджраунде знаменитых и уже титулованных американцев Сейксеса и Траберта.

В 1954 году Конноли часто играет в паре то с Хоадом, то с Розуолом, а то и с Нэйл Хопман (женой Гарри Хопмана), и эти пары одерживают немало побед на самых различных турнирах. Мисс Хопман отзывается о своей партнёрше: «Моурин стала почти моей дочерью. Она прелестный ребёнок».

В тот год Моурин подарили ту злополучную лошадь...

Мне представляется, что Рикардо Алонсо Гонзалес, он же Панчо Гонзалес, играл всегда и будет играть вечно. Всю свою теннисную жизнь я только и слышу разговоры о «суперчемпионе» Гонзалесе, но увидеть его на корте мне пришлось лишь однажды.

В мае шестьдесят восьмого года на открытый чемпионат Франции съезжались не только любители, но и профессионалы. В тот год ряд традиционных любительских турниров был открыт и для профессионалов, и первым большим совместным турниром должен был стать чемпионат Франции. Все ждали, когда же они приедут, когда появятся на Ролан Гарросе эти знаменитые профессионалы? И вот бежит Оля Морозова:

— Гонзалес приехал. Чемодан видела.

У входа в мужскую раздевалку стоял огромный разлапистый чемодан, который уже внушал почтение своей старомодной основательностью. На чемодане висела бирка: «Gonzales».

Один французский журналист заметил, что сорокалетний Гонзалес ведёт себя, как взволнованный филин. Не знаю, как держался на корте молодой Панчо, который посылал мяч со скоростью 163,675 километра в час и который, как говорят, годами не проигрывал свою подачу. Я увидела Гонзалеса, который откровенно сэкономил свои силы. Его движения были предельно рациональны. Он почти не бегал, но угадывал мяч феноменально, и поэтому всегда был там, где надо.

Он начинал игру мощно, стремясь сразу сломить противника. Чемпион Венгрии Иштван Гуйяш, на счёт которого немало славных побед, не успел опомниться, как был побит Гонзалесом. Но другой известный любитель, чемпион Франции Пьер Дармон, выиграл у Гонзалеса первый сет, и завязалась борьба. Гонзалес и на этот раз победил, но, когда после матча он расслабился, я увидела, как его мощные мышцы вдруг сразу повисли...

Многие игроки устают, но за них не мучаешься, а Гонзалес так откровенно допускает тебя к своим мукам, что исход его матча — уже как исход твоего матча.

Вот между геймами он садится на стул. Это не принято, хотя и разрешено. И, сидя на стуле, он долго вытирает лицо полотенцем, потом настраивается, опустив голову. Потом, уже на площадке, долго выбивает ободом ракетки песок из рифлёной подошвы туфель. Теперь ворот майки вдруг давит, и он нервно оттягивает ворот. Он так обнажён, что буквально осязаешь его усталость, и уйти сейчас, пока длится матч, — значит предать Панчо. Многие парижане болели за Панчо, даже когда он играл с Дармоном.

Что же заставило Гонзалеса, имеющего теннисное ранчо близ Голливуда, возвратиться на корт?

Он родился в 1928 году в Лос-Анджелесе. Его отец — неудачливый художник, мать — швея. Маленький мексиканец был признанным главарём мальчишек своего квартала. Кто, кроме Панчо, рисковал прицепиться на роликах к полицейской машине? Пытаясь отвлечь сына от этой опасной игры, мать подарила ему в новогоднюю ночь 1940 года дешёвую ракетку.

С этой ракеткой Панчо пришёл на корты городского публичного парка, поиграл немного; но только после войны он занялся теннисом всерьёз. Его восхождение было стремительно — в 1948 году Гонзалес уже выигрывает чемпионат США. Следующим летом он приезжает

в Европу, но и на чемпионате Франции, и в Уимблдоне ему удаётся победить лишь в парном разряде (вместе с Паркером). А осенью в финале чемпионата США он встречается со «счастливчиком Шредером», который только что выиграл Уимблдон, уступает ему два начальных сета; и хотя ещё никто не спасал игру против Теда Шредера, если тот вёл 2:0, но Панчо распорядился остальными тремя сетами как хотел. И он тут же решает, что в любительском теннисе ему уже делать нечего.

Как раз в это время Джек Крамер, чемпион Уимблдона 1947 года, создаёт профессиональную группу — так называемый «Цирк Крамера», — и Гонзалес участвует в первом турне этой группы. Тридцатилетний Крамер рассчитывал быть премьером своего «цирка», но Гонзалес всё чаще бьёт его, и самолюбивый Крамер предпочитает закончить карьеру игрока и ищет Гонзалесу новых партнёров. Сильнейшие любители по-прежнему уходят в профессионалы и разыгрывают свой чемпионат мира. Но недавние чемпионы Уимблдона, Франции, США, Австралии не могут противостоять Панчо Гонзалесу. Казалось, Гонзалес довёл до совершенства тот теннис, который поочерёдно обогащали его предшественники.

Однако сам Панчо словно не сознает, какую роль ему суждено сыграть в истории тенниса. В пятьдесят третьем году он вдруг проигрывает в покер все, что имеет — даже свои ракетки! — и, надев старый костюм, уходит из дому. И опять, как и в ранней юности, Панчо продаёт сосиски в той же лавочке в городском парке Лос-Анджелеса. В эту лавочку и является в пятьдесят пятом году Тони Траберт, последний чемпион Уимблдона, только что ушедший в профессионалы, и говорит Панчо, что хотел бы сыграть с ним в теннис.

Гонзалес вновь выходит на корт и, как и прежде, всех побеждает. Однако в конце пятидесятых годов у «суперчемпиона» появляются два опасных соперника — уже знакомые вам австралийцы Лью Хоад и Кен Розуол.

Они долго выясняли отношения в любительском теннисе, и, наконец, в пятьдесят шестом году Розуол помешал Хоаду выиграть «Большой шлем» (в семидесятом году, вновь выиграв после четырнадцатилетнего перерыва чемпионат США, Розуол вспоминал о своей первой победе в Форест Хилле — о финальной победе над Хоадом: «Я радовался, но и грустил, что Лью остался без «Большого шлема», которого никто не заслуживал больше, чем он») и ушёл в профессионалы, а на следующий год, вторично выиграв Уимблдон, ушёл в профессионалы и Хоад. Однако импульсивному, артистичному Хоаду не удалось сделать великой карьеры в профессиональном теннисе. Сверхнагрузки ради заработка денег сломали его и в самом прямом смысле этого слова: травмы спины, ноги...

Так что Хоад оказался для Гонзалеса менее опасным соперником, чем Розуол (хотя могу представить, каким праздником тенниса была в своё время каждая встреча Гонзалеса с Хоадом!). И вот уже Розуол, а не Гонзалес, признается сильнейшим профессиональным игроком мира. А что же Панчо? В шестьдесят первом году, женившись на манекенщице по имени Мадлен, он решает оставить турниры и основывает теннисное ранчо близ Голливуда.

Но идиллия на роскошном ранчо, где Гонзалес обучает игре в теннис голливудских миллионеров, столь же приедается ему, как и продажа сосисок в Лос-Анджелесском парке. Панчо покупает гоночную машину, на которой может носиться со скоростью в пятьсот километров в час. Но подлинная жизнь для него только на корте. И в 1966 году Гонзалес вновь появляется на профессиональных турнирах, где Род Лейвер оттеснил уже на второй план Розуола. И хотя в первых встречах Панчо сенсационно бьёт и того и другого, в дальнейшем всё становится на свои места. И хотя каждое поражение для Панчо как драма, но — что делать? — он вернулся в теннис уже навсегда.

И вот сорокалетний Гонзалес играет в Париже. В четвертьфинале против него выходит двукратный чемпион Уимблдона австралиец Рой Эмерсон, который только что перешёл в профессионалы, и сейчас для престижа ему просто необходимо победить бывшего «суперчемпиона».

Чёткий пробор. Выученные чёткие движения. Совершенное отсутствие ошибок. Темп. И бесстрастное выражение лица, как бы ни складывалась игра. Таков на корте Рой Эмерсон. А в жизни он милый, домашний. Эмерсон, пожалуй, первый великий австралиец,

который подошёл к нам, когда мы появились в Уимблдоне. Мы смотрели на австралийцев, как на что-то недостижимое, — и вдруг подходит Эмерсон, даёт какие-то советы Лейусу; и, смотрим, они вместе уже тренируются...

С первых минут Гонзалес яростно атакует Эмерсона, но его хватает лишь на два сета, а в третьем лицо Панчо уже трагично, он всё чаще выбивает песок из туфель. Игра приобретает какую-то зловещую окраску. День тревожный, облачный. Эмерсон, проиграв бесстрастно два первых сета, теперь столь же бесстрастно выигрывает два последующих. Гонзалеса спасает дождь — игру прерывают при счёте 2:2. А утром отдохнувший Панчо эффектно выигрывает пятый сет.

Судя по этой игре, можно было решить, что Гонзалесу уже трудно выдержать пять сетов. Но в семидесятом году в нью-йоркском Мэдисон-Сквер-Гардене Гонзалес побеждает в пяти сетах самого Лейвера, который завоевал к тому времени уже второй «Большой шлем». Матч собрал 15 тысяч зрителей! А до этого Гонзалес устанавливает рекорд Уимблдона — играет с известным пуэрториканцем, членом американской команды Кубка Дэвиса, двадцатипятилетним Чарльзом Пассарелем пять часов двенадцать минут и в сто двенадцатом гейме всё же его побеждает!

Первый сет Панчо уступает с редчайшим счётом — 22:24. Сгущаются сумерки, но судья отказывается прерывать матч. Панчо раздражён и быстро отдаёт второй сет. Ночью он долго не может заснуть. Пытаясь успокоиться, играет с женой в карты. Утром Гонзалес всё же выигрывает третий сет, счёт опять фантастический — 16:14! — а затем и четвёртый. В пятом сете у Пассареля было семь матчболов, но Гонзалес продолжал идти к сетке. И когда сам, наконец, повёл 10:9, то свой матчбол уже не отдал.

В матче было сыграно семьдесят восемь мячей! Два темно-зелёных холодильных ящика с мячами (охлаждённый мяч сохраняет упругость) стоят в Уимблдоне прямо около корта — мячи меняются каждые семь геймов. Ну сколько надо мячей для настоящей мужской игры? Штук тридцать, не больше. Двух ящиков мячей Гонзалесу не хватило для этой победы.

Мария Буэно впервые приехала в Уимблдон в пятьдесят восьмом году, когда я играла там турнир юниоров. Я увидела Буэно уже в финале женских пар, она играла вместе со знаменитой негритянкой Алтеей Гибсон, хорошо играла, но в тот год для меня существовала лишь одна теннисистка — эта удивительная Гибсон, и я нисколько не сомневалась, что Гибсон способна выиграть парный финал с любой партнёршей — вот она и взяла эту девочку из Бразилии, которая старше меня лишь на год, и девочка, естественно, старается.

На самом деле Буэно приехала в Уимблдон, уже выиграв чемпионат Италии, и о ней говорили как о восходящей «звезде». А на следующий год я только и смотрела в Уимблдоне Марию Буэно. Я считаю, что и по сей день никто не играет так вдохновенно и артистично, как играла Буэно.

Казалось, Буэно играет только за счёт таланта. Другие «накачиваются», работают со штангой, а у Буэно — никаких мышц и руки тоненькие. Но Буэно — это абсолютное чувство мяча, скрытый темперамент и никаких лишних движений. Вот почему так мало усилий преобразалось в огромной силы удар. Естественная грация движений и придавала ускорение её ракетке. Как писалось в английской прессе: «Балет и теннис, в который играет Буэно, недалеко друг от друга». Подобных сравнений удостоивалась только Сюзанна Ленглен.

Мария родилась в 1939 году в бразильском городе Сан-Пауло в семье врача. И отец, и брат состояли в местном теннисном клубе, который находился напротив их дома. Мария рано научилась играть в теннис, но у неё никогда не было настоящего тренера. Ей дал лишь несколько уроков тактики бразильский профессионал Армандо Виера. Это Виера научил её эффектному трюку — убивать смэш через правое плечо, стоя спиной к сетке. Буэно иногда позволяла себе этот картинный удар, но такой талант, как Буэно, имеет право на многое — даже на рисовку.

Если в пятьдесят восьмом году Буэно ещё не сумела распорядиться своими силами и закончила сезон неудачно, то в пятьдесят девятом она набирает форму постепенно, не боясь в начале сезона, на небольших турнирах, проигрывать и Кристине Трумен, и Сандре Рейнольдс — своим сверстницам, которые тоже рвались к славе.

А в финале Уимблдона Буэно встретилась с американкой Дарлин Хард, которая уже была однажды в финале, но проиграла Гибсон. Теперь Гибсон ушла, и Хард могла стать наконец первой. Я уже рассказывала, что ходила в Англии даже на тренировки Дарлин Хард — так мне нравилась её манера игры.

Однако как ни роскошно играла Хард, тот финал не оставил сомнений, что Буэно ещё ярче, ещё талантливее.

После победы Буэно плакала — села под судейскую вышку, закрылась полотенцем и навзрыд плакала. Зато вечером на балу она светилась радостью и озорством. Тоненькая, в красивом платье, Буэно стояла посреди зала рядом с четырёхугольным, почти шоколадным Александро Ольмедо, который был в белом смокинге и выглядел ужасно мужественно.

Перуанский индеец, он жил в США и стал известен, как и Буэно, лишь за год до победы в Уимблдоне, когда фактически в одиночку выиграл для США Кубок Дэвиса. Столь же быстро Ольмедо и растеряет свою славу; и его отец, который вскоре специально прилетит в США, чтобы посмотреть, как Александро всех побеждает, уйдёт раздосадованный с его игры и, даже не попрощавшись с ним, возвратится в Перу. Но тогда Ольмедо, только что победив в финале юного Лейвера, безудержно, как и Буэно, радовался жизни.

Им предстоял традиционный танец победителей, и они заказали ча-ча-ча. Как они танцевали ча-ча-ча!..

Осенью Буэно выиграла чемпионат США, победив в финале мощную Кристину Трумен, и возглавила, по общему мнению, десятку лучших теннисисток мира.

В шестидесятом году она выигрывает в паре с Кристиной Трумен чемпионат Австралии, а в паре с Дарлин Хард — три остальных турнира «Большого шлема» (чемпионаты Франции, США и Уимблдон). А в женском одиночном финале Уимблдона она побеждает Сандру Рейнольдс.

Хорошенькая Рейнольдс, казалось, была и крепче характером, и атлетичнее, но она трудилась на корте, а Буэно наслаждалась игрой и победила Рейнольдс красиво и даже чуть небрежно.

Почему-то многие великие теннисистки непременно отличаются слабым здоровьем или их губят травмы. Вспомните Сюзанну Ленглен и Моурин Конноли. Вот и Мария Буэно, едва начался сезон шестьдесят первого года, заболела инфекционной желтухой, потом пошли осложнения...

Возвратившись на корт, Буэно играет по-прежнему вдохновенно, но её излишне тонкая игра теперь не всегда надёжна. Буэно и раньше оставляла за собой право как на откровение, так и на ошибку, но теперь эта грань едва ощутима.

В шестьдесят втором году я встретилась с нею в Уимблдоне в одной восьмой финала.

Первый сет. Подаёт Буэно. Она гнётся при подаче тростиночкой и гармоничный кнутообразный замах вдруг завершает резким щелчком — удар. её первый мяч — очень сильный, остро пассивированный. Я решаю принять этот мяч кроссом; она угадывает мой ответ и уже идёт перехватить этот кросс, но мяч у меня срывается и точно летит по линии. Буэно вновь подаёт сильно и резко и сразу идёт к сетке, но каким-то образом я вновь её обвожу. И дальше я играю очень удачно, и первый сет — мой. Счёт 6:3.

И во втором сете я веду 3:1. Буэно уже дрожит, но я дрожу ещё больше. Как? Я выигрываю у самой Буэно? В конце концов я проиграла, конечно; но теперь, встречаясь со мной на корте, Буэно нервничает, а в шестьдесят пятом году предлагает мне играть пару в Париже и в Уимблдоне.

В третий и последний раз Буэно побеждает в Уимблдоне в шестьдесят четвёртом году, когда прошлогодняя чемпионка Маргарет Смит была в прекрасной форме и никто не думал, что она расстанется со своим титулом. Нот ничего более полярного, чем теннис Смит и теннис Буэно. Да, Смит мощнее, быстрее, но ты понимаешь, как она сейчас сыграет. А как сыграет Буэно, угадать трудно. Я очень хотела, чтобы победила Буэно.

Видно было, что Буэно играла тогда на пределе, но какие феноменальные удары ей удавались! Непонятно, откуда у неё брались силы, но она не уступала Смит и в мощи. В решающем сете обе уже дрожали, боялись дотронуться до мяча. Перед каждым мячом Буэно сжимала кулаки, уговаривала себя пойти к сетке. Последний гейм они играли чуть ли не полчаса. Подавала Смит, но в счёте всё время вела Буэно. Едва Смит удавалось сравнять счёт, она делала на подаче двойную ошибку. И опять у Буэно матчбол. Она вновь сжимала кулаки, шла к сетке и, наконец, выиграла решающий мяч. Смит уныло подала ей руку, а Буэно от радости подпрыгнула.

Ей бы оставить теннис сразу после этой победы. Но ещё несколько лет, поддавшись инерции, Буэно будет мучительно разменивать свою великую славу, держась на турнирах ещё более обособленно и независимо, чем прежде. Впрочем, уже сам её необычайный теннисный дар был как вызов.

Свой последний сезон — сезон 1968 года — Мария Буэно закончит четвертым игроком мировой десятки. В тот год я играла пару с Бакшеевой против Буэно и Ричи на открытом чемпионате Франции. Буэно выглядела растерянно, но иногда у неё вдруг проскальзывала былая снисходительная улыбка — ей вдруг удавался былой удар...

Право первого удара по мячу на открытии Уимблдона предоставляется прошлогоднему чемпиону. Испанец Мануэль Сантана открывал Уимблдон лишь однажды — в 1967 году — и, вместо того чтобы эффектно «убить» первого противника (а именно к такому открытию привык Уимблдон), скандально проиграл.

В предыдущий вечер я видела Сантану на банкете. Милый, дружелюбный Сантана держался уверенно — открытия турнира он ожидал, как праздника, который будет дан в его честь. И его застенчивая жена Мария откровенно гордилась, что её муж так славен.

Жертвой Сантаны должен был стать пуэрториканец Чарльз Пассарель. Год за годом приезжая в Уимблдон, он никак не мог «выбиться в люди», сразу же попадая на более сильного противника (это тот самый Пассарель, который в шестьдесят девятом году уступит Гонзалесу лишь в сто двенадцатом гейме). Пассарель — игрок крепкий, стабильный, но всё же не «звезда».

А Сантана — игрок безумно талантливый. Его сила не в мощи, а в тонкости. Если уж он кинет, допустим, атакующую свечу, то такую подкрученную, незаметную, что до последней секунды ждёшь низкого обводящего удара. Быструю дугообразную свечу, которую он вдруг направит резким движением кисти, и в прыжке не достать и не догнать. Сантана — единственный в мире игрок, который с равным успехом закидывает свечу, что слева, что справа. И вообще он плетёт на корте тончайшие кружева — о его игре иначе не скажешь.

Но такая тонкая игра требует безупречности: если, допустим, мячу чуть не хватит скорости, он повиснет — лишится остроты. Пассарель же сразу и так неистово «полез» на Сантану, что тот ещё только искал свою игру, а уже всё было кончено. Я не верила до последней минуты, что Сантана может проиграть эту встречу. Иначе я бы ушла, чтобы не видеть поражения человека, чьё вдохновенное мастерство меня всегда восхищало. Так я ушла, когда в шестьдесят втором году, в Бекнеме, Сантана вдруг «сломался», уже выиграв у Лейвера первый сет и имея сетбол во втором...

Так что в шестьдесят седьмом году я впервые увидела, как Сантана подал руку своему победителю, а затем, поблагодарив судей, быстро уехал в отель.

Момент был трагичен. Но, как это свойственно психологии игрока, сочувствие чужой беде часто сплетается с мелкой эгоистичной радостью: он «умер», а ты ещё «жив». Тех же, кто подобно Пассарелю стремился «выбиться в люди», исход этой встречи откровенно

обрадовал. А что касается самого Пассареля, то он пробился в тот год в одну восьмую финала, но там был побит бразильцем Томасом Кохом. И надо было видеть, как плакал недавний победитель Сантаны...

А о победном Уимблдоне Сантаны я рассказывать не берусь — я не была в шестьдесят шестом году в Англии. Но вот несколько авторитетных свидетельств высшего успеха Сантаны.

Журнал «Уорлд теннис»: «Везение — важный фактор, и оно помогло Сантане дважды в его трудных пятисетовых матчах против Флетчера и Давидсона, когда лишь одно очко отделяло его от поражения. Но, чтобы воспользоваться везением, надо быть великим игроком».

Чемпион Уимблдона 1947 года и создатель профессионального теннисного «цирка» Джек Крамер: «В финале он не отдал Ралстону ни одного сета. Совершенно ошалевший от своего торжества, он бросается поцеловать руку принцессе Марине, не замечая, что рука в перчатке... После 1954 года Сантана — первый европеец, ставший чемпионом Уимблдона».

И снова «Уорлд теннис»: «Большой игрок может проявить свой талант на кортах с любым покрытием».

Дело в том, что Сантана — классический земляной игрок. На медленном земляном корте рисунок его игры идеален, но чем быстрее корт, тем ему сложнее плести свои кружева. А центральный корт Уимблдона, как известно, самый быстрый в мире...

Талант Сантаны действительно проявлялся и на травяных кортах (так наряду с Уимблдоном он выиграл однажды и чемпионат США), но его любимым турниром всегда был чемпионат Франции — именно на Ролан Гарросе его и провозгласили «Королём земляных кортов».

Сантана впервые выиграл чемпионат Франции в 1960 году, победив в финале Николу Пьетранжели. Помните, Пьетранжели приезжал в семидесятом году в Москву играть Кубок Дэвиса, но сейчас он далёк от своей былой славы. Пьетранжели живёт в Италии, однако по отцу он француз, а по матери русский. Он знает, кажется, не то десять, не то пятнадцать языков, снимается в кино, ведёт репортажи по радио. У него красивая жена. И вообще он модный светский мужчина. На корте у него всегда такой вид, словно он пришёл немного поиграть, поскольку это ему сейчас интересно, но не более. Хотя отчасти это действительно так: Пьетранжели никогда не утруждал себя тренировочными нагрузками. Это возмутило однажды известного австралийца Фрэнка Седжмена и он написал: «То, что Пьетранжели называет физической подготовкой, просто нелепо: он надевает тренировочный костюм, немного прыгает, несколько раз достаёт до носков ног и преспокойно отправляется есть своё спагетти».

И при всем этом Пьетранжели удивительно легко добился признания в мировом теннисе. В 1949 году, когда ему было шестнадцать лет, он впервые взял в руки ракетку, через два года уже был юношеским чемпионом Италии, а в 1955 году вошёл в восьмёрку сильнейших Уимблдона. В конце пятидесятых годов он не знает себе равных на земляных кортах. В 1960-1961 годах выводит команду Италии в челленджраунд Кубка Дэвиса...

В шестидесятом году Пьетранжели вознамерился в третий раз стать чемпионом Франции, но тут-то ему и пришлось уступить Сантане. Играя сзади почти безошибочно, имея хорошую обводку, Пьетранжели мог долго ждать момента для выхода к сетке, и если уж выходил, то наверняка. У Сантаны нет такой плотной игры, хотя сзади он тоже не ошибается. Он победил Пьетранжели, играя и хитроумнее и ещё тоньше. В шестьдесят четвёртом году они вновь встретились в финале чемпионата Франции, и Сантана вновь победил.

Сантану и Пьетранжели, впрочем, роднит одно свойство: чередование блистательных побед с необъяснимыми на первый взгляд поражениями. Но если Пьетранжели иной раз был просто не склонен «умирать» на корте ради победы, то Сантану нельзя упрекнуть в отсутствии бойцовских качеств. Скорее всего он великий игрок одного турнира, в котором он и расходует полностью все свои физические и духовные силы. Он сказал однажды: «Я не способен быть профессионалом, потому что профессионалу надо всегда выдавать максимум, а в этом случае я долго не протяну».

А главным своим турниром Сантана всегда считал даже не чемпионат Франции, а прежде всего Кубок Дэвиса. Тут он боролся за победу команды, а надо знать, насколько Сантана патриотичен. Ведомая им команда Испании дважды (в 1965 и 1967 годах), всех побеждая, оспаривала Кубок у австралийцев. Эти решающие матчи игрались на травяных кортах Австралии, что во многом и предрешило поражение испанцев. Но даже на траве Сантана в одном случае победил Эмерсона, а в другом — Ньюкомба.

В семидесятом году Сантана впервые неудачно сыграл в Кубке Дэвиса (в финале европейской зоны с ФРГ), что дало повод президенту испанской федерации тенниса назвать его «бесполезным игроком, который не в состоянии поддерживать хорошую физическую форму из-за плохого питания и слабого физического развития в детстве, ибо он родился в бедной семье». Сантана действительно родился в семье подметальщика мадридских кортов и долгое время был мальчиком, подающим богатым игрокам мячи. Но когда этот мальчик подрос, именно он и прославил испанский теннис. И хотя спортивные нравы в Испании излишним демократизмом не отличаются, но оскорбление великого Сантаны не сошло президенту федерации даром, и он был вынужден уйти в отставку.

А тридцатидвухлетний Сантана поехал в конце октября в Барселону, где первый открытый чемпионат Испании собрал всех «звёзд» мирового тенниса, и уверенно выиграл этот турнир, легко победив в финале самого Лейвера.

Но защищать честь Испании в Кубке Дэвиса Сантана впредь отказался. И вообще он теперь уделяет теннису значительно меньше времени. У него двое детей, интересная работа в крупной табачной фирме. На самом видном месте в его мадридской квартире выставлен мяч, которым он завершил свою победу в Уимблдоне. А приходя по субботам и воскресеньям на корт, Сантана обязательно играет и с мальчиком, который подаёт ему мячи.

В шестидесятом году я увидела в «Международном лаун-теннисном альманахе» внушительную фотографию чудо-девушки из Австралии Маргарет Смит, которая стала в семнадцать лет чемпионкой своей страны. И, уже глядя на эту фотографию, можно было предположить, что в женском теннисе близится новая эпоха.

Маргарет Смит действительно привнесла в женский теннис почти мужскую атлетичность. Наделённая редкими физическими данными, она уже в школе преуспевала в различных видах спорта, была капитаном баскетбольной команды, быстрее всех бегала, играла, как никто, в теннис.

В Мельбурне Маргарет занимается теннисом под руководством опытных тренеров Ф. Седжмена (чемпион Уимблдона 1952 года) и С. Никольса. Эти занятия предполагали обязательное развитие физической силы и выносливости. Смит рассказывает:

«Пять раз в неделю после полудня я посещала спортивный зал и проводила там около двух часов. Я занималась с гантелями, поднимала укреплённые на блоках тяжести и вообще различными упражнениями словно выворачивала себя наизнанку. В 1961 году, глубоко приседая, я могла поднять 160 фунтов (64 килограмма) и соревновалась с мужчинами-легкоатлетами в тренировочном цикле».

И вот уже ни одна теннисистка не может сравниться со Смит в быстроте и мощи. И заметьте: высокая Смит обладает неожиданной лёгкостью. Да, конечно, зрелищно её теннис не очень разнообразен, и, сидя на трибуне, можно предугадать, как она сейчас сыграет мяч, но если стоишь по ту сторону сетки...

В шестьдесят первом году все уже ждали, что Смит выиграет Уимблдон. Буэно, которая, казалось, одна могла противостоять ей, была больна и на турнир не приехала. Но в одной восьмой финала Смит уступила англичанке Кристине Трумен, которая предлагала такой же мощный теннис, хотя в сравнении с нею играла и тяжелее и медленнее. Тут-то я и увидела, как безошибочная Смит вдруг делает самые невероятные ошибки, как она трясётся перед каждым мячом. Да, она научилась играть лучше всех, но далеко не всегда могла показать свою лучшую игру. Оказалось, что её мужская атлетичность не исключает типично женской истерии.

На следующий год у неё уже был бы «Большой шлем», сыграй она удачнее в Уимблдоне. На этот раз путь к финалу ей преградила американка Билл-Джан Моффит (ныне Кинг), которой в последующие годы удаётся четырежды выиграть Уимблдон. Моффит-Кинг никогда не казалась мне игроком, равным Буэно или Смит. Она достаточно одарена и достаточно атлетична, но не более. Чем же она берет? Пожалуй, необычным азартом. И нервы, конечно, у неё покрепче, чем у Буэно и Смит. Журналисты любят писать, что Моффит-Кинг набожна и верит, что бог даст ей победу. Но я не думаю, что она особенно уповаёт на бога, хотя часто поминает его во время игры. Моффит-Кинг ведёт себя на корте скорее как дерзкий мальчишка.

Но тогда Моффит выиграла у Смит случайно. Смит не ожидала, что эта неизвестная американка навяжет ей борьбу, а когда спохватилась, было поздно.

В шестьдесят третьем году Моффит вышла уже в финал Уимблдона, но игра была отложена из-за дождя, и Чак Мак-Кинли, победитель мужского финала, сидел на балу между Смит и Моффит и, боясь обидеть одну из них, пригласил на первый танец... свою жену. Но если Смит, увенчанная замысловатой причёской, держалась уверенно, как первая леди Уимблдона, то Моффит и здесь, не желая отказываться от своих мальчишеских замашек, выглядела менее убедительно. И, мне кажется, что на следующий день Смит потому так легко победила, что уже на балу вошла в роль чемпионки.

Два последующих года Смит будет бороться в финалах Уимблдона с Буэно. Сначала выигрывает Буэно — об этой игре я уже рассказывала — потом Смит. Моффит-Кинг снова выйдет на первый план лишь в шестьдесят шестом году, когда она обыграет и Смит и Буэно. В тот год Смит совсем было потеряла уверенность, изнурённая борьбой даже не с Моффит-Кинг, а прежде всего со своей соотечественницей Лесли Тернер (ныне Баури).

Тернер — ровесница Смит. Она дважды выигрывала чемпионаты Италии и Франции. На травяных кортах чувствовала себя менее спокойно, но всё равно боролась за каждый мяч, боролась без всякой логики, играла и все безнадёжные, и какие угодно мячи. Фанатичная, она так много тренировалась, что переиграть её на земле с задней линии одно время было просто невозможно. В шестьдесят пятом году Тернер обыграла Смит в финале чемпионата Франции, побеждала её и в турнирах так называемого «Карибского круга».

Да, Тернер — типичная защитница. А назначение защитниц создавать класс игры в турнирах, «усложнять жизнь» таким игрокам, как Смит и Буэно, позволяя в то же время им отличиться. Однако в те годы фанатичная Тернер так «усложняла жизнь» Смит в каждом турнире, что у той уже не выдерживали нервы. Не понимаю, как они вместе играли в Уимблдоне пару, — их отношения были крайне напряжены.

Ещё в шестьдесят пятом году я наблюдала в Уимблдоне, в холле раздевалки для «сеяных» женщин, такую сцену. Смит поднимается со своего топчана, идёт к телевизору и включает его. Едва Смит снова ложится, как поднимается Тернер, идёт к телевизору и выключает его. И всё начинается заново.

Это изнурительное соперничество окончилось тем, что Тернер пришлось укреплять свои нервы в больнице, а вскоре исчезла с турниров и Смит — в шестьдесят седьмом году она вообще не играла.

Но уже на следующий год Маргарет вновь появляется на турнирах. Она вышла замуж и носит теперь фамилию мужа — Корт. И на первом же крупном турнире, в полуфинале чемпионата Австралии, Маргарет Корт вновь встречается с Лесли Тернер, которая на этот раз уступает ей почти без борьбы. Тернер готовилась к свадьбе с Биллом Баури — они схожи и характерами, и манерой игры. Эта типично теннисная история началась, конечно, с того, что он предложил ей микст. Они выглядели на корте очень согласованной и очень трудолюбивой парой. В шестьдесят седьмом году они выиграли, например, чемпионат Италии.

А на чемпионате Италии шестьдесят восьмого года Лесли Баури удалось в последний раз досадить Маргарет Корт, которая, проигрывая ей финал, делала от волнения самые элементарные ошибки. Но тогда, в Риме, я наблюдала Маргарет и вне игры. Она приехала на турнир с мужем, постоянно смеялась — была уверена даже в своей причёске, хотя прежде она всегда была в поисках причёски. Мне показалось, что вот-вот она должна обрести спокойствие и на корте, заиграть в свою лучшую игру.

И действительно, в 1969 году Маргарет Корт едва не выиграла «Большой шлем», но, как и в 1962 году, ей не хватило победы в Уимблдоне. Ещё в полуфинале она была сметена англичанкой Эн Джонс, которая десять лет шла к «своему Уимблдону» и в тот год её уже ничто не могло остановить.

Как ничто не могло остановить на следующий год и Маргарет Корт — это был, наконец «год её «Большого шлема». Любопытно, что на всех четырёх турнирах она отдала лишь три сета! И один из них — в Париже Оле Морозовой, которая считает ту игру самой лучшей пока что своей игрой (не случайно зимой 1971 года на турнирах в Австралии Корт избрала Морозову своей партнёршей).

Я понимаю Олю. Проигрыш в борьбе первой ракетке мира и почётнее, и неизмеримо важнее для понимания своих подлинных возможностей, чем иная победа. Помню свою встречу с Маргарет Смит в шестьдесят четвёртом году в Куинс-клубе. В первом сете я лишь пыталась понять: на что я способна? И всё же я проиграла сет с минимальным счётом (5:7), а во втором — даже вела 4:1. Принимая её мощную подачу, я приспособилась держать ракетку чуть ли не за середину ручки и каждый раз стремилась «засадить» ей ответный мяч прямо в ноги. Игра шла на равных, и хотя, в конце концов, я уступила и во втором сете, но достойно — 6:8.

А возвращаясь к «Большому шлему» Маргарет Корт, надо сказать, что и на этот раз труднее всего ей пришлось в Уимблдоне. её финальная «битва» с Билл-Джан Кинг длилась два часа двадцать семь минут. Корт победила в двух сетах, но эти два сета растянулись на сорок шесть геймов — такого долгого женского матча Уимблдон прежде не знал.

Ещё более непримиримый финал с их участием ожидался в Уимблдоне в 1971 году. Дело в том, что и Корт и Кинг, перейдя в профессиональный теннис, потребовали, чтобы им платили за победы не меньше, чем мужчинам. Ими была даже создана профессиональная теннисная группа «Освобождение женщин»! И вдруг Корт заявила в Уимблдоне, что это всё же справедливо, когда мужчина зарабатывает больше женщины. Кинг возмутилась и пообещала расправиться с Маргарет Корт в финале.

Но встретиться в финале Уимблдона им на этот раз не пришлось. Девятнадцатилетняя Ивонн Гулагонг, новая чудо-девушка Австралии, победила поочерёдно и Кинг (в полуфинале) и Корт (в финале).

Я Гулагонг не видела, но говорят, что на корте она напоминает Буэно. И, по всеобщему мнению, именно Ивонн Гулагонг наследует славу Маргарет Корт. Ивонн вырастил знаменитый австралийский тренер Виктор Эдвардс. Он вырастил её в полном смысле этого слова — Ивонн с десяти лет живёт в семье Эдвардса. её отец — абориген. На языке австралийских аборигенов звучная фамилия Ивонн заключает в себе целый пейзаж: «Высокие деревья и тихая вода».

Но завоевать чемпионство, как известно, легче, чем его удержать. В 1972 году уже в полуфинале Уимблдона Ивонн Гулагонг едва спасла игру с чемпионкой США среди девушек Крис Эверт, которую называют второй Моурин Конноли. А в финале Гулагонг уступила Билл-Джан Кинг, которая играла надёжнее и безошибочнее и в четвёртый раз стала чемпионкой Уимблдона.

Смотрите, какое созвездие имён сегодня в мировом женском теннисе: Кинг, Гулагонг, Эверт... К тому же, родив, вновь возвратилась в спорт и уже одержала первые победы Маргарет Корт. Мне хочется верить, что Маргарет ещё выиграет свой последний Уимблдон, хотя такого пока не было, чтобы после рождения ребёнка кто-либо выигрывал Уимблдон...

Род Лейвер, как и Дональд Бадж, выиграл «Большой шлем» — да притом дважды! — и, как и Бадж, — рыжий. Но во всем остальном эти два великих игрока совершенно несхожи.

Если Бадж лишь в пятнадцать лет, уступив настояниям брата, стал играть, наконец, в теннис, то маленький Лейвер взял в руку ракетку, едва научившись ходить. Но в отличие от Баджа, Лейвера долго не хотели признавать человеком, рождённым для игры в теннис. Род обыгрывал всех своих австралийских сверстников, но выглядел так щедро, что даже Гарри Хопман, которого отличает фантастическое чутье на будущих «звёзд», долго не верил в возможности Лейвера. Род целыми днями сжимал теннисный мяч и перетягивал ракетки, укрепляя кисти рук, занимался в гимнастическом зале. И когда доказал наконец своё право быть включённым в команду Кубка Дэвиса, то уже в Мельбурне под руководством Хопмана и Никольса стал специально укреплять грудную клетку и плечевой пояс.

Когда в пятьдесят восьмом году я увидела двадцатилетнего Лейвера в Бекнеме — помню, он шёл по улице и имитировал подачу, то долго не могла отделаться от впечатления, что этот худой рыжий малый затесался нахально в компанию великих австралийцев и теперь, дико тренируясь, рассчитывает выглядеть не хуже других, — одним словом, и в двадцать лет Лейвер не походил на будущего чемпиона. Но два следующие года он уже играл в финале Уимблдона, а в 1962 году выиграл не только Уимблдон, но и «Большой шлем», — так заиграл, что казалось, словно до него вообще никто не умел играть.

И Бадж производил в своё время такое же впечатление. Сказал же побеждённый им фон Крамм: «Что я мог поделаться с подобным теннисом?» Но при этом Бадж относился к теннису как к прекрасной забаве; и когда игра в теннис его утомляла, он играл на рояле. А для Лейвера ничего, кроме тенниса, не существует. И если бы его лишили тенниса, мне кажется, он не захотел бы жить. Про Лейвера говорят, что у него долгий и счастливый роман с теннисом.

Выиграв в шестьдесят втором году «Большой шлем», Лейвер сразу ушёл в профессионалы. Хотел заработать много денег? Нет, деньги деньгами, но он объяснял, что теннис для него не просто игра, а дело всей жизни, и он, наконец, юридически это оформил. И в этом не приходится сомневаться. Известны другие слова Лейвера: «Молодой теннисист должен сражаться, испытывая настоящую любовь прежде всего к самой игре, а не к той награде, которую она сулит. В ином случае давление награды может принести игре только вред». Это он сказал, уже будучи профессионалом, перед тем как вторично, в 1969 году, выиграть «Большой шлем».

Удивительно, что в сегодняшнем профессиональном теннисе Лейверу удалось сохранить такое отношение к игре. А может быть, это и закономерно. Может быть, если бы Лейвер был более утилитарен, он никогда бы не достиг таких теннисных высот. Я убеждена, что деньги — решающий стимул лишь для посредственности...

В последние годы, читая западные теннисные издания, можно подумать, что почти все турниры сводятся лишь к розыгрышу определённой суммы денег, что борьба уже идёт не за почётные титулы, а прежде всего за деньги. Меня возмущает, что в западной теннисной прессе всё чаще пишется не столько о самой игре, сколько о том, кто и какую сумму денег выиграл. И наряду с традиционной «десяткой» мира, смотришь, уже публикуется и другая «десятка» — кто из игроков наиболее преуспел за год в охоте за долларами! Но ведь это извращает саму идею спорта, грозит свести спорт лишь к коммерции. И знаменательно, что в этой ситуации Лейвер призывает молодого теннисиста любить прежде всего саму игру...

Я видела много игр Лейвера, но как рассказать о его теннисе, не погружаясь в сугубо специальный анализ техники, чего я до сих пор избегала, не знаю. А сколько ни повторяй, что Лейвер бьёт из любого положения в любое место, что он умеет полностью сконцентрироваться на игре, что его работа ног исключительна, а вторая подача столь же хороша, как и первая, что, будучи левшой, он использует все преимущества левши, — это ещё не даст представления о его теннисе. Лейвер произвёл в теннисе революцию, как бы подытожив всё то, что приносили в игру его великие предшественники.

Это особенно ясно сейчас, когда Лейвер уже не всегда уходит с корта победителем. Но и его соотечественник трёхкратный чемпион Уимблдона Джон Ньюкомб и чемпион Уимблдона 1972 года американец Стэн Смит и наконец неуязвимый Кен Розуол, да и все остальные сегодняшние конкуренты не выходят за рамки игры, им предложенной.

А если уж заканчивать сравнение Лейвера с Баджем, то надо сказать, что Бадж, как и Тильден, и «мушкетёры», и Перри, и Гонзалес, импозантен, эффектен, полон странностей и причуд. А самый великий из чемпионов, Род Лейвер, выглядит тихим и скромным клерком.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

В январе шестьдесят пятого года на командном первенстве страны в Северодонецке я проиграла Бакшеевой.

До этого я четыре года никому в стране не проигрывала и создала себе прочную репутацию непобедимого игрока. Всё это время я не могла позволить себе даже подумать, что уступлю какой-либо из наших теннисисток хотя бы в показательной встрече. Чтобы быть чемпионом, необходимо поддерживать в себе такую уверенность.

Мои бывшие соперницы постепенно смирились с моим превосходством и часто уже уступали мне просто от страха, но все они были старше меня, а Бакшеева моложе. И я понимала, как Галя необычайно одарена. Но и она долго боялась у меня выиграть и, выходя против меня, делала вид, что ей наплевать, как закончится встреча. Галя ужасно самолюбива и никогда не признается, что у неё что-то может не получиться. В Северодонецке она впервые не стала скрывать, что исход встречи ей безразличен.

А я была очень несобранна в этой игре. В предыдущий день мы с Лейусом только возвратились из Финляндии. Самолёт сел в Луганске, потом четыре часа мы ехали автобусом до Северодонецка, и я сразу же вышла играть с Рязановой. Уже было за полночь, когда наша встреча закончилась, но моя победа не спасла команду Москвы от поражения в матче с Грузией, и теперь нам предстояло играть за третье место с Украиной. И уже в восемь утра мы с Бакшеевой вышли на корт.

В чем-то Галя мне уступала, а в чем-то превосходила меня. Она, например, мощнее меня играет на задней линии, хотя может один раз «выстрелить», а затем три раза подряд «засадить в забор». Но на этот раз она превзошла меня чисто психологически. Я теряюсь, когда на меня нападают, когда заставляют меня защищаться. Я должна сама вести игру. И я привыкла, что, как бы ни блистала, играя со мною, Галя, она в конечном счёте «ломается». А тут, когда она впервые показала, что не боится меня, я сама от неожиданности «сломалась». И на этот раз мы вдруг поменялись ролями, и я повела себя так, словно мне наплевать, чем закончится встреча.

Но, если взглянуть чуть поглубже, я повела себя так не только потому, что Бакшеева заставила меня защищаться. Победы в стране давно не приносили мне прежнего удовлетворения — мечтала совсем о другом.

В шестидесятом году мистер Джонс, один из ведущих теннисных обозревателей Англии, подарил мне очередной выпуск «Международного лаун-теннисного альманаха», который он ежегодно составляет и в котором он поместил на этот раз и мою фотографию. Я взяла ручку и решительно пометила галочками пять имён в десятке лучших теннисисток мира, приведённой в альманахе, — пометила тех, кого решила превзойти уже в ближайшем сезоне.

Но я уже объясняла, рассказывая историю Метревели, что войти в мировую десятку можно только в том случае, если ты постоянно играешь все самые главные турниры, совершенствуя свой класс во встречах с лучшими игроками. Так вот в те годы, когда я никому в стране не проигрывала, я ездила на эти турниры ещё реже, чем сейчас Метревели. С некоторыми из тех теннисисток, которых с такой бесподобной уверенностью я решила в шестидесятом году превзойти, мне так и не удалось встретиться.

У меня были в те годы интересные поездки, но большей частью не по теннисному счёту. В шестьдесят третьем году, например, я ездила в Джакарту на турнир, который был включён в программу ГОНЕФО (Азиатских игр). Но в Джакарте с нами соперничали лишь китайские теннисисты.

Я встретилась с самой сильной китайкой в полуфинале. Было очень жарко, да и стадион поначалу болел за мою соперницу, но, зная, что она не котируется в мировом теннисе, я не могла даже представить, что уступлю этой цепкой и старательной китайке. Я заботилась лишь о том, чтобы сыграть поэффектнее, и в конце концов своего добилась — переманила на свою сторону зрителей. А финал — совсем как на чемпионате страны! — я разыграла с Ирой Рязановой.

Зато я не могу забыть ощущение полной свободы и какого-то растворения в природе, которое испытываешь на пляже под Джакартой: белый песок, пальмы; вдруг океан уходит на несколько километров от берега, и ты идёшь за отливом, собирая кораллы, и неожиданно наступаешь на морского ежа... Помню и ощущение настоящей жары, и как в эту тропическую жару выходишь на корт и с первого раза не можешь выдержать больше трёх-четырёх минут... Помню, как мы летали на десантных самолётах по всей Индонезии и приземлялись на каких-то совсем маленьких островах, где нас встречали радостно, танцевали и пели для нас...

Я побывала в тот год и в африканской стране Уганде, которая только что получила тогда независимость. В первом круге чемпионата Уганды я играла с женой индийского посла, в финале — с весьма почтенного возраста дамой из Нигерии, которая очень хотела выиграть у меня хотя бы один гейм, но я ей этого удовольствия не доставила.

И Уганда мне запомнилась совсем не теннисом. Нас (в Уганду ездил также Рудольф Сивохин, а руководил нашей делегацией Эвальд Янович Крее) возили на экватор, и мы немного постояли посреди земного шара. Крее неутомимо собирал всевозможные растения — лазал в болото за папирусом, в джунглях отламывал кусок лианы. Мне представлялось, что лианы походят на мягкие канаты, но они оказались тонкими жёсткими палками. Мы побывали и в знаменитом Гейм-парке, где лениво и совершенно свободно прогуливаются слоны и тигры, жирафы и леопарды. Мы жили на вилле в окрестностях Кампалы — столицы Уганды. И в последний вечер наша любезная хозяйка радостно мне сообщила, что её ближайшая подруга назвала в мою честь — Анной! — маленького прекрасного ослика...

Мы возвращались из Уганды через Прагу, и на аэродроме мне вдруг сообщают, что я включена в чемпионат Чехословакии и через час мне уже играть. Этот турнир хоть немного помог мне войти в форму перед Уимблдоном. В финале я в хорошей борьбе проиграла Вере Суковой. Это был уже настоящий теннис, и это поражение дало мне больше, чем все победы в Индонезии и в Уганде.

Теперь представляете моё состояние, когда раз в год я приезжаю в Англию? Вокруг ходят знаменитые теннисистки, которые уже много раз встречались между собою в сезоне и «прибились» друг к другу. Я судорожно пытаюсь подготовиться к Уимблдону, играя в Бекнеме и Куинс-клубе. Я по-прежнему хочу обыграть и ту, и другую, и третью, но сознание того, что мне дана лишь единственная попытка, буквально парализует меня. К тому же я знаю, что, проиграй я, допустим, Смит или Буэно, меня не будут отчитывать на федерации, но уступи я менее именитой сопернице...

Создавалась парадоксальная ситуация: и со Смит и с Буэно я играла в свой лучший теннис, а встречаясь с менее именитыми, но достаточно классными соперницами, думала лишь о том, как бы не проиграть, и мучилась на корте, и бездарно ошибалась от страха. Уже проиграв в Англии подачу, я чувствовала себя виноватой. Этот комплекс вины нарастал от турнира к турниру, и мне казалось, что я хожу по болоту, завязая и уже не могу выбраться.

У меня оставалось всё меньше внутренних сил, чтобы поддерживать репутацию своей непобедимости хотя бы в стране. Вот тогда-то я и проиграла в Северодонецке Бакшеевой.

Однако что ж получается? Не слишком ли прекрасно я выгляжу лишь как «жертва» неблагоприятных обстоятельств? Всегда ли я боролась до конца? Нет, конечно. Всегда ли добивалась последовательно поставленной цели? Нет, конечно. Я руководствовалась совсем иным принципом: всё или ничего. И вообще я не могла избавиться во время игры от мучительного самокопания, что совсем, конечно, некстати.

В своё время я привычно побеждала как на летних, так и на зимних московских международных турнирах. Но сейчас вспоминается летний турнир 1962 года, где я была второй. Этот турнир, пожалуй, был самым представительным. В нем участвовала, например, Билл-Джан Моффит (Кинг) — будущая четырёхкратная чемпионка Уимблдона. В полуфинале я встретилась с восходящей австралийкой Робин Эбберн, в предыдущий день победившей Моффит (в тот год в паре со Смит она стала чемпионкой Австралии, ей сулили большое будущее, но вскоре она неожиданно бросит теннис). Первый сет мне достался легко, по счёту, а во втором я, наверное, устала и, как всегда, сразу же потеряла игровое внимание. Розуол утверждает, что концентрацию внимания надо тренировать, как и руку. Это действительно так. Я же, потеряв игровое внимание, часто уже не могла заставить себя собраться до конца встречи. А тогда меня вдруг стало раздражать стрекотание кинокамеры. Я готовлюсь к подаче, а этот кинооператор, почти вылезая на корт, включает камеру, и я уже лишь за камерой и слежу. Я бы проиграла, наверное, этот матч, поддавшись своей истерии, но в какой-то момент, едва замахнувшись на подаче ракеткой, я вдруг заметила, что кинооператор забыл на этот раз снять крышку объектива, и злорадно крикнула ему: «Крышку!» — и успокоилась.

Финал я играла с другой известной австралийкой — Джейн Лихейн (на следующий год она войдёт в «десятку мира»). Лихейн могла хоть целый день, не останавливаясь, кидать один мяч. По первому впечатлению она не выглядела сильнее меня, но я потратила почти полчаса, чтобы выиграть первый гейм. На зимнем Московском турнире того же года я не позволила итальянке Леа Периколи закидать себя свечами — убивала их одну за другой. Но, чтобы сломить защиту Лихейн, мне не хватило и нервов и, что самое главное, класса.

Вроде бы я играла в самый современный теннис — с подачи сразу шла к сетке и уверенно играла с лёта даже посередине корта. В нашей стране до появления Бакшеевой никто, кроме меня, так играть не умел. Но настоящий класс требует умения иногда выждать, подготовить выход к сетке, плотно и остро играя на задней линии. Я же могла выжидать, только кидая свечи. Настоящей игре на задней линии я так и не научилась. А может, и по складу характера мне бы такая игра не далась? И если на быстром травяном корте я ещё как-то могла обходиться «без задней линии», то на медленной земле против такой «защитницы», как Лихейн я выглядела совершенно беспомощно.

А разве у Морозовой сегодня есть задняя линия? И разве не этим прежде всего объясняются многие её неудачи на зарубежных турнирах? У нас по-прежнему недопонимают, что это такое — современный теннис. Если бы у нас была хоть одна настоящая «защитница», то Морозовой пришлось бы научиться её обыгрывать, и это пошло бы только на пользу нашей сегодняшней чемпионке. Такую «защитницу» можно было сделать, мне кажется, из Исопайтис, но её заставляли стремиться играть лишь в атакующий теннис. А в результате и «защитницей» Исопайтис не стала, и атаковать по-настоящему не научилась. Но это так, небольшое отступление.

Когда я встречалась с очень сильной соперницей, то должна была убедить себя, что выхожу не выигрывать, а лишь красиво сыграть. В ином случае я сразу закрепощалась.

Помните, я рассказывала, как в шестидесятом году едва не выиграла в одной шестнадцатой финала Уимблдона у знаменитой американки Дарлин Хард, но пошёл дождь, игру отложили на завтра, а утром, выйдя на корт, я не могла отделаться от ощущения, что под ногами густой, расплавленный асфальт, а не упругая трава...

И уж совсем досадно я проиграла в шестьдесят четвёртом году в первом же круге Уимблдона Карен Сасман. её девичья фамилия Ханце. И в начале шестидесятых годов считалось, что Карен Ханце значительно более яркая теннисистка, чем другая юная американка — Билл-

Джан Моффит. Карен играла очень естественно, мягко, она была рождена игроком, как Хoad или Буэно. Ей было восемнадцать, как и Моффит, когда, объединившись в пару, они выиграли Уимблдон. Это произошло в шестьдесят первом году. И на следующий год они вторично выиграли в паре Уимблдон, а Карен Сасман (она уже вышла замуж) и в одиночном разряде вышла в финал, где Вера Сукова, травмировав ногу, не смогла оказать ей настоящего сопротивления, хотя успеха Сасман это несколько не умаляет. На следующий год Сасман совсем не играла в Европе; и когда в шестьдесят четвёртом году она снова приехала в Уимблдон, её не «посеяли», и так получилось, что в турнирной сетке мы оказались рядом. Весь день шёл дождь, и нас пригласили на центральный корт только под вечер. Я начала удачно: хорошо подавала, остро играла с лёта, чётко и уверенно принимала мяч и выиграла первый сет неожиданно быстро. Вообще-то мне всегда удобно было играть даже с самыми сильными американками. У них излишне правильная и несколько однообразная постановка игры, что и помогло мне почти безошибочно предугадывать мяч.

Я повела и во втором сете, как вдруг Сасман упала раз, другой — она делала это естественно, очень женственно, вызывая всеобщее сочувствие. Но если даже она падала специально, я не могу её осуждать. Стремясь переломить ход игры, она выбрала в союзники недавно прошедший дождь. Я вела уже 4:2, когда Сасман упала в третий раз, и майор Гибсон, главный судья Уимблдона, решил отложить встречу до утра.

Я, конечно, почти не спала. Я вообще почти не могу спать во время турниров. Вот Бакшеева ещё менее уравновешена, чем я, но засыпает в одну секунду и может спать сколько угодно. А я по-настоящему засыпала в Англии только под утро, а тут уже надо было вставать, бежать в Гайд-парк, где Семён Павлович ежедневно проводил с нами зарядку. В то утро я добежала, помню, до озера, которое находится в глубине Гайд-парка, и, лишь тихо постояв у воды, немного собралась.

Когда мы приехали на стадион, я увидела, что Сасман специально тренируется с Эн Джонс, которая, как и я, левша. Мною вдруг овладело состояние совершенного безразличия. Мне стало скучно, даже не страшно, а просто скучно продолжать эту игру. Так, излишне закрепощённая, я играла весь второй сет и, конечно, его отдала. В третьем сете я пыталась сбросить нервное напряжение, но настолько раскрепостилась, что теперь стала проигрывать как-то легко и даже весело. Сасман уже вела 5:2 и 40:0, когда я, оставаясь раскрепощённой, неожиданно собралась (это то идеальное состояние, которое мне никак не удавалось найти до этого) и, подогретая острой ситуацией трёх матчболов, которые имела Сасман, рискнула и угадала один её мяч, второй, а третий матчбол Сасман отдала сама, сделав на подаче двойную ошибку. Ко мне возвратился вчерашний настрой, и я мгновенно взяла четыре гейма. И вот мне остаётся выиграть лишь два мяча для победы. Сасман дрожит, и она выкидывает мне мяч прямо «на нос», но я не могу попасть по нему ракеткой. Теперь мы обе в затушке, я отдаю ей этот гейм, а в следующем... Одним словом, мы обе бегали, ошибаясь, дрожа, но я ошибалась чаще и проиграла 8:10.

Победы надо набирать постепенно: сначала над игроками средними, потом более сильными, потом ещё более сильными. А может, окажись я и в идеальных условиях, у меня всё равно бы не хватило терпения для такого постепенного продвижения наверх?

В шестьдесят третьем году в финале «плейта» (утешительного турнира Уимблдона) я встретилась с французенкой Франсуазой Дюрр — той самой Дюрр, которая играет «неправильно» что справа, что слева, но зато как играет! В тот год Дюрр впервые приехала в Уимблдон и, победив меня в «плейте» (а я не очень старалась, считая победу в «плейте» успехом весьма относительным), ужасно ликовала, кинула вверх ракетку. Я ещё подумала: «Что это с ней случилось?» А потом Франсуаза сказала мне, что победу надо мной она считала важным этапом для приближения к мировой десятке.

И действительно, на следующий год Дюрр уже вплотную приблизилась к мировой десятке. На следующий год я встретилась с ней в финале турнира в Алжире. Я очень обрадовалась, когда меня послали в мае в Алжир: наконец-то смогу хоть немного обыгратся перед

Уимблдоном. А когда я прилетела в Алжир, все игроки только и говорили о Париже, собираясь прямо из Алжира лететь на чемпионат Франции. Я подумала, что если бы мне сыграть и чемпионат Франции, я могла бы приехать в Уимблдон совсем в достойной форме. Мы тогда не ездили на чемпионат Франции (попробовали однажды послать Титову, Мозера и Лихачева, но они в первом же круге вылетели, и Париж надолго для нас «закрылся»), но я убедила себя, что, если мне удастся выиграть турнир в Алжире, меня непременно пошлют и в Париж.

Незадолго до этого я прочитала рассказ Паустовского «Париж мимолётный». И вообще побывать в Париже было моей мечтой. И на филфаке я специализировалась по французской литературе. Я так ощутимо представляла Париж, словно уже не раз ходила по его улицам...

Перед финалом я снова стала внушать себе, что мне остаётся лишь победить Дюрр, которая родилась в Алжире, и все знают, как ей хочется выиграть этот турнир, и случится чудо — в последний миг мне скажут: «Лети в Париж».

Дюрр хорошо обводит, но я играла в свою игру, которая мне удобна, при которой меня обвести нелегко. Дюрр злилась, но игру вела я, и с самого начала, а ей оставалось лишь защищаться и ждать, когда я не выдержу алжирского солнца и её упорной защиты. Ей действительно было очень обидно проигрывать этот турнир, но на этот раз я диктовала условия.

А чуда, естественно, не случилось. Я всё ждала какой-то мифической телеграммы от нашей федерации, хотя прекрасно понимала, что не может быть никакой телеграммы. И наступило утро, когда я села вместе с Дюрр в машину — мы очень сдружились в последние дни турнира — и поехала на аэродром, чтобы проводить Франсуазу в Париж.

— Жаль, что ты не летишь в Париж, — говорила Дюрр.

— Меня пригласили в Оран, — говорила я, — играть там особенно не с кем, но ведь это Оран, который Камю описал в «Чуме»...

— Да, конечно, — соглашалась Дюрр.

Сезон шестьдесят четвёртого года я закончила, казалось бы, успешно: в пятый раз выиграла чемпионат СССР, была названа «третьей ракеткой Европы». Но ощутимых побед по-прежнему не было.

И в университете я чувствовала, что отстаю — недорабатываю, недочитываю, недоучиваю, а едва втянусь в общий ритм, надо ехать на очередной турнир. Сокурсникам моя жизнь, наполненная поездками «за границей», предполагавшая право на самостоятельный график сдачи экзаменов, казалась весьма романтической, а главное, абсолютно свободной. Но эта свобода была расписана по минутам, в которые мне всё труднее было укладываться.

Мне вдруг захотелось обычной размеренной жизни с каждодневным хождением в университет. И чтобы успевать читать книжки, не только те, что в программе. Словом, захотелось той же свободы.

И вообще в двадцать три года у всех уже в голове романы, замужества, и у меня, конечно, тоже, но я еле успеваю доехать от университета до стадиона и от стадиона до дому. А стоит мне провести вечер, как я хочу того, и сразу — ущерб тренировкам, физподготовкам... Внутри растёт неудовлетворённость, которую я не хочу осмыслять, откладываю подальше, чтобы не портить настроение.

И хотя в январе шестьдесят пятого года я узнаю, что в наступающем сезоне график моих соревнований наконец-то расширен и до Англии будет даже Франция и Египет, а пока еду с Лейусом на довольно крупный турнир в Хельсинки, но это меня уже не радует, я не готова к такому сезону, ничего не сделала за зиму, да и из Москвы уезжать на этот раз совсем не хочется. Настроение (теннисное) отвратительное. Первый раз я еду без планов, без надежд, в душе смирившись, что настоящей чемпионкой мне уже никогда не быть.

Не могу сказать, что я уж совсем ничего не добилась на зарубежных турнирах того года. Например, довольно удачно играла микст с Тоомасом Лейусом: мы стали чемпионами Скандинавии, АРЕ, а в Англии выиграли Бекнемский турнир, победив такую австралийскую пару, как Тегарт — Роч. Но, играя, я смотрела на себя как бы со стороны: ещё чего-то бегают...

Так я смотрела на себя и когда проигрывала в Северодонецке Бакшеевой.

Лишь в августе, на Московском международном турнире, я перешла из этой странной категории «играющего зрителя» наконец в обыкновенные зрители. Я уже не играла — ждала ребёнка.

В то лето в Москву приехали Маргарет Смит и Джуди Тегарт. Обе австралийки уверенно приближались к финалу, а Смит даже не приходилось играть в полную силу. Уже глядя, как великая Смит выходит на площадку и становится по другую сторону сетки, наши теннисистки, которые на неё «попадали», обречённо сникали.

В этой ситуации достойно выглядела одна Бакшеева. Хотя объективно на Бакшееву трудно было рассчитывать: меня она «зацепила» зимой, а потом играла со страшными провалами. Но как раз на этом турнире Бакшеева и доказала, что теперь она лидер нашего женского тенниса.

В полуфинале Бакшеева встретилась с Тегарт, которая при всей своей мощности имеет в игре достаточно «свободных мест». А Бакшеева быстро находит брешь и играет туда, куда следует. Это одно из высших её достоинств. Бакшеева играла с Тегарт и остро, и резко, и, что самое главное, надёжно и точно. Именно точности и надёжности обычно ей не хватало, но на этот раз рисунок её игры был идеален.

Хотя в финале Бакшеева и уступила Смит, но в настоящей борьбе. Смит играла уже в полную силу, а Бакшеева с каждым геймом всё более к ней приспособливалась и отвечала всё острее и неожиданнее...

А из Италии на этот турнир приехала Франческа Гордиджани. Она откровенно обрадовалась, что я не участвую в турнире и, значит, могу по-настоящему показать ей Москву. Турнирной борьбой Франческа себя особенно не утруждала — теннис её интересовал в Москве в последнюю очередь.

Нас сблизил средняя раздевалка Уимблдона.

В Уимблдоне три женские раздевалки. Верхняя, вход в которую рядом с королевской ложей, предназначена для самых именитых теннисисток. И, кто однажды поднялся наверх, вниз уже не спускается.

Другой вход, который охраняют две женщины в военной форме, ведёт в среднюю и нижнюю раздевалки. В нижней тот же комфорт и тот же «оранж», что и в средней, но только нет окон — здесь, в подвале, раздеваются или совсем молоденькие теннисистки, или уж совсем «безнадёжные» (если говорить, конечно, по самому высокому счёту, ибо право участия в Уимблдоне надо тоже завоевать).

Самая пёстрая по составу — средняя раздевалка. Здесь и теннисистки невероятно старательные, которые тренируются, как лошади, и ни одной игры без борьбы не отдают, надеясь подняться наверх, но это им не дано — нет настоящего таланта. Здесь же и более одарённые, но менее старательные — эти постоянно ищут, как бы развлечься, а то и выйти замуж...

Ни к тем, ни к другим Франческа не принадлежала. Теннис позволял ей путешествовать и смотреть мир. Не было языка, по-моему, которым бы она не владела. Год она прожила в Париже, год разъезжала с автостопом по Америке... Плохое знание английского она мне прощала, но стоило мне заикнуться, подыскивая французское слово, Франческа тут же начинала меня дразнить. Однако единственно достойным языком она считала тот, на котором говорят в её Флоренции — язык великого Данте. С итальянцами, которые говорили, как говорят в Риме или, допустим, в Венеции, она предпочитала объясняться на французском.

— Спроси меня: в каком городе я живу? — начинала обычно Франческа.

Если я принимала её игру, она продолжала:

— А теперь спроси: на какой улице я живу?

И я спрашивала в сто первый раз, чтобы доставить ей удовольствие:

— На какой же улице ты живёшь в своей божественной Флоренции?

— На улице Гордиджиани! — восклицала Франческа.

Она действительно жила на улице имени своего деда — чтимого флорентийцами художника.

В Египте мы с Франческой лазали по пирамидам, в Лондоне ходили в кафе Шерлока Холмса, где дымится его «подлинная» трубка и сидит, не мигая, его «подлинная» собака; в Париже смотрели «Носорогов» в театре Ионеско; в Алжире пробовали «кус-кус» — это рис, пропитанный духом жареной курицы, барашка и ещё кого-то и потом перемешанный с кусками жареной курицы, барашка...

Многие великие игроки, переезжая из страны в страну, с турнира на турнир, кроме отелей и кортов, ничего обычно не видят. А какой же смысл ездить по миру и ничего не видеть? В этом мы с Франческой сходились.

Она привлекала меня и своей экспансивностью, и естественностью, и смелостью поступков — надо же решиться почти год и почти без денег странствовать по Америке!

Как играла Франческа? Она долго была второй в Италии — после Леа Периколи. Сначала я думала, что это её вполне устраивает, но потом мне рассказали, что в тот единственный раз, когда Франческа выиграла чемпионат Италии, она от радости плакала. Я спросила, неужели она действительно плакала? И Франческа сказала, что да, ей очень хотелось хотя бы один-единственный раз быть первой хотя бы у себя в Италии.

Она обычно поддразнивала меня:

— Всё равно я лучше тебя играю.

— Кого же ты победила? — спрашивала я в тон.

Но какое бы имя ни назвала Франческа, я говорила, что с этой я бы постыдилась даже выйти на корт. И так — до бесконечности.

Помню, как Франческа настраивала меня на игру со Смит в Куинс-клубе:

— Ты же единственная из нас, кто может её обыграть. Ты создаешь это?

«Из нас» в данном случае означало — «из средней раздевалки Уимблдона».

Когда кто-нибудь из «средних» играл с «верхней», вся наша раздевалка, невзирая на различия по группам и интересам, мгновенно объединялась — тебя провожали, настраивали, убеждали побить эту «верхнюю»! И когда, проиграв так обидно Сасман, я вошла в раздевалку, там царил траур.

— Ладно, покури, — подошла ко мне Франческа.

Я отстранилась.

— Ну, если даже ты покурить не хочешь! — закричала Франческа.

И она своего добилась — я улыбнулась.

В Москве Франческа совершенно истерзала меня своей любознательностью. Каждые пять минут она или что-нибудь спрашивала, или искала точку для очередного снимка. Мы потратили несколько часов, например, пока Франческе не удалось сделать настоящий снимок кремлевских башен. Мы уже отъехали довольно далеко от Кремля, когда Франческа вдруг умоляюще посмотрела на моего мужа:

— Я, кажется, засветила плёнку. Мы должны возвратиться...

Она мне сказала, что решила всерьёз заняться художественной фотографией, открыть своё ателье, что, конечно, помешает немного теннису, но она будет играть хотя бы для того, чтобы однажды мне доказать, что все-таки лучше меня...

— Но я-то больше играть не буду, — сказала я.

— Врёшь! — убеждённо сказала Франческа.

Когда у меня родилась девочка, я, казалось, ушла целиком в материнские заботы, но уже не могла и вновь не думать о теннисе. Я убеждала себя, что, помимо материнских забот, теперь мне надо найти такое каждодневное дело, чтобы оно не оставляло времени даже вспоминать о теннисе, вспоминать о чистом звуке мяча, и как ты под этот чистый, нестёртый звук подлаживаешься и, наконец, кидаешь крученую свечку, и слышишь, что свечка дотянута.

Но как только врач разрешил мне играть, я в тот же день была на площадке. Я говорила себе, что просто хочу потренироваться немного, хочу немного восстановить форму, а выступать никогда больше не буду — тренируюсь так, для себя. Физически я себя чувствовала, быть может, неважно, но игра шла, словно и не было перерыва. А вокруг ходят люди и говорят: «Ну ничего, ничего — играй, может, на следующий год в каких-нибудь соревнованиях и выступишь». Со стороны было видно, что я и двигаюсь медленно и вообще разучилась играть, мне же казалось, что я могу все, как прежде. Такое несоответствие!

В июне я наконец защитила свой университетский диплом, который был посвящён сравнению переводов «Пиковой дамы», сделанных Проспером Мериме и Андре Жидом, и уже всерьёз «заболела» теннисом. Я поняла, что играть для себя, бесцельно не умею. Значит, надо играть по такому счёту, как привыкла. И поняла, что, если оставлю теннис, я лишь обедню свою жизнь.

И тут появился Андреев, который, узнав в своё время, что я ожидаю ребёнка, посмотрел на меня совершенно отсутствующим взглядом, заставив меня испытать чувство ужасной вины. Я могла понять своего тренера, но и он должен был понять меня.

А теперь Сергей Сергеевич спросил меня как ни в чем не бывало, когда я надеюсь выступить в соревнованиях. Я сказала, что в августе буду играть Московский международный турнир. Он удивился. Ему любопытно стало, как это я смогу за месяц войти в форму.

Я видела, как он сдерживался, чтобы не сказать на первой же тренировке, что я совсем не могу играть. За неделю до турнира он стал мне проигрывать, чтобы подбодрить меня. Потом дал мне контрольные встречи с Реной Абжандадзе и Мариной Чувыриной, в которых я победила с трудом и скорее всего случайно. Но тем не менее у меня появилось хорошее настроение. Знала, что от меня ничего не ждут, но мне казалось, что сыграю. Я несколько не волновалась перед турниром, наоборот, ко всему относилась с иронией. Как бы со стороны слушала эти предварительные объявления, что Анна Дмитриева опять играет...

Турнир открылся — и вдруг я действительно заиграла. Я брала азартом, который пропал было за последние годы. Я добывала победы, утверждая себя, как в те годы, когда я только начинала играть. Я опять начинала. Для зрителей моё возвращение было в порядке вещей: все возвращаются, — но я-то лишь месяц назад решила вернуться на корт и в душе подсмеивалась над собой.

Но именно потому, что я относилась к себе критически, у меня была холодная голова. Я старалась думать перед каждым мячом, анализировала. Я знала, что сил у меня мало, и экономила силы как могла, играла в самый выигрышный теннис, не рискуя, где не надо, но в то же время рискуя, ибо иначе опять же не хватит сил. Играла точно по счёту и каждый мяч принимала как последнее очко.

Обыграла датчанку Баллинг, француженку Террас и, наконец, Иру Рязанову. Я вышла против Иры с таким же чувством, как в своё время в Таллине, когда я была совсем маленькой и даже не умела крутить мяч, а Ира уже умела. Внешне-то я держалась уверенно, стремясь внушить Ире привычный страх. Началась игра, и вдруг я поняла, что за прошедший год Ира ещё больше вышла из формы, чем я. Во втором сете уже и борьбы никакой не было.

Но в полуфинале мне предстояло играть с Джуди Тегарт, которая опять приехала в Москву. Джуди, в паре с которой я выиграла в своё время «бронзу» Уимблдона, на три года старше меня. Но когда в шестьдесят пятом году я решила, что мне уже ничего не добиться,

Джуди как раз начала своё восхождение. В 1968 году она выйдет в финал Уимблдона, в 1969 году выиграет чемпионат ФРГ, а в паре с Корт — Уимблдон, в 1970 году в паре с Корт — чемпионаты Австралии и США.

И в шестьдесят шестом году Джуди приехала на Московский турнир уже чемпионкой Австралии (с Рочем) и Франции (со Смит). Узнав, что я снова вышла на корт, Джуди решила меня поддержать и взяла в пару. Перед каждой игрой она настраивала меня: дескать, я всё возьму на себя, ты не волнуйся.

Она дружески похлопала меня по плечу, успокаивая, и когда я вышла играть с нею полуфинал. До этого мы трижды встречались в Англии, счёт был 2:1 в пользу Джуди. Теперь она собиралась, конечно, победить меня в третий раз и вообще несколько реабилитировать себя в глазах московских зрителей за прошлогоднее поражение от Бакшеевой (Галя в этом турнире не участвовала — была больна).

Тегарт уверенно повела 5:2, но при этом критическом счёте игра стала переходить ко мне. Джуди не сразу это почувствовала: внешне она по-прежнему нападала, я защищалась. Но вот она как будто чуть-чуть не дошла до сетки, однако это была моя «вина» — я чуть-чуть раньше ответила. Вот она сильно ударила и уже сочла мяч выигранным, а я, предугадав её замысел, ждала мяч там, где следует, и обвела её. А теперь свечка пролетела над её головой всего в нескольких сантиметрах и попала точно в линию...

Все началось с этого «чуть-чуть». Вдохновлённая успехом, аплодисментами зрителей, увлечённая игрой, я находилась в таком нервном возбуждении, которое помогает действовать на корте почти интуитивно, но почти всегда верно. Нападала я или защищалась, но я чувствовала, что нить игры полностью в моих руках, и радость от сознания собственной силы ещё более возбуждала меня. Я победила в двух сетах.

В финале я проиграла англичанке Эн Джонс. Помните, я уже рассказывала историю Эн Джонс (Хейдон), которая поначалу держалась в тени Кристины Трумен и целых десять лет упорно шла к «своему Уимблдону» и дошла все-таки — в 1969 году. Да и тогда, в шестьдесят шестом году, Джонс была четвертой ракеткой мира — она только что выиграла чемпионаты Франции и Италии. Даже в лучшей своей форме мне было трудно противостоять Джонс, а тем более — на земле.

Все поздравляли меня с успешным возвращением в теннис, а профессор Михаил Федорович Нестурх вручил мне очередное издание своей знаменитой книги «Происхождение человека» с очередной дарственной надписью. Сколько я ни играла в Москве, всегда видела на трибуне Михаила Федоровича. И вообще в Москве, да и не только в Москве, круг теннисных зрителей постоянен. Это объясняется отнюдь не избранностью тенниса в сравнении, например, с футболом. Среди тех, кто смотрит футбол, многие последний раз играли в него в далёком детстве. А теннис приходят смотреть играющие теннисисты. С разрядами и без разрядов. И совсем юные и очень древние. Научиться этой игре никогда не поздно, а играть в неё можно всю жизнь. Назовите другой вид спорта...

Стоп. Я начинаю доказывать, кажется, что теннис лучше футбола и всего остального. Это глупость. Каждый вид спорта прекрасен по-своему и увлекателен. Я совсем не о том хотела сказать.

Когда-то, в дореволюционной России, в теннис играли действительно избранные (как и в футбол, впрочем). Но давно уже в нашей стране теннис стал массовым видом спорта. Теннисной ориентации, например, придерживаются такие растущие промышленные города, как Северодонецк и Салават. Турнир юниоров Уимблдона выиграла в 1971 году Марина Крошина из Алма-Аты, где тренер Августин Августиневич Вельц создал новую теннисную школу.

В теннис у нас играют и школьники, и рабочие, и космонавты — Юрий Гагарин полагал, что теннис может быть «очень полезен и в процессе подготовки космонавтов к полётам». Всё это так. Однако теннисных площадок и инвентаря у нас не хватает, и на теннисной карте страны ещё достаточно «белых пятен».

Каждый уважающий себя город норовит обзавестись сегодня ледовым дворцом. Но построить крытый теннисный корт, где можно было бы играть и зимой, значительно дешевле и проще. Пример тому недавно вступивший в строй крытый корт в Куйбышеве.

Быть может, хоккей и фигурное катание более зрелищны, чем теннис. А быть может, наше телевидение ещё просто не научилось показывать теннис — ведь зрелищность и незрелищность вида спорта ныне определяется телевидением. Если же говорить о высоких целях, которые преследует новый комплекс «ГТО СССР», то тут я ручаюсь за теннис полностью. Игра в теннис требует такого всестороннего физического развития, что каждый им занимающийся легко сдаёт нормы своей ступени нового комплекса.

С теми же, кто утверждает, что теннис по самой сути своей предполагает избранность, я отчасти согласна: да, на теннисный турнир случайный зритель не придёт, а только тот придёт, кто на всю жизнь избрал теннис своей игрой, как это сделал, например, старейший профессор МГУ Михаил Федорович Нестурх.

После Московского турнира я окончательно поняла, что не могу расстаться с теннисом. У меня появилась достаточно конкретная цель. Будучи десятой, пятой или даже второй в стране, я могу и не встретиться вновь со Смит, Буэно и другими сильнейшими теннисистками мира. А мне надо было встретиться с ними, чтобы начать всё сначала.

В конце сентября я поехала на чемпионат страны в Алма-Ату. Я говорила, что хочу лишь выйти в финал, но, признаться, надеялась на большее. В «Советском спорте» шесть ведущих тренеров высказали свои прогнозы: кто отдавал предпочтение мне, кто — Бакшеевой. Но категорически высказывалась лишь Нина Сергеевна: она считала, что первой буду наверняка я.

А я проиграла уже в четвертьфинале Рене Абжандадзе. Я, конечно, была не готова к такому долгому и принципиальному турниру, как чемпионат страны. И конечно, не надо было думать только о первом месте, и уж Абжандадзе я тогда бы не проиграла. Но я всегда так: всё или ничего. И я даже не стала бороться с Тийу Киви за пятое-шестое место. Она бегала, а я стояла. Так поступать было неспортивно, но я ничего не могла поделать с собой.

По итогам Московского турнира и чемпионата страны меня поставили во всесоюзной классификации на пятое место. Ко мне все подходили, говорили, что это неправильно, что я должна быть второй после Бакшеевой. Мне это льстило, конечно, я играла в благородство и говорила, что нет, всё правильно. Но мне безразлично было — пятая я или вторая. Я хотела быть, как и прежде, только первой.

После моего провала в Алма-Ате Андреев решил, что из меня ничего уже не получится. И вообще ему надоели и мои комплексы, и моя истерия. У меня опять фактически не было тренера. Я договаривалась в «Динамо» с мальчиками, которые играют в силу среднего первого разряда, о тренировках, а ведь прежде мне специально вызывали партнёров. И никогда прежде у меня не было такой проблемы — получить зимой корт. Я звонила, да и не я, за меня звонили и говорили, что Дмитриевой нужно время пять раз в неделю. «А может, ей нужно десять? спрашивали. — Так пожалуйста». Теперь же у меня были на «Динамо» лишь три тренировки на неделю, а в остальные дни приходилось договариваться в других клубах. Впервые я поняла, какова жизнь среднего игрока, который должен выбиваться сам. Но я хотела прорваться, и это меня подстёгивало.

В декабре в Москве проводился традиционный Кубок Зигмунда. Микст я играла на этот раз с Володей Коротковым. Он тогда подавал большие надежды, был двукратным победителем юношеского Уимблдона. Коротков совсем иной тип теннисиста, чем, допустим, Потанин или Метревели. Сначала его сделали, а уж потом он заиграл. Зря, конечно, Володю так форсировали те, кого он в семнадцать лет легко побеждал (например, югослав Франулович), теперь дождались своего часа и заиграли, а Володя никак не может найти себя.

В Алма-Ате я наконец рассталась со своим многолетним партнёром Лихачевым и чемпионат страны играла уже с Метревели. Лихачев приехал на Кубок Зигмунда, и я впервые вышла играть против него. За всю свою теннисную жизнь я боялась в миксте лишь австралийца

Кена Флетчера, который, играя против женщин, ведёт себя, как шпана. Встречаясь с другими, даже с самыми мощными игроками, я всегда была уверена и в их благородстве, и в своей реакции. На этот раз я надеялась лишь на реакцию. Мы с Лихачевым, ещё будучи партнёрами, неоднократно ссорились из-за того, что он бил в женщин, хотя он всегда делал вид, что это произошло случайно, и всегда скидывал руки, извинялся.

Лихачев играл с Сазоновой, а я с Коротковым. Я быстро поняла, что Лихачев думает не столько о счёте, сколько о том, чтобы попасть в меня. И вот мяч оказался у него «на руке», а я — напротив у сетки. Я подумала, что уж с такого близкого расстояния он никогда не ударит в меня, но он со всей силой ударил, я успела лишь чуть отвести голову, и мяч угодил мне в шею. Такой боли я никогда ещё не испытывала, но попыталась сделать вид, что ничего не случилось.

— Так тебе и надо, — отчётливо сказал Лихачев.

Володя заметался по корту. Он хотел отомстить за меня, но не знал как. Володя сказал мне, что берет игру на себя и тут же попытался попасть в Лихачева и, конечно же, проиграл этот мяч. Но я немного пришла в себя, мы собрались и победили. После этого я долго не разговаривала с Лихачевым. Теперь опять здороваемся, и вряд ли бы стоило об этом эпизоде вспоминать, но Лихачев по-прежнему считается нашим лучшим парным и микстовым игроком и мне очень бы не хотелось, чтобы кто-нибудь из молодых игроков перенял и это его умение «случайно» попасть в женщину.

В январе, в финале личного первенства Москвы, я проиграла Оле Морозовой, которая, как и Коротков, была к тому времени победительницей юношеского Уимблдона, и, как и Коротков, считалась нашей надеждой. Морозову вырастила Нина Сергеевна. После моего ухода от неё Нина Сергеевна целиком вложилась в Олю.

Морозовой семнадцать, за неё все болеют. Как не столь уж давно все болели за меня. Мне страшно. Чувствую, скорости нет, но показать этого нельзя. Делаю вид, что всё в порядке. Веду как бы двойную игру: одну с противницей, другую — с воображаемым зрителем, который против меня и иронически комментирует мои ошибки. Я уже не рискую, боюсь смазать. Нет, думаю, лучше не побегу, по крайней мере, стыдно не будет. А Морозова играет в свою лучшую игру, она хорошо бегают, и даже подача — самое слабое её место — идёт у неё хорошо. И всё же мне известны её варианты, я могу заранее предугадать, как она сыграет и куда. Но играю сумбурно, словно нет у меня никакого опыта.

Я проиграла Морозовой накануне зимнего лично-командного первенства страны. Но всё же меня, а не Морозову, ставят первой за сборную Москвы, и это меня несколько воодушевляет. Перед соревнованиями был какой-то сбор, я впервые за последнее время тренировалась со всеми. Я поиграла с девочками со счётом и убедилась, что не так уж они и сильны. Но все они были полны планов и надежд, и я заразилась их оптимизмом. Однако начались соревнования, и каждая игра была для меня мучительно трудной. Командные соревнования сменились личными, и в финале я встретилась с Бакшеевой. Это было в ЦСКА, на деревянном полу нового крытого корта. Я играла опять растерянно. Варианты Бакшеевой предугадать трудно, даже плохие её удары опасны. Я пришла в себя в конце второго сета, но было уже поздно...

В конце февраля открылся очередной Московский международный турнир. С первого же дня я знала, что выиграю этот турнир, как и в прежние годы. Утром, перед финальной игрой с Бакшеевой, всё складывалось, как я хотела. Иногда весь этот режим — завтрак вовремя, обед вовремя, всё вовремя — сам по себе требует усилий, ведёт не к спокойствию, а лишь к растрате нервной энергии. Ах, нужно куда-то бежать, а я не успеваю, всё наскоком — и настроение пропало. А тут как бы независимо от меня всё получилось. Андреев немного позанимался со мной, и за полчаса до игры у меня пошла подача. Всё складывалось удачно.

Я повела игру за каждое очко. На каждой подаче шёл долгий розыгрыш, и Бакшеева уже знала, что ей рисковать нельзя. Ей приходилось выкладываться на каждой подаче. Почти на каждой её подаче у неё «висел» гейм. Свои же подачи я выигрывала сравнительно легко. До счёта 9:9 я играла низкими короткими мячами, чтобы они в ногах путались. Но тут Андреев, увидев, что Бакшеева уже волнуется, шепнул мне, когда мы менялись площадками: «Надо усилить». И теперь, принимая её мячи, я стремилась сыграть сильно и близко к линии. Это рискованно, но я рискнула удачно и выиграла первый сет.

Галя так расстроилась, что стала играть невпопад, спешить. Я вела во втором сете уже 4:1, когда у меня вдруг пропала подача. Счёт стал 4:3, потом 5:3, 5:4. Теперь мы волновались обе. Наконец у меня матчбол. Посылаю мяч своим коронным ударом и думаю: «Ну, последний мяч». Но она угадывает этот мяч, она мои «коронки» знает. В суматохе принимаю мяч ободом, но каким-то чудом он всё же перекачивается через сетку...

После трудного выигрыша я часто испытываю не подъем, а скорее опустошённость. Но бывает выигрыш, который помогает оценить свои силы. Так было и на этот раз.

В марте меня послали на турниры в Каир и Александрию. Европейские игроки, приезжая в марте в Египет, тут же надевают панамы, жадно загорают, играют в первые дни плохо, разомлев на солнце. Но постепенно входишь в игру, площадки и в Каире и в Александрии хорошие, отели удобные — одним словом, начинать сезон в Египте приятно.

В центре внимания на этих турнирах тогда был, конечно, Исмаил Эль-Шафей. Сейчас он ушёл в профессионалы и несколько потерялся, но начинал блестяще. Ажиотаж вокруг Эль-Шафея и в Каире, и в Александрии был такой же, как у нас в Тбилиси вокруг Метревели.

На этих турнирах я заняла лишь второе место, но вошла в хорошую форму. Я очень много тренировалась в Египте с Олей Морозовой, выкладываясь до конца. Оля всегда тренируется с отдачей.

Оле нужно время, чтобы приспособиться к игроку, постоянно тренируясь с ней, я её к себе приспособила, ввела в свой игровой ритм. Конечно, учитывая наше уже начавшееся соперничество, делать это мне было не обязательно. Но я бы стала очень плохо к себе относиться, если бы поддалась подобным мыслям.

В мае я прилетела в Париж. Кругом бегают французы, кругом говорят по-французски! С аэродрома мы сразу поехали в «Юнеско» — маленький отель около Военной академии, в пяти минутах ходьбы от Эйфелевой башни. Мы уже жили там в шестьдесят пятом году. В этом отеле и нравы просты, и хозяйка мила. На кухне стоят кастрюли и чашки; если хочешь, можешь что-нибудь сам приготовить. Мы с Галей ходили по магазинам и покупали корнишоны, спаржу, рыбу прямо со льда. Тратили всё до сантима. А тратить деньги Галя умеет ещё лучше меня.

На знаменитый стадион Ролан Гаррос ехать нужно через Булонский лес. Центральный корт окружён большими трибунами. В разных местах и на разных уровнях — остальные восемь площадок. Кругом деревья, какие-то лесенки, рядом ботанический сад.

И полный демократизм нравов, и никаких церемоний — это не Уимблдон. В Англии звонишь по телефону, заказываешь лично для себя машину к определённому часу. Можешь заказать большую машину, а можешь — маленькую. В Париже всё вразной. Подойдёшь к мадам Дюрр (мама Франсуазы — главная распорядительница на чемпионате Франции):

— Я хочу уехать.

— А, Дмитриева, записываю. Сейчас наберу полную машину, и поедешь.

В Лондоне все едут до отеля, раньше никто не сходит. А в Париже никто не едет в отель, словно все живут не турниром, а самим Парижем.

Быть причёсанной для теннисистки — всегда проблема. А в Париже хоть два раза в день делай себе любую причёску. Для женщин на Ролан Гарросе — и косметический кабинет, и парикмахерская от мадам Рубинштейн. Отыграешь и становишься в очередь. В раздевалке все в косметике, в масках, разрисованные. Мужчины, отыграв, терпеливо ждали своих жён. Пьер Дармон мягко спрашивал, заглядывая: — Ты ещё не скоро, Роза-Мария?

А Хьюит никогда не мог дожждаться свою жену и обычно просил передать, что ждёт её в отеле.

Но уж кто занимался целыми днями своей внешностью, так это Маргарет Смит — все искала причёску.

Париж тактичен и не диктует моду. Париж элегантен, но безо всякой чопорности. Здесь всё проще, чем в Уимблдоне, — нет никакой королевской логики, и зрители не встречают как идолов теннисных «звёзд». Вдруг к тебе подбегает Боротра, обцеловывает всю руку, так радуясь твоему приезду, словно ты избранная, и ты ещё стоишь в растерянности, а он уже у другой руки. Тут же ходят и остальные «мушкетёры»: и несколько желчный Коше, и добродушный Брюньон, и преуспевающий Лакост.

В Уимблдоне — чинные приёмы и бал, а здесь весёлый, безалаберный вечер с танцами и лотереей в Мулен де ла Галетт. Ты можешь прийти на этот вечер в бальном платье, а можешь и в чем угодно. Здесь танцуют и веселятся до утра и чувствуют себя очень свободно.

А завершается чемпионат Франции коктейлем у Боротра.

Обольстительный, светский, нестареющий Боротра встречает всех у дверей, и бывает, что в его квартиру, хотя она и с раздвижными стенами, но всё же это квартира, набивается свыше ста человек. У Боротра тоже веселятся до утра. Все стоят — сидеть просто негде, — победителю чемпионата могут вообще не дать слова и могут даже не вспомнить о нем. Кто проиграл, а кто выиграл, уже неважно.

Если сравнивать Уимблдон, Ролан Гаррос и Форест Хилл (на чемпионате Австралии я не была), то всего непринуждённее чувствуешь себя, конечно, на чемпионате Франции. В США, где я была в 1962 году (дошла до одной восьмой финала, а там, однако, уступила Маргарет Смит), и нравы, и традиции ещё не устоялись. Американцы вроде хотят, чтобы у них всё было, как в Уимблдоне, и старательно обзаваются традициями, но всё делают излишне грандиозно — в Форест Хилле испытываешь какую-то внутреннюю неустраиваемость. В день важной игры тебя могут поднять, например, в шесть утра и повезти на телевидение. И трава в Форест Хилле не так идеальна, как в Уимблдоне, и ветер постоянно дует...

А на Ролан Гарросе корты идеальные — лучшие земляные корты в мире. Ровные, равномерно мягкие, скорее песчаные, чем кирпичные. И отскок мяча равномерный, и ветра никогда не бывает. Мне казалось, что если долгое время поиграть на Ролан Гарросе, то найдёшь самую лучшую свою игру.

Я приехала в Париж в хорошей форме, но была всё же несколько смущена, когда узнала, что мне сразу играть с девятнадцатилетней австралийкой Карен Кранцке, которая уже смогла побить Смит. Тогда много говорили о восходящей «звезде» Австралии Карен Кранцке. Рост Кранцке — один метр девяносто сантиметров. У неё огромные руки и мощный удар справа.

Меня настраивал на эту игру, умело внушая, что я могу победить, Эвальд Янович Крее. Андреев в Париж не приехал, и я занималась с Крее.

Лет двадцать назад Крее был хорошим парным игроком, потом перешёл на тренерскую работу, и один за другим в Эстонии стали появляться все новые сильные теннисисты: Кедрас, Пармас и, наконец, Лейус.

Крее фактически создал эстонскую школу тенниса. И в начале шестидесятых годов на командных первенствах страны Эстония стала уже побеждать Москву, с которой до этого лишь робко соперничали Ленинград, Украина и Грузия (в двадцатые-тридцатые годы ленинградцы, возглавляемые Евгением Кудрявцевым, боролись с москвичами на равных). А в 1965 и 1968 годах и в личном чемпионате страны всё «золото» доставалось представителям Эстонии: Тийу Сооме (ныне Симсон), Тийу Киви (ныне Пармас) и Тоомасу Лейусу.

Чем примечателен Крее как тренер? Я должна сказать, что каждому тренеру гораздо сложнее работать с чужим игроком, чем с собственным. И тут сразу видно, на что тренер способен. Думает ли он только об игроке или занят самоутверждением? Способен ли мгновенно оценить характер и возможности игрока и добиться его полного доверия?

Мне нравилось работать с Эвальдом Яновичем. И на динамовских сборах в стране, и в тот год в Париже он не навязывал мне партнёров для тренировок. Он чувствовал, что я терпеть не могу, когда меня с кем-то ставят «по расписанию». Чаще всего он сам был моим партнёром и не только меня подстёгивал, но и сам выкладывался полностью на каждой тренировке, испытывая от этого такое же удовлетворение, как и я. Мне казалось, что Крее в той же спортивной форме, что и в давние годы, когда он сам выступал. Он и в футбол играл со всеми, и физподготовку делал. Эвальд Янович удивительно спортивен и заражает своим азартом всех, кто вокруг него.

Он хороший психолог. Если на тренировке он, например, видел, что я плохо иду вперёд, а завтра уже начинаются соревнования, он не пугал меня, а строил так тренировку, чтобы я должна была постоянно идти вперёд, и хвалил меня, едва у меня игра налаживалась.

А в Париже мы с Крее ежедневно бегали вокруг Ролан Гаррос, и, наконец, он ввёл меня в самую лучшую форму. Но все-таки я очень волновалась, когда вышла играть с Карен Кранцке.

Я попробовала так-сяк, обвести её попробовала, но она перекрывала весь корт. Испытывая её давление, я заспешила, потерялась, у меня пропала тонкая обводка. И тогда от отчаяния я попробовала кинуть свечу — обратную, под левую руку. Она нескладно попятилась, смазала. Я второй, третий раз кинула свечу и вижу, что смэш она бьёт неуверенно. Я успокоилась и заиграла в свою игру.

В четвертьфинале я уступила, правда, Франсуазе Дюрр, которая, к радости соотечественников, наконец, выиграет в тот год чемпионат Франции и вообще будет признана третьей ракеткой мира.

Микст я играла с Метревели. В Алма-Ате мы только сыгрывались, а в Париже у нас пошла уже настоящая игра. Мы победили Лесли Тернер и Билла Баури, которые только что выиграли чемпионат Италии. Они не отдавали гейм даже при счёте 40:0 на нашей подаче — боролись вне всякой логики, ещё злее. И вот мы вышли в полуфинал, где встретились с Эн Джонс и Ионом Цириаком. О Джонс я уже не раз рассказывала, а Цириак — румын, долгие годы был чемпионом своей страны, пока его не обошёл Нэстасе. Любопытно, что ещё в 1965 году в Хельсинки Цириак мне говорил, что Лейуса ему не обыграть никогда, Лейус не для него. Цириак на два года старше Лейуса. Но если Тоомас уже к тридцати годам фактически не прогрессирует, то Ион Цириак, напротив, играет всё лучше и лучше. Вместе с Нэстасе он составляет сейчас одну из лучших парных комбинаций в мире. Дело в том, конечно, что Цириак стал много ездить по миру и наигрался. Но так или иначе к тридцати годам Цириак вдруг превратился в очень сильного игрока, особенно на земляных кортах.

Мы играли здорово этот полуфинал. Азартно и хорошо ругались и уже довели матч фактически до победы. Нам оставались два мяча до победы. Но наша федерация не учла, что мы с Аликом можем хорошо сыграть микст (в одиночном разряде Метревели в тот год играл в Париже неудачно) и вечером того дня, когда мы играли полуфинал с Джонс и Цириаком, Метревели должен был лететь в Москву, где его ждал матч на Кубок Дэвиса с командой Чили. И если бы мы победили в полуфинале, то от финала нам всё равно пришлось бы отказываться, а это не принято — особенно на таком высоком турнире, как чемпионат Франции. Одним словом, мы должны были проиграть Джонс и Цириаку, чтобы всё было пристойно.

И вот нам остаются два мяча до победы, и нам очень хочется эти два мяча выиграть.

Мы прошвыриваем эти два мяча, но проигрывать так обидно, когда игра идёт и зрители нас поддерживают — на трибунах, кажется, собралась вся русская колония в Париже, — что мы опять начинаем бороться и опять ведём в счёте. Долго боролись, пока, наконец, смогли проиграть...

В Англию я всегда приезжала с таким ощущением, что если в этот год ничего не добьюсь, то следующего года может уже и не быть. Но на этот раз я была совершенно убеждена, что Уимблдон 1967 года — мой решающий Уимблдон.

Ещё в самые первые годы, когда только начались поездки в Англию, мы подружились в Бекнеме со смешным веснушчатым мальчиком по имени Питер. Он жил возле кортов и каждый день бегал смотреть нас и был очень рад, если я доверяла ему нести свою ракетку. А однажды Питер сказал, что он договорился с родителями и они ждут нас, советских теннисистов, в гости. Папа Питера делал коктейли, мама кормила нас вкусным обедом, а Питер показывал свои коллекции, свои качели, потом его собачка делала стойку...

Питер рос, конечно, но по-прежнему оставался для меня всё тем же смешным веснушчатым мальчиком — и вдруг в 1967 году ко мне подходит молодой человек, который гордо и слегка небрежно везёт нас по Бекнему, а я думаю: «Не слишком ли поздно начинать всё сначала?..»

В Бекнемском турнире я победила американку Розмари Казалс. Сейчас Казалс прочно входит в десятку мира, но и в тот год о ней уже шла слава и игра с ней была для меня испытанием ещё большим, чем игра во Франции с Карен Кранцке.

Поначалу я никак не могла приспособиться к быстрой игре Казалс — поначалу она меня просто «забарабанила». Первые девять геймов она словно сама с собою играла, и я уже от стыда умирала — 0:9!

Наконец мне удалось зацепиться — выиграть гейм, и притом на её подаче. Если Казалс позволить играть в свою игру — а она любит играть вплотную к сетке, — то тут только мячики собирай. Так оно поначалу и было, но теперь мне всё чаще удавалось чуть-чуть её оттягивать от сетки и набирать очки и на обводке, и на распасовке.

Я взяла второй сет и уже чисто повела в третьем. Но, когда окончательно «вылезла из гроба», я вдруг испугалась, что переспешу сейчас и не выиграю. У меня матчбол, а меня всю трясёт и нет сил заставить себя понести вверх руки, чтобы подать мяч. Пробую поднять руки, но будто с землёй расстаёшься...

Я и прежде не была уверена в своей подаче, а после рождения дочери подача стала пропадать у меня регулярно. В острых напряжённых ситуациях, конечно. Это закономерно — мне было уже двадцать два года, когда Андреев начал мне ставить настоящую подачу. А сколько раз я меняла подачу! Наши тренеры увидели кинограмму Хоада и стали мне «опускать плечо», потом стало ясно, что плечо как раз опускать нельзя, и так далее.

И вот, имея против Казалс матчбол на своей подаче, я чувствую, что надо попасть с первого раза — второй мяч я уже наверняка не подам. И совершенно инстинктивно я вдруг подаю снизу. Казалс не ожидала, конечно, такого подарка — она стремительно бежит на мяч, чтобы наверняка убить его, — и попадает в сетку. Она бы наверняка приняла, я уверена, самую сильную мою подачу, а эту не приняла.

Журналисты атакуют меня:

— Вы заранее обдумали этот тактический ход?

— Да, да, — говорю я многозначительно.

Казалс ужасно расстроилась, но покурила немного в раздевалке, взяла гитару — она всегда ходит с гитарой, — спела какую-то песенку и успокоилась.

Я только что рассказывала, как в полуфинале чемпионата Франции мы с Метревели были вынуждены отдать игру Джонс и Цириаку. Но в финале эта пара проиграла американке Кинг и австралийцу Дэвидсону. В тот год Оуэн Дэвидсон выиграет в миксте все четыре турнира «Большого шлема»: Австралию — с Тернер, а Францию, Уимблдон и США — с Кинг. А в Бекнеме нам с Метревели удалось победить Кинг и Дэвидсона.

Начало игры складывалось для нас ужасно. Кинг совсем не боялась Алика, и он восклицал раздражённо: «Слушай, она же женщина, что она всё берёт?» А я вообще не могла принять ни одной подачи Дэвидсона, мячи которого были не просто сильные, но и для меня неудобные. Дэвидсон — левша. Он играл против меня очень корректно. Он вообще идеальный микстовый игрок. Даже проигрывая, Дэвидсон не позволит себе ударить в женщину. Видя, что я не могу принять его подачу, Дэвидсон стал дурачиться, делать мне потешные рожи. Я, чувствуя себя крайне глупо, стала хихикать. Это настолько взбесило Андреева, который мучился, не зная, как мне помочь, что он поднялся со своего места и ушёл.

Но вдруг я приняла один мяч Дэвидсона, второй и поняла, что как-то приспособилась к его ударам. Дэвидсон уже не дурачился, но пока он настраивался на серьёзную борьбу, мы взяли второй сет. Для Метревели очень важно, чтобы партнёрша его поддерживала, иначе он теряет вкус к игре. Теперь Алик заиграл с подъёмом, и мы повели и в третьем сете. Было поздно, игру отложили на утро, но мы её уже не отдали...

Чудаковатый американский миллионер Ван-Аллен, уже многие годы живущий исключительно теннисными интересами, придумал новые правила, которые, с его точки зрения, позволят женщине играть на равных с мужчиной. По этим правилам мужчина должен подавать чуть ли не от фона, а счёт ведётся, как и в пинг-понге, до двадцати одного и так далее. Старый Ван-Аллен уговорил руководство Бекнемского клуба провести небольшой турнир по его правилам. Я хотела побольше наиграться перед Уимблдоном и согласилась участвовать в этом турнире вместе с австралийкой Гурлей, американками Хуган, Мартинес и несколькими игроками с Ямайки. Это была скорее забава, чем теннис, но Ван-Аллен, вручая мне медаль за победу, многозначительно приговаривал:

— Вот видите, видите, моя система позволяет женщине наконец победить мужчину...

И наконец открылся Уимблдон.

Во втором круге я встретилась с Франческой Гордиджиани. Игры особой не было. Франческа и не думала бороться со мною всерьёз, а лишь, как всегда, поддразнивала меня:

— Всё равно я лучше тебя играю. А сейчас у меня просто нет настроения.

Перед трудной встречей я должна настраиваться лишь на то, чтобы красиво сыграть, но ни в коем случае не на победу. Но на этом Уимблдоне я уже не могла позволить себе подобную роскошь — меня прямо сковывало от желания победить перед каждой игрой. В таком состоянии я и вышла в следующем круге против американки Нэнси Ричи, ныне Хантер.

Игнорируя изыски теннисной моды, Ричи, как и мужчины, играет в шортах — так ей удобнее. И, как бы ни складывалась игра, её лицо остаётся бесстрастным. Как писал один английский журналист, при такой невозмутимости она могла бы стать великим игроком в покер. Но и в теннисе Нэнси добилась многого. В 1966 году она достигла финалов в чемпионатах Австралии, Франции и США, а в 1967 году уже победила на чемпионате Австралии и была квалифицирована четвертой ракеткой мира. Нэнси и её младший брат Клиф (седьмой игрок мира семидесятого года) научились играть в теннис на папиной ферме в Техасе. И на всех турнирах они обычно держатся вместе и вместе тренируются. Клиф берет резкостью, а Нэнси очень трудолюбива и всегда «набита».

Но в тот раз, в Уимблдоне, Нэнси, как и я, играла сумбурно.

Я была в хорошей форме. И она была в хорошей форме. Но сначала она позволяла вести мне в обоих сетах 4:1, затем я позволяла ей отыгрываться... Нет, не могу я анализировать эту игру. Едва игра закончилась, я отложила её в сторонку и попыталась забыть. Я и сейчас не хочу, да и просто не могу заставить себя вспоминать спокойно об этом поражении.

Уимблдон шестьдесят седьмого года — а я чувствовала, что это мой последний Уимблдон, — складывался для меня всё более драматично. Мы вышли с Бакшеевой в четвертьфинал и хорошо играли против Эн Джонс и Вирджинии Уэйд. Мы редко так хорошо играли. Но несколько спорных мячей решили исход встречи не в нашу пользу...

И уж совсем невероятно завершился четвертьфинал микста, в котором мы с Метревели играли против Буэно и Флетчера. наших соперников, я думаю, представлять не надо. Буэно — это Буэно. А её партнёр — тот самый Кен Флетчер, с сенсационной победой над которым на Московском турнире 1962 года и началось восхождение Метревели.

Этот Уимблдон и для Алика складывался просто трагично: в одиночном разряде он проиграл, имея четыре матчбола, в паре — имея восемь матчболов, а в миксте мы не смогли реализовать... тринадцать матчболов!!!

Что только не происходило на корте. Был, например, решающий гейм, когда мы имели 40:0 на подаче Алика. Флетчер принял его подачу и ударил в трос, а Метревели стоит на хавкорте и ждёт, что мяч не перевалится, но мяч падает к нам и достаточно высоко отпрыгивает, и Алик не может заставить себя к нему подойти. Потом Алик подавал на Буэно, но мы не смогли выиграть и этот матчбол. Все остальные матчболы были на моей подаче, но Флетчер легко брал её. Алик метался у сетки, а я раз за разом позволяла Флетчеру его «расстреливать». Наконец Алик взорвался:

— Слушай, как ты с такой подачей вообще в теннис играешь!

Бить в меня Алик Флетчеру не позволял — эти его мячи он перехватывал, но выиграть решающий мяч нам никак не удавалось.

Я видела, как Андреев то бледнел, то лицо его вдруг покрывалось малиновыми пятнами. Белиц-Гейман расстегнул ворот рубашки: после очередного проигранного нами матчбола Семён Павлович стал задыхаться. А на корте уже происходила всеобщая истерия. Флетчер швырял в фон ракетку. Буэно стонала: «Ах, Хесус-Мария!» А меня совершенно сковала усталость и даже не помню, как мы проиграли последний мяч...

Мы с Аликом вышли из стадиона, не говоря друг другу ни слова. Старались не вспоминать игру, но иногда Алик всё же срывался: «Как я тот мяч не убил?..»

Тем летом на Спартакиаде народов СССР, которая одновременно была и первенством страны, я дважды проиграла Бакшеевой. Сначала в командной встрече, хотя у меня был уже матчбол и Галя, приняв мой решающий мяч, явно послала его в аут, но я зачем-то взяла этот аут...

И судил нас мой самый счастливый судья — рижанин Антшмит. Грузный, невозмутимый Антшмит ещё в пятьдесят седьмом году, когда я играла в Риге спартакиаду школьников и встретила в финале с одной латышской девочкой, за которую все болели, конечно, очень помог мне своей доброжелательной беспристрастностью. Я почти никогда не разговаривала с Антшмитом, достаточно мне было увидеть на вышке его невозмутимое лицо, и я сразу же успокаивалась, как бы ни трудна была предстоящая встреча.

У меня вообще были хорошие отношения с судьями. Даже если судья ошибается, я никогда не пререкалась. Когда игрок оспаривает мяч — это неловко. Выигрывать надо не спорами.

Говоря о судьях, я не могу не вспомнить одну забавную историю, которая началась в Бекнеме ещё в 1958 году, когда я впервые приехала в Англию. Мне очень нравилось, что в первые дни Бекнемского турнира меня объявляли: «Мисс Дмитриева». И вдруг президент Бекнемского клуба милейший мистер Маккалам, руководимый самыми наилучшими побуждениями, нашёл некую даму, которая знала несколько русских слов и которая решила объявлять меня на русский манер: «Энна Дмитриева». Вокруг сплошные «мисс», и лишь я «Энна». Нет, этого я ей простить не могла. А эта дама, старательно переводила мне счёт с английского на русский и беспрестанно

ободряюще улыбалась, не скрывая своей убеждённости, что без неё я бы погибла, но теперь я могу играть спокойно — она свято исполнит свой долг.

Она судила меня и в Бекнеме, и в Уимблдоне. И в этот год, и в последующие. Я уже свободно объяснялась по-английски, но она по-прежнему с великим старанием — её крупное лицо при этом дёргалось от напряжения — переводила мне счёт. Я уже вздрагивала, едва услышав её голос.

Так она опекала меня лет пять, пока курьёзный случай не вынудил её отказаться от теннисного судейства и возвратиться к частной жизни. Она судила мужчин на задней линии третьего корта в одной шестнадцатой финала Уимблдона. Встреча закончилась. Ушли и судьи и игроки, а она продолжала сидеть у задней линии — заснула. Фоторепортёры отсняли её во всех ракурсах, и моя опекунша была скомпрометирована. Она тщетно доказывала, что уснула от усталости, что судьи на этот раз были, как никогда, перегружены, а я, сочувствуя ей, в то же время тихо благодарила судьбу...

А мой счастливый судья Антшмит, впервые объявив моё поражение, сказал мне, словно извиняясь:

— Я вам на этот раз не помог...

Но я не очень огорчилась. Я знала, что выглядела на корте хорошо, и просто игра не сложилась. К тому же победа Бакшеевой не спасла команду Украины от поражения. И, победив в финале Эстонию, Москва выиграла Спартакиаду.

А у Бакшеевой я надеялась взять реванш в личном турнире. Я хотела вновь стать чемпионкой страны. Я видела, что многие верят в меня, как и прежде. Николай Николаевич Озеров, который руководил в то время московской федерацией тенниса, заверял мою маму, что я непременно буду вновь чемпионкой. Озеров хотел, естественно, чтобы москвичи победили во всех разрядах, и он верил, что так и будет, если пару я буду играть с Морозовой, а микст — с Коротковым. Но моими постоянными партнёрами были Бакшеева и Метревели, и я не считала себя вправе изменять им в последний момент, даже во имя процветания московского тенниса. По этому поводу у нас с Озеровым возник конфликт, который был улажен лишь после вмешательства Всесоюзной федерации, где моя позиция была, естественно, поддержана.

Вся эта история меня излишне издёргала, и в полуфинале, играя с Раузой Ислановой, я едва не отдала ей первый сет, хотя до этого, вновь утверждая свой былой авторитет в стране, я завершала все игры быстро и уверенно. На первый взгляд я эффектно закончила матч и с Ислановой, но вдруг ощутила огромную нервную усталость и поняла, что былую уверенность мне вернуть всё же не удалось.

И внутри у меня была пустота, вата, когда я вышла играть финал с Бакшеевой. Галя тоже излишне нервничала, и на этот раз у нас была не игра, а какая-то суматоха. Но как бы то ни было, Бакшеева вновь меня победила.

Самое обидное, что я была в тот год в очень хорошей форме. Осенью на международном турнире в Тбилиси я уверенно победила чемпионку Чехословакии Власту Вовичкову, которая даже имела победу над Маргарет Смит, и я уже предвкушала, как в финале достойно сыграю с Бакшеевой.

Но этот турнир достался Оле Морозовой, которая сначала обыграла Бакшееву, а затем, в финале, и меня.

В начале зимы я ещё два раза проиграла Морозовой, и это окончательно выбило меня из всех рамок. Я не могла смириться, что стала в стране второй, а уж быть третьей... Нет, говорила себе, лучше совсем не играть.

Но в марте, в Египте, я успокоилась. В Египте я много тренировалась с Олей Морозовой по австралийской системе, а эти тренировки, которые я «открыла» для себя лишь в последние годы, сразу вводили меня в отличную форму.

Что же это за тренировки? Чтобы хватило сил для напряжённой игры (а даже женская игра может длиться несколько часов), австралийские теннисисты применяют ряд специальных упражнений, которые быстро помогают достичь высшей физической формы.

Есть тренировка, которую без подготовки трудно выдержать более пятнадцати минут. «В день, когда вы сможете выдержать час этой тренировки, считайте себя готовым к соревнованиям», — говорит Рой Эмерсон. При этой тренировке на корте должно быть очень много мячей. Вы обязаны брать все без исключения удары с первого отскока, играть в предельном темпе. Это возможно, поскольку и вы, и ваш партнёр держите только по половине корта и практически все мячи достигаемы. Один из вас, допустим, встаёт у сетки и тренирует удары с лёта, меняя направление полёта и длину мяча, другой тренирует только заднюю линию, стремясь достать любой мяч и обвести вас или низом, или свечой. Затем вы меняетесь местами. И уже через дней десять у вас появляется уверенность в возможности достать почти любой мяч, появляется автоматизм в выполнении любого удара и значительно возрастает точность.

Австралийцы часто тренируются также вдвоём против одного как на задней линии, так и с лета. И, что очень важно, ведущие теннисисты выполняют все эти упражнения на пределе своих возможностей, в очень быстром темпе, исключительно сосредоточенные на мяче до последних минут тренировки.

Так вот в Египте, ощущая себя в отличной форме, я убедилась, что легко побеждаю довольно крепких зарубежных теннисисток, которым Оля проигрывала. А выиграв турнир в Александрии, я совсем уверилась, что уступаю Оле не по классу, а просто она мой роковой соперник в стране. В теннисе так случается.

Но я должна отметить, что эта моя оценка Морозовой относится к шестьдесят восьмому году, а с тех пор Оля заметно прибавила в классе. Достаточно сказать, что дважды, в паре с Метревели, она выходила в финал Уимблдона. Оля ведёт себя на корте гораздо естественнее, чем я, например, или Бакшеева. Ей не присущи различного рода психические комплексы, которые могут создать вокруг игрока ореол загадочности, на самом же деле только мешают играть. Оля умеет полностью реализовать себя в игре, а это редкий талант. В мае меня впервые послали на чемпионат Италии. Франческа сразу потащила меня в Ватикан, потом в какую-то трактирию, которая славилась лучшими в Риме спагетти...

Через несколько дней я поняла, что вновь жду ребёнка.

Я никому не говорила об этом — даже Гале, с которой мы довольно удачно играли на «Форо Италико» пару (лишь в полуфинале уступили в трёх сетах Маргарет Корт и Вирджинии Уэйд). В свободное от игры время я ходила одна по Риму, который почему-то напоминал мне Тбилиси, а величественные руины античных времён казались специально поставленными для туристов. Я думала: «Что же мне делать теперь?»

Когда я возвратилась на корт после рождения Марины, решив начать всё заново, — это всё же походило на авантюру. Знаете, к примеру, как скептически расценивались шансы Карен Сасман, когда она приехала в Уимблдон уже матерью? И действительно, Сасман вскоре совсем оставила теннис. Я же, подогреваемая желанием достичь того, чего не смогла достичь в двадцать лет, на представительных зарубежных турнирах заиграла лучше, чем прежде. А этой весной, в Каире и Александрии, я почувствовала, что вошла, кажется, в форму, о которой прежде только мечтала. Но теперь...

Так я ходила по Риму в полном смятении — и вдруг радостно обнаруживала, что вся улица заполнена детскими колясками, и в каждую коляску я готова была заглянуть. Детских колясок на римских улицах в тот день было не больше и не меньше, чем их бывает там, как и на улицах любого другого города в любой другой день. Но эта внезапная обострённость зрения мне была знакома...

Мы с Галей летели из Рима в Париж, когда я сказала ей, что беременна.

— Хочешь ребёнка? — спросила Галя.

— Да, — сказала я.

В тот год на Ролан Гарросе чемпионату Франции должен был предшествовать розыгрыш Кубка Федерации. Этот Кубок, учреждённый в 1963 году для сильнейшей женской команды мира, разыгрывается по упрощённой формуле Кубка Дэвиса: две одиночные встречи (первый номер с первым, второй со вторым) и парная. Все эти годы Кубок Федерации доставался лишь двум командам: Австралии и США. В 1968 году наша команда впервые — и пока что единственный раз — оспаривала Кубок.

Семён Павлович Белиц-Гейман, Ляля Преображенская (капитан команды) и Оля Морозова уже ждали нас с Галей в Париже, а мы никак не могли вылететь из Рима. Радио сообщало, что Париж охвачен всеобщей забастовкой, что в Латинском квартале студенты строят баррикады. Бастовали и служащие парижских аэропортов. Компания «Эр Франс» отменила все свои рейсы, и, наконец, мы вылетели из Рима на самолёте американской авиакомпании.

В самолёте я окончательно решила, что сыграю Кубок Федерации и чемпионат Франции и расстанусь с теннисом навсегда.

Я только что доела Галин завтрак (она в самолёте не ест, а я и в обычном состоянии не страдаю отсутствием аппетита), когда наш «боинг», уже снижаясь над Парижем, вдруг снова взмыл вверх. Я испугалась: «Ну все, шасси «отвалилось»...» Но тут нам объявили, что парижский аэропорт «Орли» закрыт и садиться будем в Брюсселе.

Когда мы приземлились в Брюсселе, Галя сказала, что теперь она бы не прочь позавтракать. Меня уговаривать ей не пришлось. Постепенно в ресторане аэропорта собрались и остальные теннисистки, которые спешили из Рима в Париж, чтобы играть Кубок Федерации, и мы стали думать: что теперь делать? Две шведки предложили взять до Парижа машину, и мы, подсчитав свои франки, уже собирались искать машину, когда стало известно, что компания «Пан-Америкэн» берётся доставить всех пассажиров этого рейса в Париж автобусом.

В Париж мы приехали уже ночью. На площади Инвалидов, где остановился автобус, было пустынно — из Латинского квартала доносились взрывы. Нам сказали, что это полиция разгоняет студентов гранатами со слезоточивым газом. До нашего отеля «Юнеско» от площади Инвалидов было два шага, и таксист (совсем как в Москве) сказал, что так близко он не поедет. Но он не успел и опомниться, как мы запахали в машину свои чемоданы и (совсем как в Москве) Галя решительно распорядилась:

— Поехали!

Нам повезло — на следующее утро в Париже уже нельзя было взять такси. Недоставало бензина и для машин, которые обслуживали турнир. Мадам Дюрр просила теннисистов селиться поближе к стадиону. Но мы остались в уютном «Юнеско», хотя нам приходилось теперь чуть ли не ежедневно совершать часовую прогулку в Булонский лес, где расположен Ролан Гаррос.

Парижские улицы выглядели необычно: закрытые магазины, мусорные ящики, которые никто не убирал. На рекламных тумбах — лишь старые афиши. Нас обгоняли бесконечные велосипедисты. Я видела спортивный магазин, который почему-то работал, но на его дверях было написано: «Велосипеды все проданы». Один владелец машины рассказал нам, что ему удалось запастись бензином — он залил им ванну. Но те, кто бензином не запасся, пересели на велосипеды.

Я ходила и в Сорбонну, и в Одеон, где «леваки» целыми днями кричали до хрипоты. Видела, как вечерами на улицах Латинского квартала строились баррикады, горели машины — было страшно, рвались газовые бомбы, и всё же было страшно не всерьёз, а как-то по-театральному. Знакомые французы бесконечно обсуждали борьбу студентов: кому-то импонировало их отрицание буржуазного общества, кого-то настораживал их анархизм...

Однако студенты студентами, но главное, что забастовкой был уже охвачен весь рабочий Париж. Я не была в парижских пригородах, где прекратили работу заводы, и даже на мостовых были написаны лозунги рабочих. Но как чувствовался на притихших центральных улицах испуг буржуа, обывателя перед этим массовым выступлением трудящихся за свои права...

Да и Ролан Гаррос жил в те дни не только теннисом. Между играми все толпились у телевизоров. Требования бастующих рабочих обсуждались и на теннисном стадионе.

Лишь профессионалы — хотя тоже, конечно, не все — ухитрились в том Париже жить только теннисом. Для типичного профессионала корты меняются, как кадры в кино. Он даже не задумывается, где играет сегодня: во Франции или в Испании? Для него нет живых стран, а есть только корты: в одном случае — земляные, в другом — травяные. На одном турнире призы выше, на другом — ниже...

Эта утилитарность сейчас захватывает и многих любителей. Должна сказать, что на каждом большом турнире игроки ходят с блокнотиками и, выслушивая приглашения, составляют себе календарь на ближайшие месяцы. Наши теннисисты тоже обычно спрашивают игроков из других стран: не хотят ли они приехать на Московский международный турнир? Конечно, потом все эти приглашения официально оформляются Федерацией, но предварительные разговоры ведутся на больших турнирах чаще всего в раздевалках или прямо около корта.

В тот год в Париже я разговорилась на эту тему с одним молодым и пока что ещё средним игроком. Он пока что не мог заработать настоящие деньги на крупных турнирах — для этого надо войти в призёры. Но он мне сказал, что рассчитывает подработать на каких-то второстепенных турнирах, спортивно не очень интересных, но за победу в которых хорошо платят. Он переспросил меня: «В Москве по-прежнему играют не ради денег?» Я подумала, что большим игроком ему никогда не стать — ему бы совершенствовать технику, а он живёт уже совсем другим...

Во втором круге Кубка Федерации (в первом мы легко выиграли у бельгиек) я поняла, что несколько переоценила свои физические возможности. Со стороны, очевидно, казалось, что я легко победила итальянку Марию Терезу Ридл, но после игры я долго не могла отдышаться. Счёт был уже 2:0 (Бакшеева победила чемпионку Италии Периколи), и я попросила Семена Павловича и Лялю заменить меня в паре Морозовой.

Я ещё могла играть по-настоящему, да никто и не знал, кроме Гали, что со мной происходит. Лишь Франческа (она играла пару в своей команде), с которой я разговорилась о детях, вдруг посмотрела на меня подозрительно.

— Что-то ты очень хорошо говоришь о детях? Как бы у тебя не было второго ребёнка...

Я засмеялась и стала спрашивать Франческу: пойдёт ли она вечером на баррикады? Я заставляла себя не терять форму, и это пока что у меня получалось.

Следующую встречу я сыграла далеко за пределом своих возможностей. Это был четвертьфинал Кубка. Мы встречались с Англией. Галя уже уступила Вирджинии Уэйд, и теперь всё зависело от моей игры с Кристиной Трумен-Джейнс. Никогда в жизни я, кажется, не боролась на корте так самоотверженно, как на этот раз. Я пыталась себе доказать, когда уже поздно было что-либо доказывать, что могу не «ломаться», как бы ни складывалась игра.

Между прочим, я впервые играла с Кристиной, которая всё ещё надеялась вернуть свою прежнюю славу. Одиночную встречу она очень прилично со мной сыграла. Я начала здорово и мгновенно взяла первый сет, но потом была вынуждена смягчить игру и второй сет отдала. В третьем сете я думала, что умру. Кристина выходила вперёд, но, чуть отдышавшись, я снова цеплялась за мяч, как ещё никогда не цеплялась. Она выиграла решающий сет со счётом 9:7, но устала не меньше, чем я.

Кубок Федерации достался австралийкам Корт и Мелвилл. И сразу же на Ролан Гарросе открылся чемпионат Франции, в котором впервые участвовали профессионалы (помните, я рассказывала, как играл в Париже Гонзалес?).

Но для меня уже всё было кончено — я вдруг почувствовала, что не выношу ни запаха цветов, ни духов. Два круга я как-то прошла, а в третьем уже никак не могла собрать себя и ещё до игры с австралийкой Гейл Шерифф смирилась с поражением.

Семён Павлович сердился:

— Я не понимаю, как можно проигрывать без борьбы? И никогда не пойму этого!

Наши мужчины не смогли прилететь в Париж (самолёты по-прежнему не летали), и надеяться, что Метревели сыграет за всех, не приходилось. Галя вышла, правда, в одну шестнадцатую финала, но там в страшной борьбе уступила Ричи.

Нам ещё предстояло играть пару, и мы с Галей (а наша пара была «посеяна») добрались до четвертьфинала. В предыдущих встречах мы ещё позволяли себе держаться слегка небрежно — одним словом, оставались верны себе, по-прежнему стремясь превзойти друг друга в розыгрыше мяча, хотя по вполне понятным причинам полноценную пару уже не составляли.

И уже в первом круге с нами случился курьёз. Мы играли с французенками Бутеле и Ле Бенере, которым вместе было не менее ста лет. Ле Бенере играла в 1957 году в финале Московского зимнего турнира. А в пятидесятом году она прославилась тем, что, будучи на восьмом месяце беременности, выиграла в Оране в ужасающую жару первенство Франции. Славная длинноволосая Ле Бенере, невзирая на возраст, и в тот год продолжала сохранять и темперамент, и женственность.

Но, как и Бутеле, она играла в совершенно допотопный теннис: подавали они, например, зачастую снизу. Однако азартно бегали, прыгали, пытались брать каждый мяч. При каждом удачном ударе они кричали друг другу: «Браво!» — и кидали вверх ракетки. Их друзья, собравшиеся на трибуне, тоже кричали: «Браво!» — и хлопали в ладоши. И во втором сете, стоило нам расслабиться, как они повели в счёте, и мы уже не спасли сет. В таком смешном положении мы с Бакшеевой вроде бы никогда не оказывались. Помню, как мы старались в третьем сете, стремясь побыстрее уйти с корта.

А в четвертьфинале мы вышли на Буэно и Ричи. Я очень хотела сыграть, как только могла, но всё же сказала Гале ещё в раздевалке:

— Мы последний раз в жизни с тобой играем.

Я понимала, что реакция у меня не та, и больше всего боялась так очевидно смазать, что все поймут, в чем дело. Галя самоотверженно меня страховала — ей пришлось играть не парную женскую, а фактически микстовую игру. Меня не успокаивало, что много мазала и Буэно (это был её последний сезон), временами Буэно играла, как могла играть только Буэно, — гениально играла.

Я боролась. Я совсем не хотела смириться, что эта игра должна стать последней игрой в моей жизни. Я продолжала на что-то надеяться. И Галя никогда ещё так не выкладывалась, сколько мы с ней ни играли пару. Но первый сет мы всё же отдали.

— Ну давайте, девочки! Давайте, миленькие! — заклинала нас Ляля в начале второго сета.

Мы боролись долго и изнурительно и выиграли второй сет со счётом 12:10! Я говорю «мы», хотя, наверно, я выглядела на корте все-таки плохо. После второго сета Галя не случайно очень устала. Может, не столько физически, сколько внутренне. Она ничего не говорила мне, но я это чувствовала. И когда в решающем сете мы проиграли свою подачу, я уже поняла, что эта игра действительно последняя, и надо запомнить хотя бы последний проигранный матчбол. Но один матчбол мы отыграли, последним оказался следующий матчбол Буэно и Ричи. Но я даже не запомнила, кто из нас и как проиграл последний мяч. И почему-то я лишь запомнила, что на соседней площадке Дюрр играла одиночную встречу и подбирала ракеткой мяч как ложкой черпала.

Но, признаться, была ещё игра, которая была уж действительно моей последней игрой. Помните, я рассказывала, как давным-давно, ещё совсем девочкой, мечтала сравняться со Светланой Блюмкиновой и, наконец, обыграла её на Спартакиаде 1956 года в борьбе за тридцать третье место? Блюмкинова одно время совсем потерялась, а потом, уже став Асписовой, кое-чего добилась.

И вот в конце июня шестьдесят восьмого года меня попросили сыграть за «Динамо» финал командного первенства Москвы. В финал вышел и «Труд», где первым номером была Светлана Асписова, именно с ней мне и предстояло играть.

Я не могла, да и не хотела отказываться от этой игры. «Динамо» — мой клуб на всю жизнь. А стадион «Динамо» — такой стадион, где все меня знают, где все контролёры со мной здороваются даже в самый жаркий футбольный день. Я здесь своя.

А старый динамовский корт! Сейчас понастроили много новых кортов, которые, казалось бы, и более современные, и более привлекательны. Но для меня наш динамовский корт по-прежнему самый лучший. Я здесь всегда на месте.

Недавно умер дядя Серёжа, мастер по площадкам, который ещё строил наш корт и всю жизнь за ним ухаживал. Милый дядя Серёжа! Я гуляла около нашего корта уже с двумя детьми, когда последний раз его встретила. Мы немного поговорили о том, о сем, и вдруг дядя Серёжа сказал:

— Что же ты столько трудилась-трудилась а кончилось? Муж твой теперь играет в теннис, а ты...

А наши добрые гардеробщицы, которых я помню с детства и для которых каждая маленькая девочка, важно идущая с ракеткой, — сразу своя девочка.

Я выросла и научилась играть в теннис на этом корте. Но когда я была сильнейшей в стране, у меня просто не оставалось времени выступать за «Динамо». Я постоянно была в разъездах или готовилась к очередному международному турниру. В «Динамо» мирились с этим и никогда не попрекали меня, что забыла, дескать, своё общество.

И теперь я решаю, что самую последнюю игру сыграю все-таки за «Динамо». Круг замкнулся: опять, как и в детстве, я выхожу против Светланы.

Светлана не хотела, конечно, упустить свой шанс — мне было страшно бегать, и я просто не могла поднять вверх руки...

Судья видел всё это и был ко мне несколько благосклонен. Когда он объявлял, что я победила в трёх сетах, Светлана едва не плакала:

— Зачем так судить? Она и сама могла выиграть.

Нет, тут она была не права — при более строгом судействе я бы эту игру не выиграла.

О том, что случилось, когда книга, казалось, была закончена, рассказывает Юрий Зерчанинов

А случилось вот что. Три года Аня себя убеждала, что ей остаётся лишь вспоминать о теннисе, но осенью 1971 года, когда я изложил, наконец, в семи пространных главах все, что она мне поведала, она объявила:

— Теннис мне интересен, лишь когда я в него играю.

И уже в октябре, вручив мужу внушительное предписание, как обходиться с детьми, она отправилась в Тбилиси — на динамовский сбор, который предшествовал чемпионату страны. Впрочем, она полетела в Тбилиси как тренер. Говорила, правда, что пару, может быть, и сыграет, но только пару...

Конечно, она сыграла в Тбилиси не только пару (пара Дмитриева — Еремеева, кстати, была второй), а ринулась в прекрасную авантюру — не будучи достаточно тренированной и наигранной, попыталась разом вернуть своё былое имя. И девочки, которые подросли за эти три года в нашем теннисе и уже на многое претендовали, затрепетали и почтительно перед ней расступились.

А в другой половине турнирной таблицы слегка небрежно, в своём привычном стиле, шествовала к финалу Галина Бакшеева, которая тоже было рассталась с теннисом, но, как и Аня, вдруг возвратилась.

Нежданному натиску Дмитриевой и Бакшеевой смогла противостоять лишь Ольга Морозова. Чудо желанно и в теннисе, но если бы Оля не выиграла тбилисский чемпионат, это было бы просто несправедливо. Прошло время, когда Оля тянулась, чтобы встать в один ряд с Дмитриевой и Бакшеевой. Сегодня она сама диктует условия — предлагает догнать себя. В Тбилиси, во всяком случае, они расположились в турнирной таблице в таком порядке: Морозова, Бакшеева, Дмитриева.

Поскольку я взял вдруг слово, выскочив под самый конец из жёстких рамок литературной записи, позволь, читатель, мне возвратиться к некоторым героям этой книги. Вот как я их увидел на чемпионате страны в Тбилиси.

Нина Сергеевна Теплякова. Храня достоинство, она прогуливалась на тбилисских кортах под руку с Олей Морозовой, и турнир представлялся ей шумным балом в её честь, где она танцует по-прежнему азартнее всех и самый современный бешеный танец, а не старье какое-нибудь. Но, помня о своём возрасте и положении, она лишь изредка позволяла себе громче всех смеяться.

Когда Аня играла за третье место с Зайгой Янсоне, Нина Сергеевна пришла за неё поболеть и расположилась не на трибуне, а на стуле, прямо около корта, и покрикивала на Аню, и подстёгивала её — совсем как прежде.

Арам Герасимович Хангулян. Прячась от солнца под большим белым зонтом, он созерцал игру своего Алика.

Утром, собираясь на турнир, он выглянул в окно и увидел на красной крыше соседнего дома молочно-белого голубя.

— Смотри, как красиво, Женя, — сказал он и вспомнил, что в детстве у него был точно такой голубь, но его подкараулила кошка...

— Я эту кошку поймал и отрубил ей хвост.

Евгения Александровна ужаснулась:

— Если б я знала, Арам, что ты способен на такую жестокость, я никогда бы не стала твоей женой.

— Я просто сбил тебя с панталыку.

— Да, ты сбил меня с панталыку, — сказала весело Евгения Александровна.

И сейчас, созерцая прекрасную игру своего Алика, Арам Герасимович тихо думал, что вот ему уже семьдесят и не всё сложилось в жизни, как он хотел бы, но как ему повезло, однако, что взял когда-то в руки ракетку и оказался поэтому в скеттинг-ринге в то утро, когда Женя пришла туда тайно играть со своей подругой, — и в конце концов научил обращаться с этой ракеткой десятилетнего мальчика, который ревел, проигрывая...

Ещё накануне турнира в их дом пришёл почтальон и, опасливо прислушиваясь к рычанию крохотного репинчера Тутика, вручил Евгении Александровне письмо из Ленинграда от Нугзара Мдзинаришвили: «С первого июня работаю тренером во Дворце пионеров. У меня мальчики семи-десяти лет. Постараюсь хоть как-то походить на вас обоих. Спасибо вам за нас. Только сейчас начинаю понимать, что стоило вам воспитать столько чемпионов, воспитать такого Алика...»

Ольга Морозова. Прогуливаясь по тбилисским кортам под руку с Ниной Сергеевной, она отнюдь не выставляла на вид своё трёхкратное теперь чемпионство — просто у неё очень нежные отношения со своим тренером.

А уж если Оля чем и похвально, то только своими нарядами. Но она не стремится к экстравагантности, ей достаточно выглядеть безукоризненно. Так и в теннисе — конечный результат она стремится достичь самым коротким путём.

В полуфинале микста ей пришлось играть против собственного мужа. Для Вити Рубанова эта игра была жестоким испытанием, но он пошёл на то, чтобы публично продемонстрировать свои чувства. Витина партнёрша негодовала.

А что же Оля? Она не стремилась затягивать эту игру.

Александр Метревели. Тбилиси знает Алика. Тбилиси очень Алика любит. На автомашинах и на всех остальных видах транспорта, пешком, бегом и даже вплавь по Куре Тбилиси устремился на корты стадиона «Динамо», чтобы увидеть, как Алик играет, и чтобы увидеть, какой хороший у Алика сын, и какая красивая у Алика жена, и чтобы увидеть, наконец, что это за штука — теннис.

И среди всеобщего ликования в пышной тбилисской осени Метревели стремительно завершал игру за игрой — он был не очень здоров в те дни и не мог позволить себе не спеша насладиться успехом.

Но какое же все-таки это грустное зрелище, когда десятки зрелых и юных мужчин съезжаются со всей страны на турнир и боязливо ждут результатов жеребьевки, робко мечтая лишь об одном — не попасть сразу «под Метревели»!..

Нервная и самолюбивая девочка Наташа Чмырева, которая убеждена, что взрослые не понимают её и которая ждёт не дождётся, когда ей удастся, наконец, «зацепить» какую-нибудь известную взрослую теннисистку, наша юная «надежда» Наташа Чмырева говорила мне в Тбилиси, что мужской турнир она не смотрит — игра в одни ворота ей неинтересна.

Вот такая история великого теннисного одиночества наблюдалась среди всеобщего ликования в пышной тбилисской осени.

Галина Бакшеева. То она разговаривает, как играет с лёта, то играет с лёта, как разговаривает. её поступки, как и игру, предугадать невозможно.

Поклонники её таланта возбуждённо обменивались впечатлениями:

— Ты видел, как Бакша теперь бегают?

— И мячи не прошвыривает!

— Я тебе говорю, она ещё выигрывает Уимблдон.

— Она вчера подошла ко мне и сама поздоровалась. Я спрашиваю: «Что случилось, Галя? Вы два года меня словно не замечали». А она: «У меня такое настроение было. Не надо на меня обижаться».

— Так и сказала?

— Представь себе, именно так и сказала.

Тоомас Лейус. Да, он второй, опять второй, хотя пробиться в финал пытались многие. Но на последнюю игру с Метревели опять вышел Лейус.

Объективно нынешний Лейус вроде бы несравним с нынешним Метревели, что и подтвердила их финальная встреча, но разве Лейус даже в его лучшие времена мог победить, например, великого Рода Лейвера?

И однако в феврале шестьдесят девятого года в четвертьфинале открытого первенства Новой Зеландии Тоомас Лейус, победивший до этого Роджера Тейлора, «замахнулся» и на самого Лейвера. И когда в пятом сете Лейвер выиграл, наконец, подачу Лейуса, и, казалось, всё было кончено, Лейус тут же выиграл подачу Лейвера...

До этого Лейусу удалось потренироваться с Панчо Гонзалесом, которого он с детства избрал себе в кумиры, и он играл с Лейвером вдохновенно и умственно (слово Тоомаса) и, даже не пытаясь сравниться с австралийцем в мощи удара, сделал ставку только на умственность. Тоомас долго держался и в решающем сете...

К финальной игре с Метревели Тоомас готовился, оставаясь на корте с Петером Лампом до позднего вечера — пока было видно мяч. И хотя до позднего вечера вокруг корта толпились очень весёлые люди и громко спрашивали друг у друга: «Слушай, на что этот Лейус надеется, ты, случайно, не знаешь?» Лейус совершенно невозмутимо продолжал придумывать такую умственную игру, которую Метревели не смог бы расшифровать...

Думаю, что Лейус опять второй не потому, что он не может никому уступить, исключая Метревели, а прежде всего потому, что он не хочет уступать и Метревели.

Лариса Дмитриевна Преображенская. Ну конечно, это та самая Ляля Преображенская, но она уже признанный тренер, она уже Лариса Дмитриевна. Она привезла в Тбилиси свою лучшую ученицу и одновременно племянницу — Лену Гранатурову, которая в Париже выиграла турнир юниоров, а в Северодонецке, невзирая на возраст, — зимнее первенство страны.

Но в Тбилиси, в первом же круге, жребий свёл Гранатурову с Дмитриевой...

После игры Ляля нашла в себе силы сказать Ане:

— Ты играла так здорово, что трудно представить.

Тренер Преображенская могла утешаться, что и Марина Крошина, которая выиграла турнир юниоров в Уимблдоне, и Женя Бирюкова, которая играла в финале любительского чемпионата Европы, тоже «посыпались», и медали, которые им сулили, достались Бакшеевой и Дмитриевой. Но утешаться этим тренер Преображенская не сочла возможным. Будут другие турниры, и она ещё докажет своё. Она осталась прежней Лялей Преображенской, о которой так много рассказано в этой книге.

И совершенно естественно, что Ляля сказала эти слова:

— Ты играла так здорово, что трудно представить.

В Тбилиси на чемпионате СССР 1971 года мы прощаемся с героями этой книги.

Остаётся сказать, что сезон семьдесят второго года Тоомас Лейус закончит неудачно, как и Галина Бакшеева, которая будет играть неохотно — словно забудет, как она прежде играла...

Случится в нашем теннисе и одно небольшое чудо. Постоянный спарринг-партнёр Метревели, старательный Теймураз Какулия вдруг сделает безумный рывок и закончит 1972 год второй ракеткой страны. Он уверенно выиграет летний Московский международный турнир (в отсутствие Метревели), хотя в начале сезона в подобном зимнем турнире не сможет пройти даже первый круг. И на чемпионате страны в Донецке Какулия выйдет в финал, где, правда, уступит безропотно боготворимому им Метревели.

А у женщин в Донецке будет объявлена новая чемпионка страны — Евгения Бирюкова. Оставаясь по-прежнему самой классной нашей теннисисткой, Ольга Морозова тем не менее потерпит в семьдесят втором году ещё одно ошутимое поражение — проиграет чемпионат Европы среди любителей Марине Крошиной.

Но восхождение Крошиной (хорошо чувствует мяч, играет мягко, пластично, умно) и Бирюковой (играет попроще, но более мощно и темпераментно) только начинается, и пока трудно сказать, привнесут ли они в наш теннис нечто новое в сравнении со своими предшественницами, о которых рассказано в этой книге.

Но спрашивается, почему же и с Дмитриевой надо прощаться в Тбилиси? Почему не будет рассказано, как она продолжает играть, возвратившись вторично в теннис? Кого побеждает? Кому проигрывает?

Я отвечаю — ясно, что Анна Дмитриева уже не станет чемпионкой Уимблдона. Нет у неё такой радужной перспективы. А какая в этом случае разница, что вчера она победила Крошину, а сегодня проиграла Бирюковой? Помните этот принцип: «Все или ничего»? Теннисистку Анну Дмитриеву, которая пыталась, как могла, следовать этому прекрасному принципу, я последний раз видел в Тбилиси.

А вчера на «Динамо» я видел, как Аня... Но, однако, я, кажется, слишком разговорился, забыв о жёстких рамках литературной записи.

Пусть Аня сама попробует объяснить случившееся.

«Эти три года я ходила на все турниры, которые игрались в Москве, хотя не могла себе объяснить вразумительно, зачем я прихожу на эти турниры. Игры я не смотрела. С кем-то о чем-то возбуждённо разговаривала, делая вид, что мне совершенно неинтересно все, что происходит на кортах, а пришла просто так — повидать друзей. Но все они были, естественно, заняты теннисом и только теннисом. Я же делала вид, что мне теннис больше неинтересен, но почему-то не уходила — всё это было ужасно глупо. И почему-то, придя на турнир, я сразу устремлялась в раздевалку, где девочки готовились к игре, а мне готовиться было не к чему, и я никому там была не нужна и все-таки каждый раз зачем-то лезла в раздевалку.

До сих пор не могу понять, как это я решилась поехать в Тбилиси. Но какое удивительное ощущение я испытала, когда, как и все, вошла в раздевалку тбилисского стадиона «Динамо», чтобы переодеться перед игрой!

Я думала, женщине проще расстаться со спортом, чем мужчине. Я дважды пыталась это сделать. И вот у меня уже двое детей. Они играют в игрушки, а я по-прежнему — в теннис...»

Немного о теннисных терминах, которые встречаются в этой книге

Матч (встреча) обычно состоит у мужчин из пяти, а у женщин из трёх сетов.

Сет (партия) по классическим правилам заканчивается, когда одна из сторон выигрывает не менее шести геймов и с перевесом по крайней мере в два гейма (6:4, 9:7 и т. д.)

Гейм (игра) предполагает розыгрыш не менее четырёх мячей (ведя со счётом 40:0, достаточно выиграть ещё один мяч). Но при счёте «ровно» гейм будет продолжаться, пока одна из сторон не добьётся перевеса в два мяча.

Матчбол — ситуация, при которой можно закончить матч в свою пользу выигравшем одним мячом. Матчбол может быть и двойной (40:15) и тройной (40:0). Матчбол возникает, естественно, лишь в решающем сете, а в одном из предыдущих сетов подобная ситуация именуется сетболом.

Драйв — сильный удар с отскока, чётко направленный (пассированный), придающий мячу вращательное движение в направлении его полёта. В современном теннисе этот термин употребляется редко (термин, но не сам удар!).

Смеш — удар, которым убивается мяч, летящий над головой.

Свеча — удар, придающий мячу высокую параболу.